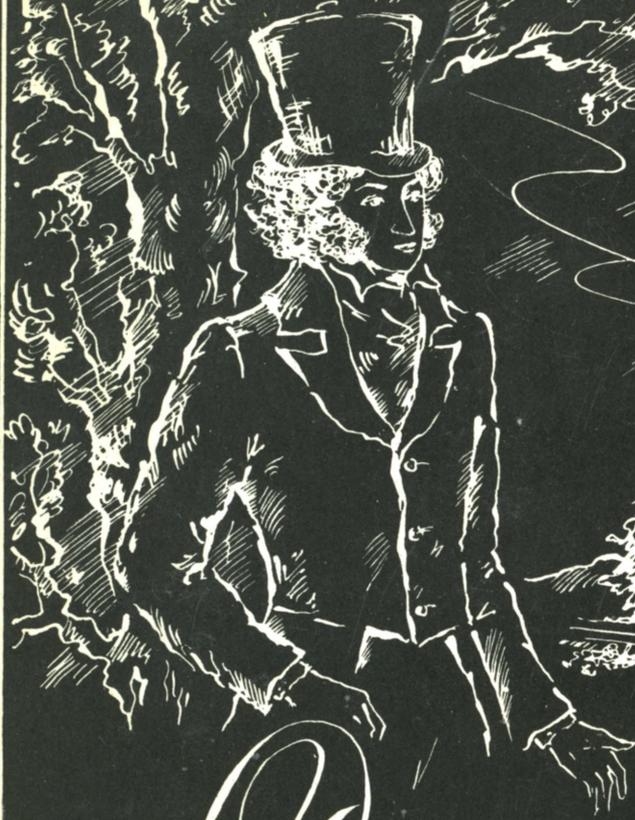

Г. БОГАЧ

*Далече
северной
столицы*

Г. БОГАЧ

ДАЛЕЧЕ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

О ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА В МОЛДАВИИ

Глубоко уважаемому
Генеральному Консулу
Смешкову
от слушателя ф.т.к.
Анатолия Яковлевича
на родную планету —
Г. Богач
19.11.79

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство 1979

Пушкинский кабинет ИРЛИ

- Б73 Богач Г. Ф. *Далече северной столицы.* Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979 г.

192 с.

Работа посвящена пребыванию А. С. Пушкина в южной ссылке. Она содержит много интересных наблюдений, касающихся биографии и творчества поэта этого периода. Особое внимание уделено отражению в его произведениях исторических, этнографических и лингвистических особенностей жизни Молдавии. Автор комментирует и проясняет различные эпизоды пушкинской жизни, его произведения и отдельные их строки.

Книга привлечет внимание всех, кто любит творчество великого русского поэта.

Б 70202 — 49
М141(03)—79 33—79. 4702000000.

8P1

© Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979 г.

«И ТИХИЙ ТРУД И ЖАЖДА РАЗМЫШЛЕНИЙ»

В Кишинев ссыльный Пушкин прибыл 21 сентября 1820 года. Сначала он поселился у купца И. Н. Наумова, потом переехал к наместнику края генералу И. Н. Инзову, где ему были отведены две комнатки, а в последний год пребывания в этом крае жил в одном доме с другом, десятью годами старше, Н. С. Алексеевым, чиновником особых поручений при Инзове. До наших дней сохранился лишь дом Наумова, в котором в 1948 году открыт Дом-музей А. С. Пушкина.

В Кишиневе поэт чувствовал себя свободно. Инзов смотрел сквозь пальцы на его проделки, положительно отзывался о нем в официальной переписке, разрешал поездки по Бессарабии и за пределы области: в Киевскую губернию, Николаев и Одессу. Осенью 1822 года Пушкин, как предполагают, ездил и в Тульчин, где находился штаб Второй армии и жили его начальник

П. Д. Киселев, а также П. И. Пестель и другие члены тайного общества.

Жизнь в Кишиневе отличалась чрезвычайным своеобразием, невозможным ни в каком другом городе, что дало поэту основание написать в середине 1821 года: «В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатка нет»¹. А еще через два месяца, когда все ожидали, что Россия начнет войну против Турции за освобождение народов Балканского полуострова, полный неутомимой жажды новизны, он настаивает: «...если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии».

Административный центр края стоил того, чтобы познакомиться с ним поближе. Еще недавно небольшое селение, Кишинев в 1812 году, когда восточная часть Молдавского княжества (впоследствии Бессарабия) была присоединена к России, совершенно неожиданно стал столицей области. Это повлияло прежде всего на рост населения. Но внешний облик города оставался прежним: дома строили по старинке, с чердаками, колоннами и полуподвалами, огораживали их высокими плетневыми изгородями. Единственный двухэтажный дом, нанимаемый для наместника и казавшийся чудом архитектуры, был покрыт камышом. Лучшее строение города — тюрьма. И церковь здесь какой-то необычной архитектуры, а внутри, вдоль стен, — деревянные стойки с сидением: в них стояли облокотившись или сидели престарелые монахи или «знатные особы», причем в головных уборах! В глазах приезжих это создавало впечатление невероятного чванства местного боярства.

На улицах — самое невероятное смешение нарядов: мундиры военных и длинные кафтаны молдавских бояр, их огромные шапки («ишлики») и чалмы, с которыми они нигде не расставались, виц-мундиры чиновников и засаленные лапсердаки торгового люда, традиционные постолы и высокие кушмы молдавских крестьян, шалевые пояса и остроконечные туфли греков, шириной в Черное море штаны украинских казаков, тирольские шляпы немцев-колонистов, своеобразная одежда армян и караимов.

---

¹ Здесь и далее цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по кн.: Пушкин. Полн. собр. соч. В 16-ти т. Изд-во АН СССР, 1937 — 1949.

Поминутно можно было наблюдать необычные жанровые сцены.

Вот скачет по кривым улицам, разъезжаясь с множеством экипажей, троек, кибиток, телег, водовозами и огромными арбами, верховая лошадь с щеголеватым всадником. За нею во всю прыть бежит босиком полуголый цыган: пока хозяин в гостях, он будет терпеливо выводить запаренного коня или покорно держать его под уздцы.

Закованные арестанты собирают у прохожих милостыню. А на другом конце улицы плотное кольцо зевак: там ручной медведь, там,

На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет...

В праздничные дни город освещался «иллюминацией»: в окнах горели свечи, на перекрестках улиц дымили и пламенели плошки и смоляные бочки. Неожиданно раздавались выстрелы. Это не нападение и не погоня: просто местные жители так приветствовали наступление праздника.

Пушкина можно было видеть на народных гуляниях, которые проводились в нижней части города, в районе современной Болгарской улицы. Особенно его привлекали атлетические состязания мужчин. Он даже сам был «намерен учиться этому искусству»².

Так — наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный,—

слышится ему реплика чиновника, удивленного тем, что поэту нравятся «базарное волнение», «нарядов пестрое стеснение», простой люд.

Видел поэт и похоронную процессию (умерший был соратником известного в свое время народного мстителя — гайдука Бужора), которую замыкала лошадь покойного, покрытая красным чепраком. Посещал он и местный острог, где беседовал с заинтересовавшимся его гайдуком Урсолом.

Все это занимало, было непривычно, весело и тревожно. И все наталкивало на размышление.

---

² Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья (дневник).— В кн.: Звенья. Т. 9. М., 1951, с. 63.

Знакомясь с бытом и нравами Кишинева, поэт заходил к своим новым приятелям — молдаванам. Литературные интересы определили большую привязанность к нему будущих классиков молдавской литературы Константина Стамати и Константина Негруци. Стамати уже в 1824 году перевел на молдавский язык поэму «Кавказский пленник», «дабы познакомить своих соотечественников с русской словесностью и возбудить в их сердцах охоту обучаться российскому языку и упражняться с северною литературою, донныне им еще неизвестною»³. Негруци принадлежат первые молдавские переводы «Черной шали», повести «Кирджали» и другие, а также воспоминание о знакомстве с поэтом.

Особенно часто бывал Пушкин у гостеприимного боярина Варфоломея, в «пестром доме» которого любил проводить свободные вечера. Он шутливо ухаживал за красавицей Пульхерицей — дочерью хозяина, слушал молдавские народные песни (среди них «Рсжь меня, жги меня...») в исполнении музыкантов, одетых в традиционные длинные халаты и игравших на неизвестных поэту инструментах — молдавской кобзе, флейте Пана (най) и других. В доме гражданского губернатора К. А. Катакази Пушкин наблюдал казавшиеся ему забавными сцены восточного времяпрепровождения:

Раззевавшись от обедни,
К К<атакази> еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!

В незадолго до этого распланированном «дворцовом парке», ныне носящем имя поэта, он с друзьями часто слушал игру военного оркестра или, как уверяет предание, уединялся в отдаленную полюбившуюся ему аллею из тенистых акаций, оставаясь со своими «бумажками». Впоследствии эту аллею, выходящую на перекресток современных улиц Киевской и Гоголя, так и называли Пушкинской. В 1885 году на ней был установлен памятник великому поэту.

Пушкина живо интересовали все стороны жизни ко-

---

³ Богач И. И. Автограф первого молдавского перевода поэмы Пушкина «Кавказский пленник». — В кн.: Пушкин на Юге. Т. 2. Кишинев, 1961, с. 362.

рённых обитателей края. Естественным было его стремление глубже изучить молдавский фольклор и особенно героические предания. Его восхищали песни и рассказы о бесстрашных народных героях, о подвигах гайдуков Урсула, Богаченко, Кирджали. Из этого источника взяты были песня «Режь меня, жги меня...», предание о ссыльном римском поэте Овидии, тема «Братьев разбойников», эпиграф к черновику этой поэмы и другие. И. П. Липранди в своих воспоминаниях рассказывал об интересе Пушкина к двум преданиям из истории Молдавии XVII века, на основе которых он создал первые свои прозаические произведения. Текст повестей пока не найден, но благодаря указаниям на эпоху и личным именам, сохранившимся в

Кукон и куконица (предположительно Варфоломей и его жена). Рисунок А. С. Пушкина

заглавиях записей, содержание их было восстановлено. Для истории развития большой науки о Пушкине примечательно то, что реконструкция выполнена почти одновременно — в 1952 году — независимо друг от друга тремя исследователями, в трех разных городах — Ленинграде, Кишиневе и Бухаресте⁴.

Всем молдавским фольклорным темам, которые интересовали Пушкина и часть которых была использована им в своем творчестве, присуща общая черта: как

---

⁴ Над реконструкцией содержания повестей работали Б. В. Томашевский (Незавершенные кишиневские замыслы Пуш-

в своей родной стихии, так и в обработке поэта они выражают страстный протест народа против социального и национального гнета. И это в то время, когда официальные круги считали Бессарабию, лишь недавно освобожденную из-под турецкого многовекового гнета, краем «благословенным»! Заменяв ссылку в Сибирь Бессарабией, царизм рассчитывал, что поэт здесь будет окружен «хорошими примерами» и что это облагоразумит его...

Большой интерес проявлял Пушкин к народной молдавской музыке и языку.

Его внимание привлек и бендерский аферист, скупавший документы умерших горожан, которые он потом с выгодой для себя перепродавал беглым крестьянам. Возможно, именно здесь следует искать источник темы, впоследствии подаренной Пушкиным Гоголю и так гениально использованной великим сатириком в поэме «Мертвые души». Согласно пушкинским наброскам в Бессарабии же он собрал и данные о проделках мелкого русского чиновника, выдававшего себя за высокопоставленное должностное лицо. Исследователи предполагают, что ставшие известными Пушкину факты были рассказаны впоследствии тому же Гоголю и легли в основу комедии «Ревизор».

И в художественных произведениях и в рисунках Пушкина (как известно, он был и великолепным художником) отразились демократические настроения поэта: он изображал представителей «низов» с дружелюбием, в то же время рисуя карикатурно местное дворянство и чиновничий мир. Так, в стихотворении «Мой друг, уже три дня...», написанном во время домашнего ареста после шумного конфликта с архиреакционным боярином Балшем, Пушкин признавался, что одной из причин его ареста было то, что он уже не в первый раз «орду бояр» пугал какою-то «новой тревогой...».

Особую симпатию вызывали у Пушкина гетерис-

кина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М. — Л., 1953, с. 201—202), Г. Ф. Богач (Молдавские предания, записанные Пушкиным в Кишиневе. — Там же, с. 212 — 240), V. Ciobanu (A. S. Puskin si literatura romana. — Relativ romano-ruse in trecut. Bucuresti, 1957, p. 128—129).

ты — участники греческого национально-освободительного движения, гетерии, подготовленного и начавшегося в Одессе и Кишиневе. Поэт восторженно приветствовал это движение в таких произведениях, как «Гречанка верная! не плачь...», «Война». Он гордился тем, что лучше других понимал интересы греческого народа: «...между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия *этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует...» Своих единомышленников из числа греков и молдаван (которых поэт считал потомками двух «великих народов» — греков и римлян, утративших свою славу, но теперь «возобновленных», являющихся на «политическое поприще мира») он называл своими «конституционными друзьями». А когда благородное движение не удалось (это случилось также и из-за бездарности его руководителей), все симпатии поэта перешли на сторону рядовых участников революции.

Среди шума и разногласия кишиневских улиц все чаще звучат имена новых друзей Пушкина — офицеров армейского корпуса, размещенного в городе. Это люди честные, благородные, с высокими помыслами и смелыми сердцами. Поэт тогда еще не знал, что многие из них — участники тайных кружков, будущие декабристы.

Близок Пушкину в Кишиневе был генерал-майор М. Ф. Орлов, большой друг семейства Раевских, женившийся впоследствии на старшей дочери генерала, один из образованнейших людей того времени, глубокий знаток и ценитель искусств и особенно литературы.

Часто поэт проводил время в обществе капитана К. А. Охотникова и майора В. Ф. Раевского, в судьбе которого он сыграл значительную роль, предупредив о готовящемся аресте.

В Кишиневе же Пушкин познакомился с П. И. Пестелем, который произвел на него огромное впечатление. Об этом сохранилась характерная запись в дневнике: «...утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. <...> Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

Творчество Пушкина кишиневского периода пронизано свободолобивыми и революционными идеями декабризма и идеями национально-освободительной борь-

бы народов Европы. Об этом свидетельствуют записанные современниками его политические высказывания. Так, однажды за столом на обеде у Инзова поэт заметил: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчистить, чья сторона возьмет верх». Инзову пришлось прервать глубокое молчание, воцарившееся в комнате, «повернуть разговор на другие предметы»⁵. Много гражданской смелости выражает реплика поэта. Много любви и заботы скрывает и поступок Инзова. Поэт навсегда сохранил сыновнюю благодарность к нему, а бездетный старик после отъезда Пушкина в Одессу вздыхал: «Зачем он меня оставил?..»⁶

В Кишиневе Пушкин был принят в масонскую ложу «Овидий», в которой бродили антиправительственные настроения. Название ложи воскрешало память о римском поэте-изгнаннике и о деспотизме римского императора. Инзов по мере сил оберегал «свое любимое чадо» и на запросы из Петербурга сообщал, что Пушкин вовсе не масон, хотя сам поэт впоследствии признавался: «Я был масон в кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи».

Поэт серьезно занимался, много читал.

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

Кишиневский период ознаменовался такими выдающимися стихотворениями, как «Кинжал», «В. Л. Давыдову», «К Овидию», «Послание цензору», «Узник», «Птичка», «Кто, волны, вас остановил». Здесь же начата работа над созданием «энциклопедии русской жизни» — романом «Евгений Онегин».

В 1821 году была написана поэма «Братья разбойники», насыщенная мотивами молдавского гайдуцкого фольклора. Но от нее сохранился лишь отрывок.

⁵ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 88.

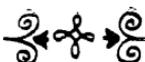
⁶ Вигель Ф. Ф. Из записок. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М., 1974, с. 224.

Поэма «Цыганы» создана несколько позже. Сведения старожилков и текст поэмы утвердили в обращении предание о том, что ее автор, по уши влюбленный в свою Земфиру, кочевал с табором бессарабских цыган. Легенда рассказывает о том, что он бывал в селе Долна (ныне село Пушкино) и что якобы именно там полюбилась ему черноокая.

Поэт полюбил Молдавию и дорожил ею как святыней, занявшей особое место в истории русского народа и русской литературы:

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

Из Кишинева, где он пробыл около трех лет, Пушкин выехал с еще большей верою в торжество свободы и счастья народного.

ПЛОВЕЦ И АРИОН

Глубинные основы дружбы

Общепризнано, что А. С. Пушкин и В. Ф. Раевский были большими друзьями, что «первый декабрист» оказал на Пушкина большое влияние. Усматривается оно преимущественно в новом для поэта обращении к древней русской вольности как к средству воспитания свободолюбия у современников. Данные мемуарной литературы свидетельствуют и о том, что широко образованный, беспредельно требовательный к себе декабрист постоянно подавал молодому поэту пример эрудированности и взыскательности.

Современники занесли в свои дневники и воспоминания яркие факты из истории этой дружбы. Офицеры 16-й дивизии В. П. Горчаков и И. П. Липранди пишут единодушно, что проявлялась она преимущественно в задушевных беседах по научным и литературным вопросам и была серьезной и глубокой. В. П. Горчаков

вспоминает: «Но это сближение тут же не помешало нам о чем-то поспорить; да и вообще при каждом разговоре спор между нами был неизбежен; особенно если Пушкин, вопреки мнению Раевского, был одного мнения со мною. В подобных случаях для каждого капитан Раевский показался бы несносным, но мы, как кажется, взаимно тешились очередным воспламенением спора, который, продолжаясь иногда по несколько часов, ничем не оканчивался, и мы расходились по-прежнему добрыми приятелями, до новой встречи и неизбежного спора»¹. Называя Раевского «большим пюристом—грамматиком и географом», Горчаков свидетельствовал: «Этот капитан, владея сам стихом и поэтическими способностями, никогда не мог подарить Пушкину ни одного ошибочного слова, хотя бы то наскоро сказанного или почти неуловимого неправильного ударения в слове»².

А И. П. Липранди раскрыл содержание подобных бесед: «Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь. Пушкин, как строптив и вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обижался, а напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского. В одном, сколько я помню, Пушкин не соглашался с Раевским, когда этот утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц Древней Греции и Рима, что у нас и то и другое есть свое и т. п.»³ И в коммен-

---

¹ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 261.

² Там же, с. 260.

³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 298 — 299.

тари к тексту материалов П. Бартенева о южном периоде творчества Пушкина: (поэт) «...самопризнающий свой поэтический дар и всегдашнюю готовность стать лицом со смертью, смирялся, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями; этому не раз был я также свидетелем. В таких беседах, особенно с В. Ф. Раевским, Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходки со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя сведениями, продолжал обсуждение предмета. Очень правильно замечено в статье, что «беседы у Орлова и пр. заставили Пушкина пристальней глядеть на самого себя и в то же время вообще направляли его мысли к занятиям умственным»⁴. Закончил Липранди эту часть своих воспоминаний, безусловно проговариваясь (потому что он всячески скрывал и искажал взаимоотношения Пушкина с кишиневскими декабристами), свидетельством о большом влиянии декабристского окружения на молодого поэта: «По моему мнению, беседы его, независимо от Орлова, но с Вельтманом, Раевским, Охотниковым и некоторыми другими много тому содействовали; они, так сказать, дали толчок к дальнейшему развитию научно-умственных способностей Пушкина по предметам серьезных наук»⁵.

В работе «Вечер в Кишиневе», впервые опубликованной в 1934 году и являющейся зарисовкой литературного диспута, Раевский подверг строгому разбору лицейское стихотворение Пушкина «Наполеон на Эльбе» и изложил бескомпромиссные требования к точности и ясности слога, говорил об ответственности за каждую строчку, вновь написанную или перепечатанную⁶.

В наши дни благодаря историкам и филологам (почетное место среди них занимают иркутские ученые М. К. Азадовский, Ф. А. Кудрявцев, С. Ф. Коваль), сумевшим отыскать и оценить наследие декабриста, хорошо известно, что о предстоящем аресте предупредил

---

⁴ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 327.

⁵ Там же.

⁶ Оксман Ю. Вечер в Кишиневе (из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского). — В кн.: Лит. наследство. Т. 16 — 18. М., 1934, с. 657 — 666.

Раевского именно Пушкин. Это очень важно. И не только потому, что предупреждение дало возможность Раевскому уничтожить бумаги, связанные с деятельностью тайного общества, и тем самым уберечь от преследования сотоварищей, но и потому, что участие в этом деле величайшего представителя русской литературы весьма символично: уже в самом начале репрессий против декабристов на стороне первой жертвы царизма стоял он, Пушкин.

Напомним эту сцену по автобиографической записке самого Раевского:

«1822 года февраля 5, в 9-ть часов пополудни кто-то постучался у моих дверей. Арнаут (слуга, дворецкий. — Г. Б.), который стоял в безмолвии передо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел? Я курил трубку, лежа на диване.

— Здравствуй, душа моя!— сказал мне, войдя весьма торопливо и изменившимся голосом Алекс[андр] Сергее[вич] Пушкин.

— Здравствуй, что нового?

— Новости есть, но дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

— Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток Сабанеева... но что такое?

— Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала (Инзова.— Г. Б.). Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, я, признаюсь, согрешил—приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, ты знаешь, как он тебя любит, отстаивал тебя горюю. Долго еще продолжался разговор, я многого не дослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

— Спасибо,— сказал я Пушкину,— я этого почти ожидал! Но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям отзывается какой-[то] турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет. Пойдем...»⁷

В воспоминаниях Раевского содержится еще одно не менее важное сообщение: рядом с ним в момент рас-

---

⁷ Раевский В. Ф. Сочинения. Ульяновск, 1961, с. 142—143.

правы был не только Пушкин, представитель русской литературы, но и **безымянный** человек из народа, возможно, даже не русский, а молдаванин. До службы у Раевского он участвовал в национально-освободительной борьбе балканских народов. В самый напряженный момент «он с жаром, почти со слезами просил у меня позволения «Сабанеева режай!», то есть зарезать Сабанеева, когда меня арестовали»⁸.

О безымянном своем герое Раевский говорит и в стихотворном послании «К друзьям»:

Напрасно голос громовой
Мне верной **черни боевой**
В мою защиту отозвался,
Сей голос сильный, пред судом,
Был назван тайным мятежом
И в подозрении остался⁹.

Заключенный первоначально в Тираспольскую крепость, где он пробыл до января 1826 года, Раевский вплоть до конца 1827 года находился под следствием. Сидел он в Петропавловской крепости, затем под Варшавой в крепости Замосць. Осенью 1827 года была подписана «безбожно-несправедливая» конфирмация. В ней значилось, что «собственное его поведение, образ мыслей и поступки столь важны, что по всем существующим постановлениям подлежал бы он **лишению жизни**». Но тут сказалась «царская милость»: лишая майора Раевского «чинов, заслуженных им орденов св. Анны 4-го класса, золотой шпаги с надписью «за храбрость», медали за 1812 год и дворянское достоинства, удалить как вредного в обществе человека в Сибирь на поселение»¹⁰. В ноябре Раевский отправился в ссылку и прибыл в Иркутск на исходе февраля 1828 года. Он поселился в селе Олонки, где, прожив до 1872 года, умер и был похоронен по его просьбе на светлом просторе сельского кладбища.

Дружба Раевского и Пушкина основывалась на совпадении общественно-политических взглядов. Философские рассуждения Раевского и революционные высказывания и стихи Пушкина, созданные в кишиневский

⁸ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 146.

⁹ Там же, с. 92—93.

¹⁰ Там же, с. 166.

период, можно было бы расположить рядом в две колонки, чтобы еще яснее убедиться в их сходстве. В «Рассуждении о рабстве крестьян и о необходимости скорого преобразования в России» Раевский писал: «...Кто дал человеку право называть человека **«МОИМ И СОБСТВЕННЫМ?»** По какому праву тело, имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человекoв? Не из источника ли грубого, неистового невежества, злодейского эгоизма, скотских страстей и бесчеловечия?

Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, что он впоен слезами и кровавым потом своих подданных, что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих несчастных, что элементы его суть корысть и бесчувствие»¹¹.

А вот что поместилось бы во второй колонке. Воспроизведем вначале слова Пушкина, сказанные им в пору дружбы с Раевским и записанные П. И. Долгоруковым: «...Он всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России»¹².

После ареста друга высказывания станут еще резче. В конце мая 1822 года, вскрывая сущность общественной атмосферы, Пушкин «отпустил» присутствующим за столом у наместника глубокий силлогизм, который был уже приведен выше: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх»¹³.

В середине лета 1822 года в том же доме Инзова, встретившись с реакционным чиновником, «Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники подлецы и воры, генералы скоты большей частью, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно

---

¹¹ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 123.

¹² Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 27.

¹³ Там же, с. 88.

всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затыгивал бы петли»¹⁴.

Черновики поэмы «Братья разбойники», написанной как раз в пору дружбы с Раевским, свидетельствуют о том, что первоначально поэт намеревался рассказать о невыносимых условиях крестьянского бытия:

Нам детям жизнь была не в радость,
Никто не утешал сирот
Ни лаской, ни хвалой приветной
Родясь для горя <и> забот
От колыбели перволетней
К унынию <?> привыкли мы...

А окончательная редакция донесла до читателя свободолюбие поэта в такой форме:

Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Итак — полное совпадение общественно-политических взглядов. Разногласия же, как о том единодушно пишут современники, проявлялись во взглядах на литературный язык и на литературу.

Утраченное тюремное послание

Из Тираспольской крепости Раевский сумел передать послание «К друзьям в Кишинев» (в других редакциях «К друзьям из Тирасполя») и «Певец в темнице». В первом знаменательны строки, обращенные к Пушкину и отражавшие одну из основных тем их литературных споров:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой

---

¹⁴ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 99 — 100.

Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака в век полночной славы
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше Вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена¹⁵.

В другой редакции, по-видимому более поздней, этот призыв детализирован:

...Воспой те дни, когда в цепях
Лежала наглая обида,
Когда порок, как бледный страх,
Боялся собственного вида.
Воспой величие царей,
Их благость должную к народу,
В десницах их его свободу
И право личное людей.
Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век златой,
Природы дикой и святой
И нрав естественных уставы...¹⁶

Стихотворение «Певец в темнице», также достигшее кишиневских друзей, носит характер исповеди. Предчувствуя тяжелую расправу, арестованный декабрист подводит итог своей безотрадной жизни, но заканчивает раздумья твердой уверенностью, что народ, давно падший на «край своей могилы»

...рано ль, поздно ли, — опять
Восстанет он с ударом силы!¹⁷

Известный пушкинист М. А. Цявловский считал, что стихотворения Пушкина «Не тем горжусь я, мой певец», «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел» и «Недаром ты ко мне воззвал» (все три незаконченные)

¹⁵ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 94 — 95.

¹⁶ Эта редакция приведена в кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 17.

¹⁷ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 97.

являются откликом поэта на названные выше тюремные произведения Раевского¹⁸.

Но так ли это на самом деле?

По нашему мнению, ученый верно установил лишь адресата пушкинских произведений. Но отвечал поэт не на сохранившиеся послания, а на какое-то третье, утраченное. Материал для такого утверждения и гипотетической реконструкции не дошедшего до наших дней послания Раевского дают поэтические ответы Пушкина.

Приведем здесь лишь основные аргументы, доказывающие, что поэт отвечал на неизвестное еще, другое, «длинное» послание Раевского.

В мемуарной литературе имеется сообщение, исследователями никак не учтенное, согласно которому кроме названных двух стихотворений Раевский передал Пушкину еще одно, третье—«длинное». Сообщение зафиксировал И. П. Липранди. Около половины 1822 года Липранди «провел с ним (Раевским.— Г. Б.) полчаса, опасаясь оставаться долее. Он дал мне пьесу в стихах, довольно длинную, под заглавием «Певец в темнице» (стихотворение «К друзьям в Кишинев» было переслано Раевским раньше.— Г. Б.), и поручил сказать Пушкину, что он пишет ему длинное послание, которое впоследствии я и передал Пушкину, когда он был уже в Одессе»¹⁹. По своему обычаю, Липранди и с этого послания снял копию, которая позже затерялась вместе с пятью письмами Пушкина к нему. В сноске к своему тексту мемуарист повторил это сообщение: «Во время отъезда моего в 1851 года за границу Н. С. Алексеев взял у меня и то и другое (и пьесу в стихах «Певец в темнице», и «длинное послание».— Г. Б.), а равно и пять писем Пушкина; возвратясь, не нашел я его в Петербурге, и он вскоре умер в Москве. Здесь я слышал, что будто бы он кому-то отдал мне возвратить»²⁰.

Второй аргумент вытекает из сопоставления сохранившихся стихотворений Раевского с ответными посланиями Пушкина. Сопоставление убеждает в отсутствии

---

¹⁸ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине, с. 15—27.

¹⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 328.

²⁰ Там же.

того, что называется адекватностью стимулов (или раздражителей) ответам.

В стихотворении «К друзьям в Кишинев» Раевский упрекал Пушкина за то, что тот воспевает любовь, а не выступает против тирании:

...Любовь ли петь, где брызжет кровь...

Свое якобы ответное послание именно на это стихотворение Пушкин начинает словами:

Не тем горжусь я, мой певец,
Что привлекать умел стихами
Вниманье пламенных сердец,
Играя смехом и слезами...

Этот ответ предполагает вероятностный стимул примерно такого содержания: «Ты, Пушкин, гордишься тем, что своими стихами умел привлекать внимание влюбленных». Но такого утверждения вовсе нет в той части, которая обращена к Пушкину. Далее поэт отклоняет и другие упреки в каком-то чрезмерном самолюбии. Он утверждает вдруг, так же некстати, что у него есть и поэтические произведения, полные гражданского пафоса. Раевский обвиняет Пушкина в том, что он уже не выступает против тирании, а поэт совсем невпопад говорит, что он уже и до того приводил в ужас и неправду, и разврат, и злобу. Но он, оказывается, не гордился тем

...что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил...

Совсем некстати заговорил бы Пушкин, отвечая на известное обращение Раевского, о том, что и слава ему нипочем, что он вовсе не гордится тем, что стал «известен меж людей». Ничего, что вызвало бы подобный ответ Пушкина, в стихотворении Раевского нет.

Второе послание Пушкина в еще меньшей степени соприкасается с автобиографическим стихотворением декабриста «Певец в темнице». Узник отвечает на свои же вопросы как человек, которому предстоит расстаться с жизнью и который наедине отчитывается за весь жизненный путь перед собственной совестью. Поэт-декаб-

рист признается здесь в преданности делу народному, из-за чего

...неги не любил душой,
Не знал любви, как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой
Встревожен мыслию мятежной,
Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,
Мечты мечтами истреблял,
Не зная мира и веселий²¹.

Отвечая на эти стихи, Пушкин уже якобы соглашается с упреками своего друга, что он, Пушкин, недостаточно внимателен к благосклонной природе, что он все же вдоволь наслаждался до тех пор «досугом», «сонной ленью», «лепетаньем славы шумной», «дружбою», «любовью», «трудом» и «вдохновением».

Строки

Ты прав, мой друг — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной...

предполагают в качестве раздражителя констатацию: «Ты не воспевал до сих пор природу». Однако ни этого, ни всего только что перечисленного в известном стихотворении Раевского, отчитывающегося перед самим собой, нет.

Третье привлекаемое здесь доказательство — гипотеза, сформулированная кишиневским историком Л. Н. Оганян в 1961 году. А в нашем доказательстве эта гипотеза может приобрести значение решающего аргумента.

В одной из тюремных рукописей Раевского, обнаруженной в архиве, вместо прежней фамилии «Кисловский» фигурирует инициал «П». Слово, начинающееся этой буквой, чтобы лечь в стих, должно быть двусложным. Первоначально в рукописном стихотворении «Мое прости друзьям», написанном в 1817 году, было:

Кис<ловский>, друг свободы.

В Тираспольской крепости в 1822 году Раевский переделывает этот стих так:

О! П... друг свободы...

Л. Н. Оганян предполагает, что за инициалом «П» скрывается имя Пушкина, и делает вывод, что «пере-

---

²¹ Раевский В. Ф. Сочинение, с. 96.

несение текста из одного произведения в другое с внесением небольших изменений могло произойти по той простой причине, что оно не предназначалось для печати»²². Правда, исследователь не обсуждает вопроса об ответных посланиях Пушкина и их тематическом или идейном соответствии стихотворениям Раевского, что и не входило в его задачу. Но это соответствие обнаруживается именно здесь, а не в названных двух стихотворениях. В ответе «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел...» Пушкин говорит о тех же категориях, которые фигурируют, хотя и в ином контексте, в данном черновом наброске Раевского.

Вот интересующий нас отрывок, восстановленный Раевским в тюрьме по памяти, переделанный и, возможно, действительно переадресованный Пушкину:

Оставля жизни бурной
Неласковый прием
И блеск честей мишурный
Ты истинным путем
О! П... друг свободы
Под сень святой природы
(И в) с беспечностью идешь
Где время золотое
В довольстве и покое
И в неге проведешь.

Категориям Раевского, выделенным ниже, соответствуют пушкинские синонимы (они заключены здесь в кавычки): честь мишурная — «лепетанье славы шумной»; сень святой природы — «дары природы благосклонной»; беспечность, довольство, покой, нега — «досуг», «наслаждение лени сонной»; сладкоумственная мечта — «труд», «вдохновение», «жарких дум уединенное волнение».

Утверждать, что именно на этот текст послания Раевского отвечал Пушкин, разумеется, нельзя. Приведенные стихи были лишь начальным черновым вариантом, сохранившимся среди тюремных бумаг декабриста. Но важно другое — их тематическое совпадение с ответами Пушкина и наличие предполагаемого Оганян обращения: «О! П <ушкин>...»

---

²² Оганян Л. Н. К вопросу о стихотворениях В. Ф. Раевского к А. С. Пушкину. — В кн.: Пушкин на Юге. Т. 2. Кишинев, 1961, с. 207.

Ответные послания Пушкина, как было сказано выше, дают возможность восстановить утраченное тюремное послание (одно? два?) к нему Раевского. Эта реконструкция представляется крайне необходимой.

«Певец в темнице» Раевского заканчивается мажорно. Но в этом же стихотворении имеются и крайне пессимистические строки о современности, которые автор перенес и в предполагаемое третье послание:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе...²³

Эти строки соответствуют наиболее трагическому и, по нашему мнению, до конца еще далеко не объясненному произведению Пушкина периода южной ссылки — его загадочному стихотворению, выросшему, как справедливо заметил М. А. Цявловский в указанном исследовании, из литературного общения Пушкина с Раевским, — «Свободы сеятель пустынный...». Кто знает, может быть, такая реконструкция, построенная на основании незавершенных ответных посланий Пушкина, даст ключ для правильного истолкования этого произведения. Путь к такой многообещающей реконструкции открыт. Исследователю надо собрать и взвесить все, чем так богато сегодня советское пушкиноведение. К исследованию должны быть привлечены все наблюдения и догадки, все предположения и выводы о совпадениях в тематически связанных между собою произведениях Раевского и Пушкина.

Отрицательная характеристика?

Непродолжительная, но полная творческого общения дружба Раевского и Пушкина оставила значительный след в творчестве поэта. Результатом этой дружбы считается обращение Пушкина к темам древнерусской истории, ее вольности, к старинным преданиям. Тогда же усилилось его внимание к национально-освободительным войнам, окрепли его атеистические настроения.

Но взаимоотношения декабриста с великим поэтом

---

²³ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 96 — 97.

изучены, на наш взгляд, еще слабо. Недостаточно исследовано участие Пушкина в судьбе уже арестованного декабриста. От И. П. Липранди известно, что Пушкин чрезвычайно любопытно узнал причину его ареста. Мемуарист сообщил также о первой реакции поэта на только что доставленное ему из Тираспольской крепости послание «Певец в темнице». Он, пишет Липранди, «очень много расспрашивал о Раевском, с видимым участием». И далее: «Начав читать «Певца в темнице», он заметил, что Раевский упорно хочет брать все из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе Посаднице и Вадиме, и вдруг остановился. «Как это хорошо, как это сильно; мысль эта мне никогда не встречалась; она давно вертелась в моей голове; но это не в моем роде, это в роде Тираспольской крепости, а хорошо»,— и пр. Он продолжал читать, но, видимо, более серьезно. На вопрос мой, что ему так понравилось, он отвечал, чтобы я подождал. Окончив, он сел ближе ко мне и Таушеву и прочитал следующее:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.

Он повторил последнюю строчку... и прибавил, вздохнув: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца»²⁴.

В ноябре 1822 года Пушкин, по-видимому, был в Тульчине. Одной из предполагаемых целей поездки в это местечко, где находился штаб Второй армии и где служили видные декабристы П. И. Пестель, К. А. Охотников и другие, исследователи считают попытку заступиться за Раевского перед начальником штаба графом Киселевым, «игравшим существенную роль в расследовании дела»²⁵.

В январе 1825 года, уже в Михайловском, Пушкина посетил его лицейский друг И. И. Пущин. «Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служе-

²⁴ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 328.

²⁵ Ден Т. П. Пушкин в Тульчине.—В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М. — Л., 1956, с. 225.

ние отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать»²⁶.

Итак, налицо все доказательства безмерного уважения Пушкина к первой жертве царизма, восхищение уже не только его образованностью, но и стоицизмом. В свою очередь Раевский в «Воспоминаниях», написанных в Сибири в 1841 году, отозвался о Пушкине так: «Пушкин в юношестве своем за **Оду к свободе** сослан был в г. Кишинев на службу и отдан на руки наместнику Бессарабской области, генерал-лейтенанту Инзову. Он искал сближения со мною и вскоре был в самых искренних, дружеских отношениях»²⁷.

Однако в начале шестидесятых годов нашего столетия впервые появились в печати несколько новых писем Раевского, и среди них одно, содержащее характеристику Пушкина, которая названа была публикатором и исследователем Ю. Г. Оксманом «наивной», «бестактной» и «не выдерживающей никакой критики»²⁸. С тех пор и по сей день эта оценка никем не опровергалась. Ниже мы воспроизведем ее полностью. Вместе с читателем мы попытаемся установить, действительно ли в ней есть и «наивность», и «бестактность», и «претенциозно-снисходительная интонация», которые, по мнению публикатора, «не выдерживают никакой критики». Вот эта характеристика, данная Раевским в 1866 году в письме к другу, литератору С. И. Черепанову, автору известных «Воспоминаний сибирского казака»: «Я знал Пушкина как молодого человека со способностями, с благородными наклонностями, живого, даже ветреного, но не так, как великого поэта, каким его признали на святой Руси за неимением ни Данта, ни Шекспира, ни Шиллера и прочих знаменитостей. Пушкина я любил по симпатии и его любви ко мне самой искренней. В нем было много доброго и хорошего и очень мало дурного. Он был моложе меня

---

²⁶ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 81.

²⁷ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 146.

²⁸ Неизвестные письма В. Ф. Раевского (1827—1866). Публикация и вступительная статья Ю. Г. Оксмана. — В кн.: Лит. наследство. Т. 60, ч. 2, кн. 1. М., 1956, с. 170.

5-ю или 6-ю годами. Различие лет ничего не составляло. О смерти его я очень, очень сожалел и, конечно, столько же, если не более, сколько он о моем заточении и ссылке»²⁹.

Оставим в стороне все положительные качества, которые признает Раевский в Пушкине, и остановимся на той части характеристики, которая вызвала возмущение Оксмана.

Итак, Раевский утверждает здесь, что он знал Пушкина «как молодого человека». Это значит, что он говорит о нем в первую очередь со снисхождением, как о более молодом. Речь идет, следовательно, не о Пушкине-поэте. Этот «молодой человек» был тогда «ветреным» и в нем было «очень мало дурного». Это все, что есть «отрицательного» в интересующей нас оценке. Но все же допустим для начала, что все эти элементы характеристики относятся не к темпераменту, не к характеру и не к нравственному облику, а к поэтической одаренности Пушкина и охвату событий и явлений Пушкиным-поэтом.

Но и в таком случае Раевский, имеющий в виду Пушкина 1821—1822 годов, был в известной мере прав. Тогда поэт не был еще автором «энциклопедии русской жизни» — «Евгения Онегина», стихотворений «Арион», «Послание в Сибирь», «Памятник», автором «Истории села Горюхина», так долго печатавшейся в искаженном виде и с многими купюрами, и других гениальных социально заостренных творений. «Я знал Пушкина как молодого человека со способностями...» — это именно и может означать: лишь позже он стал «великим поэтом», в пору полной зрелости своего титанического таланта. А тогда это был лишь очень одаренный «молодой человек», с «благородными наклонностями» и так далее.

Как и вся Россия, Раевский знал и позднего Пушкина, правда, в официальном толковании, которое давалось его наследию. И он, по складу своего ума и политическим взглядам, не видел большой заслуги у того Пушкина, который был известен читателям до советской эпохи, но которого и официальная наука признавала «великим».

---

²⁹ Неизвестные письма В. Ф. Раевского, с. 168.

Советским литературоведением вопрос о двух совершенно разных обликах поэта окончательно решен. По этому поводу в свое время Корней Чуковский писал: «В пятидесятых и шестидесятых годах (прошлого века.— Г. Б.) людям демократического образа мыслей любить поэзию Пушкина было гораздо труднее, чем нынче. Многие мешало им в полной мере почувствовать ее освободительный пафос, ибо имя Пушкина в течение долгого времени опутывали злые легенды, опровергнуть которые удалось лишь теперь — усилиями литературоведов советской эпохи»³⁰.

Приведем лишь несколько примеров.

Социальную заостренность такого смелого стихотворения, как «Птичка» (вариант — «На выпуск птички»), где есть четверостишие

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

первый издатель в 1823 году вынужден был завуалировать следующим толкованием, уводящим внимание в сторону: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных, должников и проч.— Издат.»

«История села Горюхина» долгое время называлась «История села Горохина», то есть заглавие было лишено острого социального содержания, которое породило у Некрасова подобные же сатирические названия (Горелово, Неелово, Неурожайка и другие).

Своей рукой Пушкин в стихотворении «Памятник» написал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу...

Но читателям XIX века был известен не этот текст, а другой, фальсифицированный:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен...

---

³⁰ Чуковский К. Мастерство Некрасова. М., 1955, с. 14.

На постаменте памятника Пушкину, воздвигнутого в Москве, были высечены именно эти слова, как якобы выражающие мировоззрение поэта. Эстетической категорией — «живой прелестью стихов» — фальсификатор, выполняя заказ официальных кругов, заменил строки, полные гражданского мужества, принадлежащие поэту, восславившему в свой жестокий век свободу.

Вспомним при этом, что уже в пору их литературного общения Раевский наставляет Пушкина писать не о любви, не о частной стороне жизни отдельных лиц, а о делах, имеющих значение для всего народа и в первую очередь для его свободы:

Оставь другим певцам любовь!

В отличие от современников поэта мы, по подсчетам литературоведа К. П. Богаевской, приведенным Н. Эйдельманом³¹, знаем втрое большее число пушкинских произведений. Знаем около восьмисот писем. Знаем и почти две тысячи уточнений прежде неполно или неправильно напечатанных пушкинских произведений. «Эпоха великого открытия Пушкина продолжалась примерно 100 лет после гибели поэта», — пишет Н. Эйдельман. Выхолощенное же творчество Пушкина, почти полностью лишенное антикрепостнической направленности, преподносилось читателям как творчество низкопоклонного царедворца. Именно такой была первая биография поэта, написанная в 1855 году Анненковым и прочитанная предварительно Николаем I. Она сохраняет и по сей день свои достоинства, но здесь на каждом шагу восхваление самодержавия, «попечительной мудрости монарха», якобы «осыпавшего поэта своими благодеяниями».

Корней Чуковский назвал эти вымыслы «подневольными». К их числу относится и толкование декабристской оды «Вольность», которая вызвала ссылку поэта на юг. По Анненкову, поводом к удалению Пушкина из Петербурга были «его собственная неосмотрительность, заносчивость в мнениях и поступках». И еще: Пушкин «не раз переступал черту, у которой остановился бы всякий более рассудительный человек,

---

³¹ Эйдельман Н. Непрочитанный Пушкин. — Неделя, 1967, № 7.

и скоро дошел до края той пропасти, в которую бы упал непременно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства...»³².

Еще тяжелее по своим последствиям оказалась другая, отнюдь не «подневольная» сторона анненковской биографии Пушкина, за которую ухватились все либеральные критики, прославлявшие поэта как эстета, подборника «чистой» поэзии, далекой от скучной прозы «житейских волнений». Биограф утвердил мнение об исключительном служении Пушкина «изящной», «насладительной», «сладкострунной» поэзии. Пушкин для него — «художник по преимуществу», заботившийся исключительно об искусстве, а вовсе не о социальных проблемах. «Словом,— писал по этому поводу Чуковский,— реакционеры надолго сделали из Пушкина как бы некий таран для сокрушения демократических твердынь той эпохи»³³.

Таким «тараном» Пушкин был известен Раевскому в 1866 году, когда несгибаемый декабрист дал в письме к другу свою характеристику поэта. Мог ли он тогда восхищаться товарищем далекой молодости, который, как, вероятно, считал Раевский, не только не последовал его наставлениям, но даже официально числился более чем откровенным приверженцем кнутобойной монархии? Читатель согласится, наверное, с тем, что в словах Раевского — «Я Пушкина знал <...> не так, как великого поэта, каким его признали на святой Руси» — подспудно звучит и несогласие с фальсифицированным Пушкиным, защитником царской «святой Руси».

Рассмотрим и второй «отрицательный» элемент характеристики.

Раевский знал Пушкина «как молодого человека со способностями, с благородными наклонностями, живого, даже ветреного...». «Отрицательное» здесь — «ветреный». Синонимом этого прилагательного является «несерьезный», означающий «легкомысленный», «беспечный», «поверхностный», «неглубокий», «ребячливый». Но указанное прилагательное в тексте Раевского стоит рядом с «живой». Как раз это соседство определяет

³² Цит. по кн.: Чуковский К. Мастерство Некрасова, с. 19.

³³ Там же.

иной смысл оценки, а именно «бойкий», «подвижный», «оживленный», «бедовый» (но вовсе не «несерьезный»!).

Относя это определение ко всему творчеству Пушкина до начала 1822 года, мы вынуждены признать его полную достоверность. Конечно же, в своем раннем творчестве темпераментный Пушкин был «бойким» и даже «бедовым». Таким же, к великому счастью, он оставался и позже.

Наконец, допустим, что и последнее «отрицательное» определение — «В нем было очень много доброго и хорошего и очень мало дурного» — относится к творчеству. Речь в таком случае может идти о темах, которые выбирал молодой поэт для своих стихотворений, о трактовке этих тем, иногда слишком резкой или язвительной, что не соответствовало видению и писательской манере самого Раевского.

Изложенная выше аргументация построена как ответ на предположение, что все «отрицательные» элементы характеристики относятся к Пушкину-поэту. К этому нас обязывает воспроизведенный текст характеристики с тремя «отрицательными» оценками, из которых две отчетливо не размежевывали Пушкина-поэта и «молодого человека». Вопрос значительно упростится, если последние два элемента будут отнесены к Пушкину как к живому человеку. Текст характеристики разрешает и такую трактовку. По-видимому, Раевский вовсе не случайно заговорил о возрастном различии, которое «ничего не составляло» и не мешало их дружбе. Но за разницей в годах скрывалось другое: с одной стороны — прошедший сложный жизненный путь декабрист, участник одиннадцати сражений, герой Отечественной войны 1812 года, военный командир и наставник; с другой — малоопытный недавний выпускник лицея. Опыт обусловил разницу в их влечениях, желаниях, интересах, склонностях. Кроме того, различие заключалось и в темпераменте. Раевский был медлительным и спокойным, невозмутимым и сосредоточенным, то есть человеком флегматичного темперамента; Пушкин же, как свидетельствуют его творчество и воспоминания современников, был холерик, склонный к быстрой смене настроений и бурным переживаниям, неуравновешенный, но с глубинными устремлениями. Различный опыт и тем-

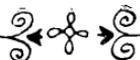
перамент определили и различные черты характера, взаимно отрицаемые. Не мудрено, что Раевскому могли не нравиться, например, подвижность Пушкина, живость его походки, жестов, мимики. Может быть, и «очень мало дурного», о чем писал декабрист, относится тоже к опыту, темпераменту или характеру.

Итак, как бы ни рассматривали мы названные «отрицательными» характеристики, они таковыми не являются. Их нельзя называть ни «наивными», ни «бестактными». В них нет никакой «претенциозно-снижодительной интонации». Наоборот, они «выдерживают критику»!

Революционер и демократ, человек большой эрудиции, стойкости и высокой нравственности, Раевский остается титаном, каким видел декабристов Герцен, богатырем, кованым из чистой стали с головы до ног, воином-подвижником, сознательно вышедшим на гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение.

Пушкин ценил в Раевском эрудицию, прямоту, высокую требовательность и его литературное дарование. Но больше всего он дорожил другом своим за его мужество. «Никто не изображал так сильно тирана», — сказал поэт, ознакомившись со стихотворением «Певец в темнице», где династия Романовых названа «бичей кровавым родом». И тут же «вздыхнул»: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца...»

Раевский-Спартанец неизменно присутствует в творчестве поэта до событий на Сенатской площади, до послания ссыльным декабристам в Сибирь, до бессмертного «Памятника».

ИНТЕРЕС К ИСТОРИИ КРАЯ

«Бессарабия, известная в самой глубокой древности...»

Пушкин с особым интересом относился к истории Бессарабии, во-первых, потому, что ее территория была театром военных действий и принесла славу русскому оружию, и, во-вторых, потому, что исторические события, связанные с нею, послужили темой для произведений русской литературы.

Ему были известны книги путешественников, содержащие описание Молдавии, но которым он, однако, не доверял. Он хорошо знал и труд молдавского историка, участника Прутского похода Петра I, Дмитрия Кантемира «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии»¹, получивший широкую известность в России по немецкому (1771 год) и русскому (1789 год) переводу. Сведения об этом крае, со-

---

¹ См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 311.

общаемые автором, прослеживаются в большом количестве исторических трудов, а также в русской художественной литературе.

Пушкин сожалел, что в печати не появилось исследование И. П. Липранди, полностью посвященное Молдавии, рукопись которого не найдена до сих пор, но которую поэт, безусловно, видел. В «Примечании» к «Цыганам» в 1824 году он писал: «Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

Но донныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выйдет ли когда-нибудь «Историческое и статистическое описание оной», составленное И. П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека». В первоначальном варианте автографа было и такое уточнение: «От Олега и Святослава до Румянцева и Суворова она была театром наших войн». Двустипшие, воспроизведенное поэтом в примечании, взято им из своего стихотворения «Баратынскому. Из Бессарабии», созданного в начале января 1822 года.

Интересовался Пушкин и историей собственно молдавского народа. И. П. Липранди оставил в воспоминаниях свидетельство о том, что в Кишиневе поэтом были написаны две исторические повести, в основу которых легли предания из истории молдавского народа: «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года» и «Дука, молдавское предание XVII века».

На глазах у Пушкина вспыхнуло и разгорелось национально-освободительное движение греческого и других народов Балканского полуострова против турецкого владычества. Борьбу валашских крестьян возглавил «смелый» Тудор Владимиреску. «Два великих народа, — сообщал поэт в письме, — давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира». В черновом наброске вместо эпитета «великих» стоял другой, не менее выразительный: «благородных». Называя древних греков и римлян (последние — пред-

ки молдо-валахов) «великими» и «благородными», Пушкин имел в виду, по всей вероятности, вклад этих народов в сокровищницу мировой культуры, а также хорошо известное их свободолюбие.

Военную славу этих мест Пушкин в скрытом сравнении противопоставил бесславному пребыванию здесь, недалеко от Бендерской крепости, «северного капрала» — шведского короля Карла XII:

...останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.

В поэме «Цыганы» об этом крае говорится как о стране

...где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой...

Находясь в Молдавии, Пушкин прочел статью П. Свиньина «Воспоминания в степях бессарабских», сведениями из которой он пользовался при создании своих произведений. Свиньин считал присоединение Бессарабии весьма важным для России из-за богатства ее почв, величины рек, благоприятных условий для скотоводства, удобства ее портов. Но эта земля была еще драгоценнее тем, утверждал автор, «что она заключает в пределах своих памятники славы российского воинства. Бессарабия была колыбелью, училищем всех полководцев наших и театром важнейших происшествий...»². Перечислив имена прославленных полководцев и места великих сражений, Свиньин заключил: «Сколько русской крови пролито в степях сих для славы, для величия отечества нашего? Я объехал сию классическую землю, я преклонял колена пред священной сими памятниками». И далее: «Бессарабия не менее богата свидетельствами древних веков...»³ Однако «подробности» об этих славных местах он изложил с погреш-

² Свиньин П. П. Воспоминания в степях бессарабских. — Отеч. зап., 1821, ч. 5, № 9, с. 5.

³ Там же.

ностями, которые вызвали реплику «Неизвестного», помещенную позже в том же журнале⁴. Более чем через год Свињин продолжил свои воспоминания. На этот раз предметом его описания было место Кагульского сражения. Статье предпослан отрывок известного стихотворения Державина, воспевающего эту победу:

Какая в войсках храбрость рына!
Какой великий дух в вождях!..

Со статьей Свињина перекликается и произведение Пушкина, созданное в 1822 году и известное по начальной строке:

Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый,
Героев севера губя⁵.

Стихотворению соответствует такой текст из «Воспоминаний» Свињина: «...Екатерина воздвигла величественный обелиск в память Кагульского сражения в любимом своем обиталище — в Царском Селе и, поставя оный против окон своего кабинета, показала, что желала иметь всегда пред глазами своими лучший монумент своей славы»⁶. Но в отличие от Свињина, восхвалявшего императрицу, поэт скорбит о павших «героях севера».

Интерес к истории любого народа у Пушкина, бу-

---

⁴ [Критика]. — Отеч. зап., 1821, ч. 6, № 13.

⁵ Пользуемся случаем и, устанавливая близость данного стихотворения с текстом воспоминаний Свињина, предлагаем поправку в его датировке. Полное собрание сочинений Пушкина датирует стихотворение предположительно началом 1822 года. Но соответствующий номер «Отечественных записок» со статьей Свињина вышел лишь в июле. Следовательно, если зависимость была, то стихотворение было написано после июля 1822 года.

⁶ Свињин П. П. Воспоминания в степях бессарабских. — Отеч. зап., 1822, № 27, с. 3. О других связях очерков Свињина о Бессарабии с произведениями Пушкина см.: Трубецкой Б. А. П. П. Свињин в Бессарабии. — Учен. зап. Кишиневского ун-та, 1959, с. 64—65; Двойченко-Маркова Е. М. Источники легенды об Овидии в «Цыганах» Пушкина. — В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 321 — 323.

дущего автора «Памятника», стоит в одном ряду с увлечением этнографией, фольклором и языком этого народа. Такое отношение к национальной истории, языку и культуре проявлял не один Пушкин. Он был лишь ярчайшим представителем русской культуры, чрезвычайно восприимчивой ко всему инонациональному, той культуры, которая в этом отношении резко противостоит однородным культурам Запада⁷. Эту особенность русской литературы можно подтвердить отношением к Молдавии. Тексты, извлеченные из русской художественной, мемуарной и собственно исторической литературы, в которых говорится о том, что засвидетельствовал и Пушкин,— о глубокой исторической давности этого края, о его бурной истории,— заполнили бы многие десятки томов. Но достаточно нескольких выдержек.

В 1828 году в печати появились письма И. Яковенко, содержащие сведения о Валахии, Молдавии и Бессарабии⁸. По поводу этих писем Юрий Венелин, знакомый Пушкина по Петербургу, высказался неодобрительно, сделав такой вывод: «...романский или так называемый волошский народ собственной своей истории не имеет»⁹; «Мы не имеем еще истории сих земель»¹⁰. Но на это сразу же откликнулся другой автор, приведший воспроизведенные цитаты и опровергнувший их с такой аргументацией: «...письма г-на Яковенко относятся именно до истории Валахии, Молдавии и Бессарабии; а история сих княжеств не что иное, как повествование о происшествиях, случившихся от неизвестных до наших времен на пространстве, объемлемом ныне оными тремя княжествами; следственно, оные княжества хоть какую-нибудь имеют историю собственную, и если бы случилось, что на пространстве их несколько столетий не ступала бы ни разу нога человеческая, то и о сем точное сведение для их истории было бы важнее, нежели избиение 9000

---

⁷ Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия.— Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук, 1819—1944. Л., 1946, с. 214—215.

⁸ Яковенко И. Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии. СПб, 1828, с. 293.

⁹ Венелин Ю.— Московский вестник, 1828, кн. 16, с. 374.

¹⁰ Там же, с. 376.

семейств или 4 700 000 армии в стране отдаленной и народа, им не принадлежащего»¹¹.

Несколько позже Е. Ковалевский высказал мнение, подобное мнению Ю. Венелина. При всей кажущейся благосклонности к народу в целом отрицание его истории, то есть, согласно выражению самого Ковалевского, «подвигов славы», равняется утверждению пассивной покорности народа, его полного примирения с тиранией. К прошлому такого народа и не должно быть никакого интереса. Вот что пишет этот автор: «История каждого народа имеет свои подвиги славы, свою громкую эпоху, которую гордится она; история Молдавии и Валахии едва ли может выставить такую эпоху; самобытность этих земель была слишком кратковременна; даже борьба их против самовластия их завоевателей не представляет того энергического усилия, которое заставляет удивляться нередко самих побежденных. Валахия, а вслед за нею и Молдавия впоследствии подчинились власти турков, уже усилившихся в Европе, и стали платить им дань. Тут уже начинается не историческая жизнь народа, а его страдание, длинная нить интриги, веденной во дворце господаря, к которой народ был непричастен, служил или орудием корысти константинопольских визирей и господарей, или жертвой их тирании»¹².

Участник русско-турецкой войны 1806—1812 годов военный инженер Мартос, вступив на территорию Молдавии, писал: «Вот земля, думал я, в которой так хорошо описаны подвиги Македонского Александра Квинтом Курцием, в которой смелая опрометчивость скифов остановила могущество величия римлян, выгнала сих владык вселенной обратно через Дунай. Земли сии славились издревне храбростью своих народов, населенные под именем Дакии бритолагами, гетами, теврискими и анартскими народами, окруженные Понтом Евксинским, реками: Истером (Дунаем), Тира-

---

¹¹ Руссов С. Взгляд на историю трех княжеств: Валахии, Молдавии и Бессарабии с II по XIII столетие. — Из журнала «Отечественные записки», 1828, с. 26 — 27 (оттиск, номер журнала не указан).

¹² [Ковалевский Е.] Арнаут. Яссы и Молдавия. Автора «Странствователя по морям и суше». — Библиотека для чтения, 1844, т. 12, Науки и художества, с. 84.

сом (Днестром), народами: роксалонами, сарматами — и опять покоренные римлянами. Беспечность и малодушие восточных императоров, вместе с сокрушением колосса константинопольского престола, покорили под власть турок и земли между Дунаем и Днестром, разоряемые при императорах поляками и немцами. Молдавия, однако, защищала свою независимость и вольность, но посланные турецкие армии принудили ее признать своих завоевателей»¹³.

Богатство исторических событий края отмечали в своих трудах и кишиневские знакомые Пушкина. Среди них был друг поэта, «первый декабрист» В. Ф. Раевский: «Земля, на которой мы рыцарствуем теперь, некогда была феатром войны и великих дел. Здесь процветали Никония, Офеус или Тира, Германиктис, отсюда Дарий Истасп, разбитый скифами в 513 году, бежал через Дунай, здесь предки наши, славяне, оружием возвестили бытие свое...»¹⁴

«Может быть,— писал в 1828 году А. Ф. Вельтман, писатель и военный, по долгу службы живший в Бессарабии сравнительно долгое время,— на земле нет другого пространства, которое бы видело на поверхности своей столько племен людей различного происхождения, как Бессарабия. Почти в продолжение 2500 лет она была между владычествовавшими народами неустанною обителью, не знавшей, где живут постоянно обладатели. Но 1812 год решил жребий Бессарабии»¹⁵.

То же самое отмечали и русские писатели, аборигены Бессарабии или долгое время жившие в этом крае. Один из них, Н. Гербановский, в предисловии к поэме «Кап-де-боу», в которой он попытался объяснить происхождение молдавского государственного герба (голова тура), говорит: «Много ли найдется в России местностей, подобных Бессарабии, местностей, которые были бы так богаты материалами для знакомства с древней и новой историей одной из частей Южной

---

¹³ Мартос. Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Паеловича. 1806—1812 гг. — Русский архив, 1893, № 7, стб. 311.

¹⁴ Раевский В. Ф. Сочинения, с. 140.

¹⁵ Вельтман А. Ф. Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты. М., 1828, с. 28.

Европы, и едва ли на почве какой-либо страны перебивало столько племен, сколько перебивало их в пределах Бессарабии! Хотя остатки ее древностей, существующие и поныне, составляют много научных и любопытных данных для исследований, но, к сожалению, эти данные не разработаны, несмотря на полувековой период нашего близкого знакомства с Бессарабией»¹⁶.

Напряженной была история края и в более позднее время, когда, по меткому выражению одного из местных летописцев, Молдавия находилась «на пути всех зол». «В России существует мнение, между теми, кто знает, что есть на свете молдаване, — писал неизвестный автор, — что это народ не воинственный, смиренный, даже едва ли способный носить оружие <...>; но было время, они боролись с освободителями Вены, народом нельзя сказать чтобы невоинственным и нехрабрым. Яну Собескому взятие Ясс стоило трех армий и сто миллионов золотых»¹⁷. Небольшое по территории Молдавское государство, находясь между всегда или очень часто враждовавшими Турцией, Польшей и Венгрией (позже Австро-Венгрией), граничило на востоке с неутомимыми татарами и являлось щедрой данницей Турции. Положение народных масс усугублялось междоусобными бранями, борьбой за политическую власть в стране множества группировок с различной ориентацией.

Уже в середине века, покидая этот край, участник очередной военной кампании офицер П. Е. Жадовский писал так: «Еще раз бросил я взгляд на исчезавшие Яссы, и передо мной воскресла печальная картина прошедшего... Я вспомнил кровавые войны господарей молдавских с вечными врагами христианства — турками; вспомнил ряд бедствий бедного народа, неустройство в самом управлении, недостаток народного богатства, наконец, эпоху восстановления молдавской независимости сильным протекторством России, когда судьба это-

---

¹⁶ Гербановский Н. Кап-де-боу. Исторический эпизод из бессарабской жизни XVI столетия. В семи лирических картинах. Кишинев, 1872, с. 3.

¹⁷ (И-тов). Румыния. Рассказы о Бессарабии, Буковине, Молдавии и Валахии. С историческими очерками. Изд. ил. Одесса, 1868, с. 32 — 33.

го народа стала изменяться к лучшему год от году. Но дорогою ценою купили молдаване настоящее свое благосостояние, не даром выпустили турки из своих рук этот лакомый кусочек. Прежде реки крови пролились, целые поколения молдаван погибли в хаосе борьбы, внутренних неурядиц и потрясений, пока Россия, поразив Порту, решила судьбу Дунайских княжеств и показала возможность лучшей будущности»¹⁸.

В русской художественной литературе XIX столетия получило освещение не одно важное событие из истории Молдавии: княжение Стефана Великого (вторая половина XV века), военный союз молдавского господаря Иоанна Лютого с украинским гетманом Свирговским (1574 год), семейно-военный союз Богдана Хмельницкого и господаря Василия Лупу (первая половина XVII века).

Наконец, заслуживает быть отмеченной оценка, которую дал княжению Стефана Великого Н. М. Карамзин. Он говорит об этом государе как о человеке, дерзнувшем «обнажить меч на ужасного Магомета II и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписавшем имя свое в историю редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастье, приписывая его только богу, покровителю добродетели, он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое»¹⁹.

Давняя и тревожная история края получила отражение и в творчестве М. Горького: «Луна взошла. Ее диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своем веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, и стала такой жирной и щедрой»²⁰.

Уходящей в глубь веков видит его историю и В. Г. Короленко: «Он (чабан. — Г. Б.) не знает истории этой страны, но все нашествия, напоившие землю кровью его предков, и греческое, и римское, и турец-

---

¹⁸ Жадовский П. Молдавия и Валахия в современности (из записок офицера). — Пантеон, 1856, т. 25, кн. 1, 2 (оттиск, с. 38).

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 11. СПб., 1892, с. 111.

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч. Художеств. произведения. В 25-ти т. Т. 1. М., 1968, с. 77.

кое владычество, и притеснения своих «бояр» — все это отложилось в его думах так же тихо, незаметно и неуклонно, как откладываются соки родной земли, и родное солнце, и степной ветер в зерне травы или в цветке»²¹.

Мнение о значительности исторических событий, свершившихся на территории Бессарабии, подкреплялось и обилием местных оборонительных сооружений, как искусственных, так и естественных (валы, крепости, курганы и, наконец, густые и почти непроходимые леса), свежей памятью о бурной истории края в XVII и XVIII веках, а также многочисленными сведениями в античной греческой и римской литературе и русских летописях. Местным источником являлась и упомянутая монография молдавского ученого Дмитрия Кантемира.

В свойственной ему манере — сжато, лапидарно — во всех случаях обращения к истории этой земли писал и Пушкин: и когда говорил о ее известности с «глубокой древности», о «воинственных могилах» и ее «древних становах рубежах», и когда свидетельствовал о величии и благородстве местного населения — греков и молдовалахов, поднявшегося на открытую войну против иноземного господства, и когда писал о напряженной истории молдавского народа XVII века в не дошедших до наших дней своих повестях, и когда утверждал значимость этой земли — историческую и литературную — для русского народа.

«Древних становах рубежи»

О глубочайшем проникновении в далекую историю края свидетельствует пушкинское определение Трояновых валов: он называл их «рубежами древних становах». Но еще более значительным представляется мнение поэта о том, что наименование бессарабских валов не имеет непосредственной связи с именем римского императора Траяна. Ученые — этимологи и археологи — пришли к такому же выводу лишь в наше время.

---

²¹ Короленко В. Г. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. М., 1954, с. 282 — 283.

Мнение о том, что народная память якобы сохранила здесь воспоминание о Траяне, Пушкин опроверг, выступив против тех толкователей «Слова о полку Игореве», которые локализовали тропу Троянову в этом крае. Среди таких толкователей был и А. Ф. Вельтман. Вот пушкинский текст: «Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем четыре раза упоминает «Слово о полку Игореве», есть не кто иной, как римский император. Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Шишкова): «вступила Девою на землю Трояню, на синем море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны быть известны потомкам дунайских славян» (Вельтман). Почему же?»

Несогласием с мнением Вельтмана о связи бессарабских валов с тем же именем дышит категорический вопрос «Почему же?» В черновом автографе отрицание связи Трояновой тропы с именем императора было еще более резким: «Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объяснение».

Современные этимологи развеяли миф о происхождении наименования «Троянов вал» от имени Траяна. Оказывается, в молдавской топонимике «троян» (с -о- в корне!) означает любой «земляной вал и защитный ров». Название валов было связано с именем римского императора, вероятно, в XVIII веке каким-то досужим латинистом. Отсюда пошла и русская его транскрипция «Траянов вал», перешедшая вместе с другими ошибками и в современную молдавскую географическую номенклатуру. Справедливо об этом пишет специалист: «В современной молдавской топонимии отсутствуют латинские названия населенных пунктов. Наименования земляных валов Валулуй Траян (де Сус и Валулуй Траян де Жос) представляют собой новые книжные образования»²². Археологи считают, что бессарабские валы сооружены не в пери-

---

²² Еремия А. Нуме де локалитэць. Студиу де топонимие молдовеняскэ. Кишинэу, 1970, п. 176.

од царствования Траяна, а на целых два столетия позже. Нижний вал (от села Вадул луй Исак до вершины озера Сасик, протяженностью в 128 км) был создан как заграждение в начале IV века нашей эры²³. Второй вал (Леова-Киркаешты) сооружен тоже в первой половине IV века: «В 376 году, когда произошли события, давшие повод Аммиану Марцеллину говорить о Vallum Greuthungorum, эта линия должна была существовать не менее одного поколения»²⁴.

Во времена Пушкина некоторые ученые считали названные насыпи «дорогою». Такое мнение опроверг уже А. Ф. Вельтман: «Валы эти есть не что иное, как сухие, укрепленные границы»²⁵. Суждение об оборонительном значении валов высказано позже и А. Н. Надеждиным: «...это были пограничные сторожевые линии, предохраняющие от внезапных набегов со стороны хищных, необузданных соседей»²⁶. Но существовало и мнение о чисто демаркационной функции этих препятствий²⁷.

В поэтическом определении Пушкина — «древних станов рубежи» — названы обе функции Трояновых валов — оборонительная и демаркационная.

«Воинственные могилы»

В эпилоге поэмы «Полтава», говоря о Бендерской крепости, где некогда нашли себе пристанище шведский король Карл XII и гетман Мазепа, Пушкин написал о Молдавии как о

---

²³ Вулпе Раду. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра. — В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, с. 274.

²⁴ Vulpe Radu. Le vallum de la Moldavie inferieure et le «mur» d'Atharic. Haga 1957, p. 5—57; Ego же. La date du vallum romain de la Bessarabie inferieure. — В кн.: Гаврил Капцаров. София, 1950, с. 89 — 98.

²⁵ Вельтман А. Ф. Странник. — В кн.: Странник. М., 1978, с. 75.

²⁶ Надежин А. Н. Прогулка по Бессарабии. — В кн.: Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839, с. 46.

²⁷ Защук А. И. Бессарабская область. Т. 2. СПб., 1862, с. 329; Накко А. История Бессарабии с древнейших времен. Т. 1. Одесса, 1873, с. 377.

...стране, где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогагы
Вокруг воинственных могил...

Но почему эти курганы «воинственны»?

О происхождении курганов, рассыпанных по всей Бессарабии, в народе существуют самые различные версии. По некоторым преданиям, в них закопаны останки великанов, якобы обитавших в этих местах. Другие рассказывают о них как о братских могилах. Согласно наиболее распространенной из легенд, курганы не что иное, как сторожевые точки, с которых сигнализировалось о приближении неприятеля. Последнюю версию в числе других авторов записал и опубликовал в 1821 году и Павел Свиньин, с трудом которого был знаком и Пушкин.

Свою точку зрения П. Свиньин изложил при описании (неточном) Нижнего Троянова вала, пересекающего юг Бессарабии (от села Вадул луй Исак до вершины озера Сасик) и имеющего в длину 128 километров: «Недалеко от Татар-Бунара есть конусный курган, к коему примыкает сей вал с обеих сторон. Насыпь сия объясняет, кажется, лучше всех других догадок, что курганы, рассыпанные во множестве по ровным степям здешним, делались для передовых страж и сигналов, когда вся земля сия, по образу жизни ее обитателей и частым войнам и набегам, составляла воинский стан. В сей насыпи вырыл недавно один булгарин до трех сот римских монет и несколько золотых колец, коими отличалась римская кавалерия от пехоты»²⁸. Курганы всегда привлекали кладоискателей, и Свиньин в сноске к приведенному тексту привел свои рассуждения по этому вопросу.

Но о курганах Южной России писалось и иначе. В конце XVIII века было высказано мнение, что на этих возвышениях («пригорках» или «холмах») находились резиденции «начальников колен». Однако оно тут же было отвергнуто самим автором, подполковником Андреем Мейером: «...вершины их большею частью

---

²⁸ Свиньин П. П. Воспоминания в степях бессарабских. — Отеч. зап., 1821, № 9, с. 6 — 7.

острые, так что на них человек с трудом стáть мóжет»²⁹. Мейер предположил, что эти сооружения, позднеешему «могилы», составляли земляную основу, на которой славяне устанавливали каменные изваяния «в честь солнца или в память для изображения погребенного там или храброго какого их начальника или начальницы»³⁰.

В северной части Бессарабии есть место, где сосредоточены небольшие насыпи, известные под наименованием «Сута де мовиле» (сто курганов). Это удивительное природное явление в высшей степени занимало А. Вельтмана: «За Костештскими скалами вершина левого берега верстах в пяти тянется параллельно реке крутым обвалом. От вершины весь скат на несколько верст усеян курганами. Это место называется *Сута Можиле* (Сто Могил, или Курганов). Неровность места должна бы напоминать сильное землетрясение, страшную битву, но современники их, может быть, несколько уж тысяч лет как лежат под первым слоем земли, не заботясь о том, что иной живой много бы дал иному древнему мертвецу за рассказы о современных ему событиях»³¹.

В рассказе, посвященном этому на самом деле природному явлению, Вельтман повторил свое мнение о происхождении курганов («тут, верно, было какое-нибудь сражение»), но привел и другие суждения (это — либо природные скалы, либо обросший от времени «обвал крутого берега»), останавливаясь, наконец, на фольклорном толковании³².

Итак, по Вельтману, средоточие мелких курганов северной части Бессарабии — либо следствие землетрясения, либо могилы воинов, павших в какой-то страшной битве, либо обросшие от времени природные скалы, или обвал берега. Ни одно из этих объяснений,

---

²⁹ Мейер А. Повественное, землемерное и естествословное описание Очаковского земли, содержащееся в двух донесениях и сочиненное Андреем Мейером, херсонского гренадерского полку подполковником и трех ученых в России обществ членом. СПб., 1794, с. 52.

³⁰ Там же, с. 201 — 202.

³¹ Вельтман А. Ф. Странник, с. 77.

³² Вельтман А. Ф. Костештские скалы. — В кн.: Странник, с. 229.

как и все предыдущие, не оправдывает пушкинского эпитета.

В чем же дело?

А дело в том, что курганы Бендерского уезда во времена Пушкина, как, впрочем, и по сей день, носили местные названия, каждое из которых как бы воскрешает эпизоды бурной истории края: курган шведский (напоминающий о Карле XII), турецкий (насыпанный, согласно фольклорному толкованию, турками, производившими здесь земляные работы), русский (состоящий из насыпи, служившей когда-то мишенью), суворовский (безусловно, так названный в честь Суворова), ханский (на котором якобы при сборах татар располагалась ханская палатка), широкий (остаток какого-то древнего укрепления, состоящего из крупной насыпи, обведенной рвом, неподалеку от Троянова вала); курган Шорба (получивший свое название будто бы оттого, что при сборах татары здесь варили свою шорбу — «род кашицы»).

«Могилы» бендерских раскатов были описаны позже с комментариями местных жителей Г. Олофсоном³³.

Пушкин не только дал определение бендерским курганам как «воинственным могилам», но и усилил это их свойство, противопоставив использованием этого эпитета описываемые сооружения «мирной» ограде мельниц, «пустынным раскатам», «буйволам» (которые, однако, сочетают в своей характеристике одновременно миролюбие — они «бродят» — и ту же воинственность — они «рогаты»!). В одном ряду с «воинственными могилами» стоит и выдавшая виды Бендерская крепость. Полярность эпитетов усиливает основное свойство могил — их воинственность.

Заметим, однако, что эпитет этот не подходит для истинной характеристики ни захоронений великанов, о которых повествуют местные предания, ни подножий для каменных культовых изваяний, ни гробниц военачальников, ни даже сторожевых постов или братских захоронений. Он предполагает какое-то активное участие «воинственных могил» в боевых действиях,

---

³³ Олофсон Г. Примечательнейшие курганы Бессарабской области в Бендерском уезде. — Зап. Одесского о-ва истории и древностей, 1848, т. 2, с. 549 — 554.

а не печальный исход последних, не могилу, пусть и братскую...

Эпитет следует считать художественным вымыслом. Но этому вымыслу предшествовало доскональное изучение местности, ее топонимики и соответствующих преданий. Как уже сказано, совокупность курганов, расположенных в районе Бендер, и их наименования создают представление как раз о какой-то страшной схватке.

Поэт «столкнул» наименования, схватил, как писал В. Г. Белинский, говоря о фантазии писателя, ту точку дела, «которая составляет центр круга этих событий, дает им смысл чего-то единого, полного, целого, замкнутого в самом себе»³⁴.

«Тебя, твой трон я ненавижу!»

Тема всенародного проклятия тиранам и образ Немезиды, богини Возмездия, всегда чрезвычайно занимали Пушкина. В оде «Вольность», обращаясь к Наполеону, он пишет:

Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

В другом свободолобивом стихотворении — «Кинжал» — мысль о неизбежности возмездия выражена так же откровенно:

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Эту же тему развивает он и в стихотворении «Наполеон», датированном, как и «Кинжал», 1821 годом:

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.

---

³⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. Т. 10. М. — Л., 1957, с. 303.

И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

В это же время Пушкин с увлечением собирает материал и пишет первые свои опыты в прозе — повести, в основу которых положены молдавские исторические предания — «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года» и «Дука, молдавское предание XVII века». Они до сего дня не найдены, несмотря на упорные поиски, произведенные многочисленными исследователями. Но благодаря сохранившимся названиям (в которых заключены три собственных имени и указание на историческую эпоху) содержание этих произведений было реконструировано и теперь точно известно, о чем в них должна была идти речь.

Вторая легенда, о Дуке, вырастает из первой, являясь ее естественным продолжением. Всем своим действием она подготавливает напряженный финал обеих повестей: устами простой крестьянки народ шлет поверженному тирану свое проклятие.

Эту сцену мы даем в изложении автора, работа которого впервые привлекается сейчас к исследованию. Речь идет о рукописном труде известного молдавского книжника XVIII века Варфоломея Мэзэрян (по-русски он подписывался Мазерян) «Молдавской летописец», хранящемся в Научной библиотеке Иркутского государственного университета. Это свод молдавских летописей в русском переводе, законченный в 1773 году. В Иркутск рукопись привез бывший ректор Кишиневской духовной семинарии архимандрит Ириной Нестерович, ставший в 1830 году архиепископом Иркутским и Читинским.

В Кишиневе он был духовным наставником поэта. По словам его племянницы П. В. Дыдицкой, записанным в 1883 году Л. С. Мадеевичем, между Иринеем и Пушкиным возник конфликт, истинные причины которого пока не ясны. Нестерович якобы даже грозился писать донос по поводу непочтительного отношения Пушкина к «священному писанию». Но заступилась Дыдицкая, и конфликт был ликвидирован³⁵. По совпа-

³⁵ Мадеевич Л. С. Кишиневские предания о Пушкине. — Исторический вестник, 1883, № 12, май, с. 391 — 392.

дающим сведениям, содержащимся в бумагах Ирины и в воспоминаниях В. Ф. Раевского, это он выдал в Кишиневе друга Пушкина: «...мною первоначально было открыто зловерное для государства учение, которое преподавал бывший тогда майором сей Раевский», — писал в своих объяснениях Ириной Нестерович³⁶.

Вот эта легенда в переводе Варфоломея Мазеряна.

«А Дуку воеводу повезли в Полщу, там и скончался. А повезли его таким образом: посадили его на простых санок, двое лошадей были, одна белая, а другая гнедая, хамуты были липовые. Ах нужда, ах беда. Лицемерно бранили и окоряли его всякими непотребными словами. Как привезли близ Сучавы в селе... то он просил у некоторой жены немножко молока, чтоб ел. А та жена хозяйка отвечала: «Не имеем де откуда давать вам молока, а для того что Дука воевода съел всех коров от всей Молдавии, чтоб съели и его адские неусыпаемые червы!» (Не знала та жена, что тот был сам Дука воевода.) Как те речи услышал Дука воевода, тотчас стал вздыхать и весьма горко плакал... Поляки повезли его в Полщу и посадили под караулом, и там в Полше и умре... Анастасия его княгиня... осталась в крайней нищете и укоризне от всех людей. Так то бог отмстил Дуке воеводе, точно как и он другим делал»³⁷.

Рукописную книгу «Молдавской летописец», безусловно, читал Пушкин. На ее 352-й странице, на полях, имеется собственноручная читательская его помета NB. Поставлена она против текста, в котором говорится о подобном же проклятии, но в адрес другого тирана: «...есть обычай отставным господарям, которые после отказу им от господарства то остаются весьма убогие; а то им воспоследует за то, что клянут их бедные люди, с которых они берут великих податей».

Помета NB выполнена в обычной стремительной пушкинской манере: наклонные знаки связаны лигатурно и дважды подчеркнуты. Восклицательного знака

---

³⁶ Стогов В. Ириной Нестерович, архиепископ Иркутский. — Русская старина, 1882, т. 36, октябрь, с. 102.

³⁷ Мазерян (Мэзэрян) Варфоломей. Молдавской летописец. 1773, с. 400—401 (рукопись № 188 Научной библиотеки ИГУ).

нет. Она в точности накладывается на близкие по времени подобные же его читательские знаки.

Помета подтверждает интерес Пушкина к истории Молдавии, в частности к преданиям XVII века о Дабиже и Дуке, вся фабула которых подготавливает финальную сцену такого же проклятия.

Как уже сказано, сведение о том, что Пушкин работал над изложением этих легенд, исходит от И. П. Липранди³⁸. Но и сам мемуарист занимался этим же периодом. В 1968 году в библиотеке краеведческого музея в Нижнем Тагиле Свердловской области краевед Юрий Курочкин обнаружил пять тетрадей, содержащих опись библиотеки Липранди. Опись! В этой описи значатся: «Дука, молдавское предание XVII века, приведено в порядок полковником Липранди. Яссы. 1831 год» и «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года, приведено в порядок полковником Липранди. Яссы, май, 1831 года»³⁹.

Кто знает? Может быть, действительно, на Урале или в Сибири следует искать списки этих первых произведений Пушкина в прозе, там, где их пока никто не искал...⁴⁰

---

³⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1408 — 1411.

³⁹ См.: Богач Г. Пушкинские рукописи в Сибири. Иркутск, 1974, с. 21.

⁴⁰ Курочкин Ю. Приключения «Мадонны». Свердловск, 1973, с. 45 — 46.

ЕМКОСТЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

«Нарядов пестрое стеснение»

Одной из отличительных особенностей Бессарабии после присоединения к России была чрезвычайная разноплеменность, обусловившая и необычайное разнообразие нарядов, что бросалось в глаза особенно в столице края — Кишиневе.

Национальную пестроту города Пушкин отметил уже в первом произведении, созданном в ссылке, — балладе «Черная шаль». Здесь все действующие лица — представители разных национальностей: лирический герой — по-видимому, молдаванин (подзаголовок баллады — «Молдавская песня»), его соперник — армянин, возлюбленная — гречанка, доносчик — еврей. В поэме «Братья разбойники» — та же картина, перенесенная, однако, в другие края:

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

Эта особенность города отражена и в стихотворении «Чиновник и поэт»:

Люблю базарное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар,
И спор, и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение.

Со временем в местном городском фольклоре, был или не был повод для этого в реальной жизни, возникла легенда о том, что Пушкин любил надевать национальную одежду различных народностей и так являться на улицы города и в «городовой сад».

В восьмидесятых годах Л. С. Мацеевич записал воспоминания П. В. Дыдицкой, помнившей Пушкина и якобы даже дружившей с ним. Среди прочего Дыдицкая сообщила и следующее: «Тут в городском саду бывало гулянье, но только до 4-х часов, а вечером гулять было не принято, не так, как теперь,— гуляют и ночью. Бывало, и Пушкин тут часто гуляет. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уже смотришь — Пушкин серб или молдаван, а одежду ему давали знакомые дамы. Издали нельзя и узнать, встретишь — спрашиваешь: «Что это с вами, Александр Сергеевич?» — «А вот я уже молдаван». А они — молдаваны — тогда рясы носили. В другой раз, смотришь, уже Пушкин турок, уже Пушкин жид, так и разговаривает, как жид. А когда же гуляет в обыкновенном виде, в шинели, то уже непременно одна пола на плече, а другая тянется на земле, это он называл: «по-генеральски»¹.

С удивительной добротой охарактеризовал Пушкин цыган. Это «природы бедные («вольные», «дикие») сыны», они лишены «неги просвещения» или «сладогостия наук», чужды «тщеславных угрызений», «робки и добры душою», люди «дикие», «вольные», «миролюбивые».

На улицах Кишинева часто встречались арнауты — представители самых различных национальностей, но все одетые в албанский народный костюм — скуфейки, узорные куртки, шаровары, подпоясанные широкими

---

¹ Мацеевич Л. С. Кишиневские предания о Пушкине, с. 390.

поясами, остроконечные туфли — и вооруженные пистолетами, саблями и ятаганами. Они получили свое название от албанцев, которых турки так и называли — арнауты. В прошлом молдавские господа, не доверяя местным жителям, нанимали их для охраны. Отсюда арнаутом стали называться и вооруженные слуги бояр, а позже вообще вооруженные из простого люда. Они были известны своей честностью, силою и храбростью. Особенно много было в городе арнаутов после трагического провала гетерии. Вот какими видел их Пушкин: «Их узорные куртки и красные востроносые туфли начинали уж изнашиваться, но хохлатая скуфейка все же еще надета была набекрень, а ятаганы и пистолеты все еще торчали из-за широких поясов. Никто из них не жаловался. Нельзя было и подумать, чтоб эти мирные бедняки были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали, и чтоб он сам находился между ими». И дальше: «...арнауты в своем оборванном и живописном наряде, стройные молдаванки с черноглазыми ребятами на руках окружали каруцу».

Сам Кирджали, «булгар», «казался лет тридцати. Черты смуглого лица его были правильны и суровы. Он был высокого роста, широкоплеч, и вообще в нем изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкий пояс обхватывал тонкую поясницу; долиман из толстого синего сукна, широкие складки рубахи, падающие выше колен, и красивые туфли составляли остальной его наряд. Вид его был горд и спокоен». «Каков Кирджали!» — так восторженно закончил Пушкин свой рассказ о нем.

Как известно, поэт обладал и даром живописца. Его дружеские карандашные или меловые (на игорных столах) шаржи доставляли немало радости присутствующим, а карандашные портреты, выполненные им по памяти, сейчас приводят в восторг искусствоведов, сравнивающих их с другими сохранившимися портретами современников. О Пушкине-рисовальщике известный пушкинист Т. Г. Цявловская пишет: «Рядом с рисунками Пушкина мы видим безупречную чистоту линий Матисса, горячий темп рисунков Пикассо. Внезапным скачком в следующее столетие представляется

Типы гетеристов. Рисунок А. С. Пушкина

рисунок Пушкина. Эта особенность его графики присуща только искусству гениев!»²

Достоверностью и полным беспристрастием отличаются и рисунки поэта кишиневского периода на ту же тему разноплеменности. Наиболее известные из них — рисунок, изображающий типы гетеристов, и так называемая «Сцена в церкви».

Подписью к «Гетеристам» может служить пушкинский же текст, приведенный выше: сейчас это «мирные бедняки», признательные России за предоставленное убежище и не сетующие на свою судьбу, но еще вчера они были «известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали». Художник, запечатлевший пером двух неизвестных, погруженных в глубокие мысли, явно им симпатизировал.

² Цявловская Т. Рисунки Пушкина. М., 1970, с. 19.

Те же правдивость и отсутствие какой-либо предвзятости видны и на рисунке «Сцена в церкви», имеющем и все достоинства этнографического документа. Социальная принадлежность изображенных фигур определяется одеждой и типажом. Первый, слева, — чиновник, судя по прическе, русский. Вторым и третьим — мещане, по всей вероятности, купцы. Вторым, с опущенными волосами, — молдаванин, а третий — безусловно грек. Это узнается по подчеркнуто выведенному горбатуму носу и тонким вздернутым усикам. Четвертым, в подпоясанном кафтане и с шапкою («ишликом») в руках, — молдавский боярин. Пятым — православный монах. Шестым — набожно крестящийся подросток — молдавский барчук (пряди волос, одежда). Последний, седьмой, с бородою, — молдавский боярин из крупных (это определяется величиною его бороды). Третья, пятая и седьмая фигуры в головном уборе: у купца-грека и у важного боярина на голове скуфья, у монаха — клобук.

Вся сцена вырвана из реальной жизни. Но иконографических материалов, относящихся к Кишиневу двадцатых годов прошлого века, столь мало, что любая попытка идентификации зарисовок с определенными лицами рискованна. При всем этом рисунок Пушкина, запечатлевший в бытовой сценке нарядов пестроту, переносит в атмосферу разноплеменного города с его типами, застывшими в позе почтительности и благочестия.

В книге Т. Г. Цявловской о рисунках Пушкина впервые воспроизведена группа портретов, названная автором в «Списке иллюстраций» «Греки и молдавский бояр»³. Здесь шесть профилей. Но молдаван тут по крайней мере двое (в нижнем ряду второй — в чалме и третий — в скуфье). Трудно определить по типажу средний профиль первого ряда: этот волевой человек с несколько выдающимся подбородком и с необычной для здешних мест прической не может быть принят ни за грека, ни за молдаванина. Поэтому всю группу следует называть иначе.

Текстовых портретов молдавских крестьян, бояр и жен последних Пушкин нам не оставил.

---

³ Цявловская Т. Рисунки Пушкина, с. 6, 160.

Сцена в церкви. Рисунок А. С. Пушкина

Национальную пестроту Кишинева засвидетельствовали множество других писателей и мемуаристов. Среди них был и А. Ф. Вельтман: «После обеда пустился я снова вдоль улиц. Встречая повсюду русских, молдаван, греков, сербов, болгар, турков, жидов и пр., я не смел сделать им вопроса: «вскую шаташася языцы?»⁴ Разноплеменность населения Бессарабии своеобразно отразилась и в раннем творчестве М. Горького. Его старуха Изергиль за свою долгую жизнь успела любить рыбака-молдаванина, «гуцула», богатого турка и его сына, поляка, потом еще поляка, шляхтича, и т. д. Над этой разноплеменностью другой автор, В. Дедлов, как и Вельтман, тоже готов был подтрунивать: большинство дворян в Бессарабии «греческие люди фанариотского происхождения, зашедшие сюда вместе с греческими господами, бравшими страну у султана на откуп. Они омолодавались по языку и по фамилии, но по грубости и жадности остались настоящими фанариотами. <...> Затем (после евреев. — Г. Б.) идут такие нации, каких и придумать себе в другом месте невозможно. Немец — но французский подданный, француз — но подданный прусский. Армянин — но родом из Галиции, пятое поколение говорит по-польски и исповедует католическую веру. Сидор Хомутов — а ино-

⁴ Вельтман А. Ф. Странник, с. 28.

Сцена на улице. Рисунок неизвестного художника. Литография Адольфа Миди. Париж, 1816.

странец, румын, бывший депутат букарештского парламента и едва ли не скопец. Аугуст-Мильх — а поданный турецкий. Какая-нибудь Авдотья Карпова вдруг оказывается в замужестве за великобританским подданным; но ее великобританец носит фамилию польскую. Потом идет какой-нибудь Кшешпицюльский, уверяющий, что по-настоящему он не Кшешпицюльский, а Кшешпицюлешты, то есть природный румын и происходит по прямой линии от императора Траяна. Есть даже разбогатевшие цыгане, деды которых еще на памяти старожиллов занимались конокрадством, а внуки уже именуют себя боярами. <...> Из всего этого сброда не могло образоваться хорошего общества»⁵.

Молдавского крестьянина двадцатых годов прошлого века в его обычном рабочем одеянии зарисовал еврейский писатель Бен-Ами. Разница в одежде крестьянина юга и средней части Молдавии состояла тогда

---

⁵ Дедлов В. Вокруг России. Польша — Бессарабия — Крым — Урал — Финляндия — Нижний. СПб., 1895, с. 120 — 122.

Княжна Елена Суццо [в боярской одежде]. Художник
Луи Дюпре. Масло. Париж, 1825.

лишь в покрое постолов, в обвивке голени ремешками да в рубаше — в ее цвете и длине.

«Вот на самой вершине холма показался старый чабан, видно, самый старший, а может быть, и хозяин всего стада, высокий, стройный, плечистый старик, с смуглым, немного вытянутым худым лицом, с щетиnistым, небритым подбородком, большими, еще очень живыми и выразительными серыми глазами, громадным морщинистым лбом, с длинными седыми волосами,

Князь Михаил Суццо [в праздничном одеянии]. Художник Луи Дюпре. Масло. Париж, 1825.

падающими на его мощные плечи. Он одет в кожаные широкие штаны, стягивающиеся как в поясе, так и нанизу, вокруг колен, очкуром. Ноги его обуты в кожаные «постолы», длинные ремешки которых множество раз обвивают ногу, перекрещиваясь до самых колен. Сверх совершенно почерневшей из грубого холста рубахи накинута коротенькая смушковая куртка, красиво вышитая на груди разноцветными нитями. Под курткой, выдаваясь наполовину, широкий черный

кожаный пояс, доходящий почти до груди и тесно прилегающий к телу. Кругом пояс этот украшен медными бляшками и кольцами, к которым привешаны различные ножи, «кресало» для выбивания огня, кистет с махоркой, и, кроме того, имеет еще множество пазух или карманов, куда закладываются всякие другие вещи. На голове у него высокая серая смушковая шапка с заостренным концом, надвинутая на затылок»⁶.

А вот и одежда боярина: «Под длинным кафтаном с чрезвычайно широкими рукавами находилось подпоясанное полукафтаные; молодежь умела все это сокращать и открытый тонкий стан очень ловко сжимать и увивать красивым поясом. Это, со взгляду, тяжелое платье давало, не знаю, какую-то особую важность поступи и движениям носящих его. Теперь уже без умиления не могу его вспомнить, особенно когда в старых книгах нахожу печатное изображение тронной залы наших царей и восседающего в ней сонма бояр. Их высокие горностаевые шапки невольно напоминают мне Качула Маре (большая шапка. — Г. Б.)»⁷.

Нетерпимость к инациональному костюму, полностью противоположная отношению Пушкина, ярко проявилась здесь в 1818 году, когда в Кишинев впервые прибыл царь. Сцену всего конфуза и, с другой стороны, высокомерного пристрастия описал А. Ф. Вельтман: «Спозаранку зала в доме Тодора Крупенского наполнилась уже боярами, *куконами* и *куконицами* (барынями и барышнями. — Г. Б.). Хотя наместница, Виктория Станиславовна Бахметева, успела в короткое время много внушить образованного вкуса в дам кишиневских (они знали, что такое бал; куконицы знали уже необходимость во французском магазине мод, умели уже рядиться по венским и парижским образцам, умели рисоваться в кадрилях и мазурках), но к балу, где будет присутствовать император, съехались множество бояр со всех сторон, даже из княжеств Молдавии и Валахии, которым известны были только приличия азиатские. Приезжие куконьки облеклись во всю роскошь Европы и Востока, и, если б наместница, как

---

⁶ Бен-Ами. Лег-Баомер (воспоминания детства). — Восход, 1886, март, с. 130—131.

⁷ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 6. М., 1892, с. 109.

заботливая хозяйка приема, не обратила заблаговременно внимания на наряды посетителей, государь застал бы на балу всех дам окутанными в драгоценные турецкие шали, а бояр — в *кочулах* (шапках.— Г. Б.) и в *папушах* (тапочках.— Г. Б.) сверх желтых и красных *мешти* (носков.— Г. Б.). Почти перед самым входом государя шали были сняты, а папуши и кочулы нескольких сот голов были свалены в кучи за колоннами⁸. В сноске к этому тексту автор пояснил слова «кочула», «папуша», «мешти». Кочула — «смушковая серая шапка, вроде опрокинутой огромной кочарги, не снималась ни в церкви, ни даже перед султаном, как чалма».

Все эти свидетельства, сопоставленные с тем, что сохранилось из этнографических наблюдений поэта в Бессарабии, подтверждают, что Пушкин в гораздо большей мере, чем любой из писателей, посетивших Молдавию, умел проявлять особенную терпимость ко всему инациональному.

Пушкин видел здесь нечеловеческое обращение с крепостными цыганами со стороны их немилосердных владельцев. Вот примеры из уже приведенных: барин едет верхом, а следом бежит полунагой цыган, которому предстоит держать под уздцы лошадь, пока хозяин будет в гостях. А вот и цыган-возница; его роскошная верхняя одежда и сапоги накрепко прикреплены к козлам: это потому, чтобы — не дай бог! — крепостной кучер не вздумал ходить и вне своей показной службы в парадном наряде...

Как бы противопоставляя их тяжелым боярам, Пушкин упоминает о чрезвычайно подвижном вознице «низенькой плетеной тележки» — «молдаване в усах и бараньей шапке» — и «стройных молдаванках». Видел он здесь и «живописные» группы евреев.

Стихи Пушкина о том, что именно здесь он, «свободы сеятель пустынный», бросал «живительное семя», должны пониматься и как распространение им в бессарабском обществе идей равноправия всех народов, уважительного понимания «чужого» в области быта, обрядности, языка и искусства.

Это «живительное семя» попало в благодатную поч-

---

⁸ Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии. — В кн.: Майков Л. Пушкин. М., 1899, с. 99.

ву: в разноплеменной Бессарабии, в крае «пестрого стеснения нарядов», по совпадающему свидетельству всех наблюдателей, не было национальной вражды. За вспышку 1903 года, за позорнейший кишиневский погром, с его дикими избиениями и грабежами, полную «нравственную ответственность» несет, как о том писал сам губернатор края, «центральное правительство». Не нравилась здесь и разнузданная бешеная травля русского народа и его великой культуры в период боярско-румынской оккупации 1918—1940 годов.

В созидании того братства и единения, в котором живут сегодня в Молдавской ССР все национальности, есть и доля участия его — великого гения русского народа.

«На посох опершись дорожный...»

Характеры всех действующих лиц поэмы «Цыганы» строго очерчены. Каждая деталь портретной живописи, даже мельчайшая, дополняет психологический образ лаконично, но ярко и целенаправленно.

Вспомним описание обычного промысла поводырей медведей:

Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревет,
И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.

Отметим, что в одной из черновых редакций поэмы стих

  На посох опершись дорожный

был вписан: это была готовая формула, не требовавшая никаких исканий или переделок, и что в варианте к основной редакции следующая строка читалась так:

Старик привычно в бубны бьет.

Человек, опирающийся на посох и «привычно» или — что еще выразительнее — «лениво» бьющий в бубны (в других вариантах в «тимпаны», в «тарелку» или в

«гремячи бубны»), воскрешает образ мудреца, крепко думающего свою глубокую думу. В такой позе не мог находиться пылкий и движимый одними инстинктами Алеко. Положение подходит человеку умудренному, с огромным жизненным опытом, оторвавшемуся от повседневности, смотрящему в глубь событий и явлений.

Обычная для здешних мест поза и образ человека — цыгана ли, чабана или даже боярина, опирающегося на посох, — воспринимались всегда как выражение глумокомыслия.

Вот что дает нам художественная литература.

В первой половине XVIII века писатель-летописец Ион Некулче записал такое предание об одном из молдавских князей, посаженных на престол венграми: «Господарь Георге Штефан, еще в бытность свою великим логофетом (канцлером.— Г. Б.), будучи в совете, держал у своих уст конец палки. А Иордаки Кантакузино, старый, великий казначей, спросил: «Что ты там себе наигрываешь на дудке, логофет?» Тот ему ответил: «Играю, чтоб козы спустились с гор, но они пока не являются». Он ответил побасенкой, и никто из присутствующих не понял. В действительности, он ожидал, чтоб из-за гор прибыли венгерские войска»⁹.

В прошлом столетии то же рабочее положение пастуха надолго запечатлелось в памяти еврейского писателя Бен-Ами, проведшего свое детство в молдавской деревне юга Бессарабии. Пространная зарисовка, которую здесь мы воспроизводим полностью (обращая внимание на давно забытого автора), имеет документальное значение и для первой половины XIX века: это была традиционная поза. Традиционной была и мужская одежда молдавских крестьян и во время пребывания здесь Пушкина.

«Уставив вперед в землю свою длинную «кирлигу» (пастушескую палку с загнутым концом.— Г. Б.), он охватывает ее верхний конец своими морщинистыми загорелыми руками, на которые опирает свой подбородок. Сначала он окидывает взором все свое стадо, на которое внимательно смотрит в течение нескольких секунд.

---

⁹ Некулче Ион. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Едиция а доуа ревзутэ. Студио ынтродуктив де Е. М. Руссев. Кишинэу, 1974, р. 71.

Затем он, не изменив своего положения, продвигает немного ближе свою «кирлигу» и неподвижно устанавливается, вытянувшись во весь свой рост и устремив неподвижные взоры в неопределенную, бесконечную даль; он словно погружается в глубокую мрачную думу и как будто застывает в этой живописной, внушительной позе. И мы уже далеко ушли, уже холм начинает окутываться для нас легким туманом, а величавая фигура старого чабана все еще неподвижно остается на вершине. И трудно мне оторвать глаза от этого величественного зрелища, которое, сам не знаю почему, наводит на меня тихую грусть»¹⁰.

Запечатлел такую же позу и тоже где-то в южной части Молдавии и А. М. Горький. В степи «догорал день, и ее край, о котором пелось, был окрашен в яркий пурпур, точно там был развешан громадный бархатный занавес и в складках его горело золото. А на пышном фоне этого занавеса рисовалась такая красивая и странная фигура кого-то с длинной палкой в руках и в белой овечьей шкуре на плечах и поясе»¹¹. Чабан А. Горького, поющий «громкую, страшную песню о свободе и о степи», противостоит буре. Но этот суровый человек и на предмет своей любви — на свою маленькую фею — смотрит, приняв ту же позу: «Он оперся о палку локтем одной руки и, положив на ее ладонь голову, смотрел вверх на ветви, из которых, улыбаясь, смотрело на него ее маленькое личико с ясными карими глазами»¹².

У Пушкина старый цыган — воплощение народной мудрости и высочайшей нравственности. Для Иона Некулче и Бен-Ами старик, опершийся на посох, представляется величавой фигурой, погруженной в глубокую, тайную или мрачную думу. Чабан М. Горького в таком положении воплощает одновременно и опыт, и мужество, и нежность.

«Ужасные проклятия...»

Описывая в повести «Кирджали» молдавскую тележку — каруцу, Пушкин как бы мимоходом, вовсе не за-

¹⁰ Бен-Ами. Лег-Баомер (воспоминания детства), с. 131.

¹¹ Горький М. Полн. собр. соч. т. 1, с. 159.

¹² Там же, с. 166.

держиваясь на этом, отметил: «Если одна из них (клячонок.— Г. Б.) начинала приставать, то он (молдаван в усах.— Г. Б.) отпрыгал ее с ужасными проклятиями и бросал на дороге, не заботясь об ее участи».

Что скрывается за лаконичным выражением «ужасные проклятия», нетрудно догадаться. Но почему писатель в своем деловом и спокойном изложении только в данном случае отступил от величавости повествования и выразил непосредственно свое неодобрительное отношение к описываемому?

Более чем непристойная брань молдаван в прошлом ошеломляла и приводила путешественников по этим краям в ужас. А. Афанасьев-Чужбинский в середине прошлого века с болью в душе и с несдержанным возмущением писал: «В самом спокойном расположении духа молдаванин обругает все, что ни попадетя, от соломинки, лежащей на дороге, до самого дорогого предмета в мире, и известные непечатные фразы, только особой местной конструкции, срываются с языка всего населения, от дряхлых стариков до ребенка, едва начавшего лепетать».

Все усиливая свое негодование, он с возмущением говорит, что подобные ругательства свидетельствуют о неуважении не только к женщине, «но и ко всему дорогому и священному для человека». И наконец: «Сперва эти отвратительные грязные фразы производят на свежего человека тяжелое впечатление, но после к ним привыкаешь и иной раз и не можешь не улыбнуться, если отец, например, бранит молоденькую дочь и, увлекшись, пустит речение, смысл которого до того безобразен, что превосходит всякое вероятие»¹³.

Считая молдаван, и не без основания, ревностными исполнителями лишь внешних религиозных обрядов, другой автор тогда же писал, что они «мало имеют уважения к предметам высокосвященным» и «легкомысленно произносят эти предметы, что всегда поражало меня ужасом. Я всегда с особым старанием отыскивал причину такого неуважения к предметам веры в народе православно-христианском»¹⁴.

---

¹³ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб., 1863, с. 267—268.

¹⁴ Жадовский П. Молдавия и Валахия в современности (из записок офицера), с. 38.

Приведенные цитаты, свидетельствующие о возмущении их авторов употреблением молдаванами непристойных ругательств, резко отличаются от пушкинского отношения к этому — отрицательного, но спокойного.

«Тяжелый молдаван...»

«Тяжелыми» Пушкин назвал молдаван дважды. Впервые — в 1822 году в рабочих вариантах стихотворения «Мой друг, уже три дня...», восстановленных текстологами в единственном сохранившемся черновом автографе. Первоначальные строки

Восточные фигуры
Куконов, кукониц...

поэт заменил тут же на

Тяжелые фигуры
Куконов, кукониц...

Второй раз Пушкин применил ту же характеристику в «Отрывках из путешествия Евгения Онегина»:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

В обоих случаях эпитет «тяжелый» означает «медлительный», «неповоротливый», «неуклюжий». Но эта неповоротливость, медлительность определялась не тучностью, как это может показаться, а традиционными нарядами, тяжелыми шапками и рясами, обуславливающими неповоротливость, замедленность движений их носителей.

Ф. Ф. Вигель, вице-губернатор области, в своих воспоминаниях уделил боярской одежде немало внимания. Будучи еще в Бессарабии, он советовал боярам снять с себя «такое неблагообразие», то есть восточные рясы. Но, продолжает мемуарист, «они отвечали

мне весьма благоразумно, что фрак равняет состояния и ведет к совершенному равенству между людей. И точно, всякий камердинер может быть щеголеватее первого вельможи. Наше неуважение к духовному сану умножало еще наше презрение к боярскому наряду. Говорили: это точно поповская ряса; правда, зато и архиерейская. Под длинным кафтаном с чрезвычайно широкими рукавами находилось подпоясанное полукафтанье; молодежь умела все это сокращать и открытый тонкий стан очень ловко сжимать и увивать красивым поясом. Это, со взгляду, тяжелое платье давало, не знаю, какую-то особую важность поступи и движениям носящих его»¹⁵.

Именно такой смысл пушкинского эпитета подтверждается и ходом мысли поэта: первоначально стояло «восточные фигуры». Затем поэт заменил эпитет иным — «тяжелые», но в конце концов зачеркнул прилагательное «тяжелые» и остановился на первом эпитете, для него синонимичном, — «восточные». Несколько лет спустя, уже в «Евгении Онегине», он вернулся к эпитету «тяжелый». Эпитет «восточный» при существительном «молдаван» в данной строфе «Евгения Онегина» исключался: он попал бы в соседство с этнонимами армянин, грек и «сын египетской земли», к которым применим тот же эпитет, но в прямом смысле. И поэт оставил синоним «тяжелый», имея в виду, безусловно, тот же восточный наряд, сковывавший телодвижения.

Для любителей курьезов заметим, что в России в восьмидесятых годах прошлого века вдруг всплыл «вопрос» о замене светской одеждой священнических ряс. В Киеве и в Кишиневе эта инициатива встретила решительный отпор. «Широкая священническая одежда придает человеку, носящему ее, более строгий, степенный и величественный вид, чем короткий и урезанный сюртук с прочими принадлежностями светского костюма». Смена «приличной и величественной» одежды на «карикатурный и нищенский» сюртук оценивалась здесь как «признак неразумия и свидетельствование искаженного вкуса» — писал ректор Кишиневской

---

¹⁵ Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 6, с. 109.

духовной семинарии Авксентий Стадницкий, впоследствии епископ Псковский¹⁶.

Итак, пушкинский эпитет «тяжелый», примененный к молдавским боярам, означает «медлительный», «неуклюжий».

Шалевая чалма...

В том же незавершенном стихотворении «Мой друг, уже три дня..», написанном, как уже было сказано, в середине марта 1822 года, когда Пушкин находился под арестом, содержится резко отрицательная характеристика «ясского пана», Тодора Балша, с которым поэт имел накануне крупное столкновение.

Самого Балша Пушкин в сердцах назвал «болваном», «подлецом», «трусом» и «грубианом». В чем проявлялись низость, трусость и грубость Балша, остается неизвестным. Но содержание эпитета «болван» поэт расшифровал. Оказывается, такой характеристики Тодор Балш удостоился из-за «мазурки», «чалмы» и «несносной бороды»:

...ясский пан
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою...

Читая эти стихи, можно подумать, что его манера исполнения мазурки была иной, чем общепринятая, а чалма бояра и его борода отличались чем-то смешным, несообразным, что выделяло среди других. И это заметил не один Пушкин: Балш был «известным болваном».

Должно признаться, что из всех названных поэтом особенностей, приведших к столь отрицательной характеристике Балша, головной убор бояра, его чалма, является наиболее безобидным или нейтральным. Не он один носил в то время в Кишиневе чалму. Этот

---

¹⁶ Стадницкий Авксентий. Библиографическая заметка [рецензия на кн.: Певницкий С. Священник. Приготовление к священству и жизнь священника. Изд. 2-е. Киев, 1886]. — Кишиневские епархиальные ведомости, 1886, № 13, с. 223.

убор был, безусловно, известен поэту как традиционный для многих народов, в том числе и для кавказцев и крымчан, представителей которых он видел своими глазами. Аккуратно обвивавшая голову шаль из шелка или какого-либо полотна, чаще всего светлого тона, украшенная брошью, ничего достойного порицания не содержит, своей элегантностью даже может нравиться. А у такого представителя крупного молдавского боярства, каким был Тодор Балш, и материал, и украшение чалмы были, надо думать, высшего качества, а фасон соответствовал моде того времени.

В чем же дело?

Ответим сразу: в русском обществе чалма не нравилась не из-за фасона или качества материала, а из-за того, что, согласно местному обычаю, бояр нигде с ней не расставался: ни на улице, ни в салоне, ни даже в церкви.

Для цивилизованного человека при встрече с другим человеком на улице или в помещении обнажение головы было тогда признаком воспитанности. И наоборот: если кто-либо желал кого-то оскорбить, он оставался в шапке или надевал при нем свой головной убор.

Именно такая сценка была списана с натуры одним из кишиневских друзей Пушкина вице-губернатором области Ф. Ф. Вигелем: «Когда мне после случилось временно управлять областью, раз пришел он (некий француз.— Г. Б.) ко мне за каким-то делом. Я имел слабость посадить его, но не мог удовлетворить его просьбы; он, кажется, прогневался и едва вышел от меня, надел шляпу. В другой комнате стоял с бумагами канцелярский чиновник по имени Грибовский, малый молодой и смелый. Я перстом указал ему на шляпу сквозь открытые двери; он бросился и, принимая, вероятно, барина сего за молдавана, подал ему ее с улыбкой, сказав «слуга думитале» (покорнейший слуга.— Г. Б.). С бешенством Флери оборотился ко мне и спросил, как могу я допустить, чтобы в присутствии моем чинимы были такие дерзости. «Да, я не допускаю,— отвечал я,— чтобы кто-нибудь у меня в комнате при мне смел надеть шляпу». Он пуще разъярился, хотел еще что-то молвить, но я прервал его словами: «Полноте, г. Флери, пожалуйста, не горячитесь; я знаю, кто вы, и мне нетрудно будет приказать

обнажить истину». Он что-то пробормотал, но с поникшей головою спокойно удалился»¹⁷.

Француз Флери был «в дружественных отношениях с богатейшими из бояр». Зачем понадобилось мемуаристу указывать на эту дружбу именно с той категорией бояр, которых, как это явствует из многочисленных авторских признаний, он, Вигель, ненавидел всей душой? На этот вопрос ответил между строк сам автор. Стоило ему, вице-губернатору, через открытые двери лишь «перстом указать», как чиновник, «малый молодой и смелый», сорвал шляпу с головы посетителя, которого принял он за молдаванина... Неуместное, на первый взгляд, сообщение о дружбе француза, нарушителя этикета, с высшим молдавским боярством получает обоснованное объяснение: без сомнения, этому французу был преподнесен такой же урок «европейского обхождения», как до этого случая не одному молдавскому бояру. Отсюда и затвержденное русским чиновником и уже освоенное своеобразное извинение: «Слуга думитале!»

Доминирующими чертами характера молдавских бояр все жившие в Молдавии русские наблюдатели, как бы сговорившись, считали гордость, спесь, высокомерие и кичливость и видели их даже там, где их вовсе не было. Именно этими чертами представители русского общества в Кишиневе объясняли обычай местного населения повсюду оставаться в головном уборе. Это была уже явная предвзятость.

Вот несколько примеров.

В 1808 году русский путешественник по этим местам писал: «Духовенство в Яссах простирается до 200 человек. Мне удалось быть в одной здешней церкви. Службу отправляли на греческом диалекте; бояра же с детьми стояли по местам, нарочно для каждого из них сделанным, и в шапках. Вот до чего доходит их гордость!»¹⁸ В данном случае, однако, написавший эти строки дважды неправ. Стойки вдоль церковных стен — архитектурная деталь греческих монастырей, перенесенная с давних пор и в Молдавию. В монастырях в

¹⁷ Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 6, с. 180 — 181.

¹⁸ Бантыш-Каменский Д. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810, с. 149 — 150.

этих стойках обыкновенно стояли, а иногда и садились престарелые монахи. Значит, они сделаны были вовсе не для бояр. Равнодушным был к этой местной привычке живший одновременно с Пушкиным в Кишиневе князь Долгоруков: «Попы молдавские как во время вечерни, так и на отпевание становятся не на обычном месте, но к стене, в приделанных по обеим сторонам стойках. Эти места служат и для прочих посетителей»¹⁹. Из монастырей перенесен и обычай даже в церкви находиться в головном уборе — клобуках, чалмах и т. д.

Обычай оставаться в головном уборе наблюдался здесь не только в боярской среде. Пастухи летом и зимою не расставались со своими бараньими шапками, которые, будучи туго натянутыми на голову, трудно снимались. Один из путешественников увидел в этом ту же гордость, ту же заносчивость: молдаване и в середине прошлого века «не только не обращают внимания на снятие шапок, но и вообще на проезжающих и проносящихся тройками господ и торопливо не сворачивают с дороги; даже маленькие пастушонки говорят с остановившимся барином не снимая шапки... досадно, а нечего делать... Слез бы да за уши выдрал, но возле этих чертенят всегда такие огромные собаки и такие злые, что всякий из благоразумия и снисходительности пренебрегал этим»²⁰.

Подобная сцена произошла в Кишиневе 11 мая 1877 года. В этот день здесь был объявлен манифест о начале русско-турецкой войны. Духовенство уже отслужило в присутствии царя молебен. Поодаль, в стороне от военных, стояли толпы народа, среди которого были молдаване и евреи (последние, как и мусульмане, при молитве обязательно остаются в головных уборах). Один из присутствовавших увидел в этом обычае уже не только гордость, а и вызывающее неуважение. «Рассказывали мне очевидцы, — писал он, — о следующем. Когда все обнажили головы, пали с государем на колени, масса евреев и молдаван стояла в шапках .

«У нас все нервы дрожали, рука невольно поднималась с нагайкой или сжатая в кулак... но его (царя. —

---

¹⁹ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 42.

²⁰ (И-тов). Румыния. Рассказы о Бессарабии, Буковине, Молдавии и Валахии, с. 20.

Г. Б.) присутствие удерживало нас!»— говорили мне многие.

Но после его отъезда таки не утерпели, прописали многим, как надо уважать русскую молитву...

Часов с двух дня было разбито несколько кабаков. Были не пьяные — о нет! Откуда быть пьяным, когда «серничка» не на что купить... Это прописывали уважение к русской молитве...»²¹

Приведенные примеры неприятия местных обычаев взяты из произведений, описывающих Бессарабию времен пребывания в ней Пушкина и более поздних. Но вот цитата из известной повести о валашском господре Владе Цепеше, правившем в 1456—1462 и 1476—1477 годы. В то время обратный обычай (обнаженная голова — признак почтительности) еще не подвергся здесь восточному влиянию: «Приидоша к нему некогда от турецкого царя поклисарие (послы.— Г. Б.) и егда внидоша к нему и поклонишася по своему обычаю, а как своих кап з глав не сняша, он же вопроши их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвечаша: «Таков обычай наш государь и земля наша имеет». Он же глагола им: «И аз хощу вашего закона подтвердити, да крепко стоите». И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы»²².

В труде Дмитрия Кантемира «Описание Молдавии», созданном им в России в 1716 году по заданию Берлинской академии, членом которой он являлся, речь идет о соблюдении того же обычая в крестьянской среде (читатель переводимых строк без труда увидит вкравшуюся в перевод первого предложения ошибку): «Если умрет крестьянин, то его сыновья в течение шести месяцев не должны стричь волосы и бороду, полгода ходить с непокрытой головой, хотя бы это и случилось в середине зимы. Даже если им приходится отправиться в очень дальнюю дорогу, не должны ничего одевать на голову»²³.

²¹ Самсонов Л. Н. Пережитое. Мечты и рассказы русского актера. 1860—1878. СПб., с. 357—358.

²² Сказание о Дракуле воеводе.— *Cronicele slavo-romine din sec. XV—XVI*, publicate de Ion Bogdan. Editie revazuta si complectata de P. P. Panaitescu. Bucuresti, 1958, p. 200.

²³ Кантемир Дм. Описание Молдавии. Пер. с латинского Л. Панкратьева. Кишинев, 1973, с. 168.

По сравнению с приведенными примерами несогласия с местным обычаем покрытия или обнажения головы пушкинская характеристика противника, написанная в условиях ареста, выглядит не столь уж яростной. Но здесь она приведена именно потому, что, даже выраженная в сердцах, составляет у поэта исключение в его понимании национальной специфики.

Обритые и брадатые куконы

В стихотворении «Мой друг, уже три дня...» есть строки:

Пищу карикатуры,—
Знакомых столько лиц,—
Восточные фигуры
<...> кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

Русский читатель, незнакомый с молдавскими обычаями, может предположить, что, называя бояр (куконов) «обритыми», Пушкин имел в виду тех из них, которые отказались от традиционного восточного наряда, надели фрак и стали бриться. Однако это далеко не так: в Молдавском княжестве и, значит, в Бессарабии до ее присоединения к России в 1812 году право опускать бороду имели лишь первые шесть разрядов боярства (до спатаря, то есть оруженосца, включительно)—великие и средние бояре. Обритыми же были те, кто стоял по своему рангу ниже категории великих и средних. По этому поводу офицер Ф. Н. Лугинин записал в дневнике: «...борода означает здесь чин»²⁴. В условиях России в новоприсоединенной восточной части княжества, когда все степени боярской иерархии были приравнены к русским дворянам, бороду мог носить всякий. Но, замечает Ф. Ф. Вигель, в двадцатых годах здесь еще сохранялся прежний обычай: «У нас в России с молдавским платьем всякий мог бы отпустить ее; но такова сила обычая и уважения к нему,

---

²⁴ Лугинин Ф. Н. Из «Дневника».— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 232.

что, исключая имеющих на то право, никто не позволял себе того»²⁵.

Отношение к данному показателю «благородства» было двойким. По свидетельству Вигеля, наместник Инзов отзывался «с особым уважением о бородах молдавских бояр, называя их патриархами». Пушкин же подшучивал над этим признаком «благородия»: бороду Тодора Балша он назвал «несносной» (что, как толкует «Словарь языка Пушкина», означает «неприятный», «противный»), использовав эпитет, которому предшествовал другой, еще менее лестный — «глупая».

Противопоставление «обритых» и «брадатых» имеет в виду, следовательно, социальный смысл. Кроме того, оно было весьма злободневным. Оказывается, обе категории бояр враждовали между собою, и об этой взаимной неприязни хорошо знало и русское общество Кишинева. Потомственных бояр в Бессарабии оказалось очень мало — всего шесть-восемь родов. «Все же прочие, — пишет тот же мемуарист, — коих число полагают до восьмидесяти, были слугами бояр до последней войны между Россией и Турцией»²⁶. Они оказывали армии различные услуги: были комиссионерами, поставщиками, подрядчиками, накопили капиталы, приобрели имения, а затем выпросили себе и чины.

Потомственным боярам, писал Вигель, «больно было видеть прежних своих подавателей трубок восседающими с ними рядом и даже судьями своими, и потому они составили свою партию, малочисленную, но сильную богатством и давно приобретенным уважением». Эта категория ненавидела и нового бояра, Варфоломея, дом которого Пушкин часто посещал: «Члены Совета, почти все из бояр, смотрели на него (Варфоломея. — Г. Б.) с пренебрежением как на человека, недавно из ничего вышедшего, смеялись над его мещанским тщеславием и роскошью...»²⁷

Таким образом, эпитеты «обритые» и «брадатые» употреблены Пушкиным не только для показа контраста физического облика, но и для подчеркивания социальной разности молдавских дворян. Подчеркивая

²⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. М., 1893, с. 52.

²⁶ Там же, ч. 6, с. 4.

²⁷ Там же, приложение, с. 11.

эту полярность, поэт был настроен одинаково неприязненно и недружелюбно к обеим категориям, называя всех их «восточными фигурами» и «тяжелыми». В отвергнутом варианте он определил их еще жестче — «ордою бояр».

«Дамы преют и молчат»

А. Ф. Вельтман оставил такую зарисовку впечатлений от прогулок по кишиневским улицам: «...здесь, по большей части, все ездят в колясках, от последнего мазила (одногодворца.— Г. Б.) с обритой бородой до первого бояра с длинной бородой. Но молдаванские кони не соответствуют венским экипажам. Как тиринтиец, я лопнул от смеха, когда увидел, как две водовозные клячи

С трудолюбивым напряжением
Тащили венскую коляску;
Цыган, в гусарском доломане,
Плачевным ходом клячей правил;
А толстый молдаван бояр
Недвижно, так, как идол древний,
Секирой сделанный из дуба,
Сидел в кочуле, расправляя
Усы и бороду густую —
И было тяжело рессорам!
А арнаут, облитый златом,
Стоял смиренно на запятках
И трубку длинную держал»²⁸.

Описанную Вельтманом позу и сочетание слов «идол древний» следует сравнить с тем, что срисовал тогда же Пушкин на балу у вице-губернатора Катакази:

...Подогнув под <...> ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

Наличие одинакового сравнения у Пушкина и у Вельтмана позволяет предполагать повсеместную его здесь обращаемость.

Оцепенение бояра в коляске, как и неподвижность кукониц в салонах, вовсе не показатель тяжеловеснос-

---

²⁸ Вельтман А. Ф. Странник, с. 27.

ти или тучности и обрюзглости. Дело в том, что на единственной в комнатах мебели—на диванах, покрытых ковром,—молдавские куконицы сидели, как писал очевидец, «подкорчивши ноги крестообразно под себя». Уже сама поза обрекала сидящих на неподвижность, а шаль—непременная принадлежность женского, не только традиционного, «азиатского», но и нового, «европейского» туалета,—скрывала движения!

Е. Ковалевский, называвший себя «странствователем по суше и морям», в 1844 году так писал о бесформенности местных женских нарядов: «Вам, верно, не случилось видеть мешка, в каком обыкновенно в Константинополе кидают или кидали в море неверных своему долгу жен: распустите талию немецкого платья, отрежьте рукава и зашейте края юбки—вот вам и мешок, совсем готовый для использования страшной казни. Конечно, очень похвально для женщин носить на себе изображение угрожающего орудия смерти за их поступок,—*mento mori!* древних; но нельзя сказать, чтобы это было очень красиво»²⁹.

Молдавских боярынь, сидящих в традиционной позе, Пушкин сравнил с изображениями египетских богов, но оживил эту статическую сцену введением глаголов, обозначающих внутреннее действие. Никто так верно, так метко и сжато не определил драматичное и комическое одновременно времяпрепровождение: «преют и молчат».

Прохлады и кофейная гуца

Весною 1821 года Пушкин написал сатирическое стихотворение из шести строф, при жизни не печатавшееся. Оно известно по заглавию, данному по первой строке:

Раззевавшись от обедни,
К К<атакази> еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув под <...> ноги,
За вареньем, средь прохлад,

---

²⁹ [Ковалевский Е.]. Арнаут. Яссы и Молдавия, с. 82.

Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

В литературе о Пушкине было высказано мнение, что эти строки напоминают известный жанр молдавского фольклора — стригатуру. Вначале функция этих четверостиший была распорядительной, а со временем они переросли в сатирические экспромты.

«Словарь языка Пушкина» объясняет слово «прохлады» (мн. число) как «состояние безмятежного покоя, пребывания в неге, праздности». Для данного случая значение слова указано неверно. Следует: «прохладительный напиток» (холодная вода, подслащенная вода, вино с водой, вода к шербету, варенью и др.). Эту поправку позволяет сделать не только неестественность соседства конкретного слова «варенье» и столь абстрактного «прохлады», но и приводимые ниже цитации.

В повести «Кирджали» Пушкин рисует сцену угощения кофе, называемого им «кофейной гущей». Смысл этого словосочетания воспринимается русским читателем как «осадок в жидкости». Так объясняет его значение и «Словарь языка Пушкина» (см. Гуца). Но и это не совсем верно: «кофейная гуца» означает здесь «густо сваренный кофе». Вот этот отрывок: «Около шестисот арнаутов рассыпалось по Бессарабии; не ведая, чем себя прокормить, они все же были благодарны России за ее покровительство. Они вели жизнь праздную, но не беспутную. Их можно всегда было видеть в кофейнях полутурецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прихлебывающих кофейную гуцу из маленьких чашечек».

А. С. Пушкин, как видим, говорит о героях своего стихотворения и повести, об их времяпрепровождении в восточной манере спокойно и деловито.

Сцену обычного угощения «прохладами» и кофе в молдавских боярских домах зарисовал А. Ф. Вельтман: «Вас сажают на диван; арнаут в какой-нибудь лиловой бархатной одежде, в кованной из серебра позолоченной броне, в чалме из богатой турецкой шали, перепоясанный также турецкою шалью, за поясом ятаган, на руку наброшен кисейный, шитый золотом платок, которым он, раскуривая трубку, обтирает драгоценный мундштук, подает вам чубук и ставит на пол под трубку медное блюдечко. В то же время босая, неоп-

рятная цыганочка, с всклокоченными волосами, подает на подносе дульчец (варенье.— Г. Б.) и воду в стакане. А потом опять пышный арнаут или нищая цыганка подносят каву в крошечной фарфоровой чашечке без ручки, подле которой на подносе стоит чашечка серебряная, в которую вставляется чашечка с кофе и подается вам. Турецкий кофе, смолотый и стертый в пыль, сваренный крепко, подается без отстоя»³⁰.

Не так смотрели на потребление прохлад и кофейной гущи другие авторы. В начале века Д. Бантыш-Каменскому не понравился сваренный подобным образом кофе из-за его вкуса: «Июня 17-го был поутру у митрополита Гавриила. Он потчевал меня кофею по молдавскому обычаю, т. е. сперва подали мне варенье, которого съев одну чайную ложку и запив холодной водою, должен был уже потом приступить к кофею, но я не мог пить его, ибо оной без сливок и густо сварен. Бояре же здешние пьют кофий даже без сахара, по-турецки»³¹.

Не согласился с новыми реалиями местного быта и другой автор, в середине века. «Хуже всего то, — писал он в сердцах, — что я утром не мог добиться чаю. Едва я протер глаза, как явился слуга с бокалом холодной, ледяной воды, с погруженною в нее ложечкою розового шербета. <...> «Я чаю хочу». — Молдаван смотрел во все глаза и вопросительно улыбался. — «Чаю, слышишь ли?» — Он потряс головою... Хотя бы за все русские денежки, рассоренные здесь нашими любителями заграничного, сложились бы купить самовар для русского человека! Так без чаю и остался; должен был в страшную жару удовольствоваться кофе с холодными сливками (и то еще, вместо хлеба, подали бисквитов) и шербетом с холодной водою. А на улице гам, и крик, и пестрота, и толкотня. Солнце печет насмерть. Ну вас! скорей в Россию»³².

В Бессарабии со временем обычай угощения вареньем стал проникать и на село. Разумеется, речь идет о домах зажиточных крестьян. Зарисовал сцену такого

---

³⁰ Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии, с. 109.

³¹ Бантыш-Каменский Д. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, с. 146.

³² Рачинский А. В. Походные письма ополченца по южной Бессарабии в 1855 — 1856 гг. М., 1858, с. 71 — 72.

угощения украинский этнограф А. Афанасьев-Чужбинский³³.

Обычай угощения «дульчецей» и «кофием» продержался в Бессарабии очень долго, и к концу века его бранили все те, кто не успел еще привыкнуть к нему. Вот как писал о нем путешественник уже к исходу столетия: «Принимает он (молдавский бояр. — Г. Б.) не по-европейски, а, согласно древнему обычаю, первым долгом подносит гостю «дульчецы», т. е. сладости: шербет и варенье. Становые особенно ненавидят этот древний обычай. «Помилуйте,— ропщут они,— приедешь как собака голодный, душа просит рюмку водки и кусок солонины, а они подают эти — тьфу! — дульчецы»³⁴.

Каруца, клячонки

В повести «Кирджали» Пушкин, описывая почтовую телегу и упряжь, дал пространное толкование молдавскому слову «каруца»: «Может быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая плетеная тележка, в которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь клячонок. Молдаван в усах и в бараньей шапке, сидя верхом на одной из них, поминутно кричал и хлопал бичом, и клячонки его бежали рысью довольно крупной. Если одна из них начинала приставать, то он отпрягал ее с ужасными проклятиями и бросал на дороге, не заботясь об ее участи. На обратном пути он уверен был найти ее на том же месте, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нередко случалось, что путешественник, выехавший из одной станции на осьми лошадях, приезжал на другую на паре. Так было лет пятнадцать тому назад. Ныне в обрусевшей Бессарабии переняли русскую упряжь и русскую телегу».

Каждая деталь здесь описана предельно лаконично, очень четко, спокойно, объективно, даже величаво. Нет и тени какого-либо предвзятого отношения автора к

---

³³ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, с. 273—274.

³⁴ Дедлов В. Вокруг России, с. 138 — 139,

новым для него реалиям. Здесь действуют и проявляют свои эмоции персонажи («не заботясь», «он уверен был» и др.).

Из множества иных описаний молдавских телег воспроизведем вначале ту, которую дал современник Пушкина Н. М. Лонгинов. Он писал с насмешкой: «Почты тут ходят на чухонские: упряжь из снурочков, хомутов и вожжей нет, а лошадей молдаване запрягают в коляску по 13 штук и гонят их, сидя верхом, пресмешными понукиваниями, как стадо собак; глядя издали, подумаешь, что бежит с поля табун дрянных лошадемок»³⁵. Эти «дрянные», по Лонгинову, лошадемки, низкорослые, но очень выносливые и малоприхотливые, — известная порода «молдавских» лошадей, гордость страны.

Кроме каруц, были еще и арбы, настоящие дома на колесах: «...в ширину сажень, в длину две; колеса два аршина в диаметре, а ничем не смазанные буковые оси в палец толщины. Вообще молдавские воловьы каруцы бывают без обшивки; бока их составляют параболу, рогами вверх и на подставках»³⁶.

В Бессарабии к тридцатым годам, как справедливо заметил Пушкин, были переняты и русская упряжь, и русская телега. Причиной заимствования послужило общее оживление экономической жизни новоприсоединенного края, расширение и увеличение перевозок, требовавших более надежных средств транспорта. Но в Молдавском княжестве, оставшемся и после 1812 года под турецким владычеством, традиционная каруца продержалась еще долгое время и обращала на себя внимание путешественников, которые ею неизбежно пользовались. Вот, например, что писал о ней Владимир Даль: «Повозки здешние — арбы и каруцы. Первые поражают неуклюжею огромностью своей и тяжелыми, дубовыми колесами на тонких буковых осях, которые никогда не смазываются и потому режут несносно; вторые, каруцы, собственно почтовый экипаж: перекладные, имеют полтора аршина длины и едва ли более вышины от земли, почему и ходят почти на ручные по-

---

³⁵ Лонгинов Н. М. Путевые письма. Июнь — сентябрь 1823. — Русский архив, 1905, № 12, с. 569.

³⁶ Вельтман А. Ф. Костештские скалы, с. 228.

возки. Вы садитесь, согнув ноги или подвернув их под себя, ямщик верхом, на левой коренной, и четверка с выносом мчит вас через пень через колоду, едва переведя дух на половине дороги, где суруджу (ямщик. — Г. Б.) с замечанием: «Джематати друм» (полпути.— Г. Б.)— слезает с головного своего арчака. Я имел несколько более удобства, ибо ехал в собственной бричке. Но к такому экипажу, особенно если дорога дурна, прицепляют здесь нередко до дюжины кляч, мал мала меньше, половины коих и не удостоивают ни вожжей, ни недоуздок. Таким образом отъехал я было верст около десятка, как вдруг — шворень брички моей пополам и суруджу мой поскакал с полверсты под гору, покуда сумел и смог остановить строптивых кляч, которые, радостно покачивая головами, мчали легкий груз передка»³⁷.

Немногим позже появились крытые дрожки и омнибусы. Русские офицеры называли маленькие молдавские повозочки «фараоновой колесницей» (П. Алабин) или «пожарной трещоткой» (А. Ф. Вельтман).

В середине XIX века и в Молдавском княжестве стали запрягать в повозки «крупных лошадей» и самые повозки были уже устроены «на манер наших, бессарабских — в них по крайности можно сидеть...»³⁸.

Повозочка, виденная М. Горьким в конце века где-то далеко от Бессарабии, в Донецком бассейне (у писателя указано ошибочно — у реки Молочной), в 1891 году, может служить подтверждением наблюдениям этнографов и языковедов об относительной консервативности отдаленных арий. В рассказе «На Чангуле» читаем: «Передние колеса тележки игрушечно малы, а задние значительно выше, — тележка похожа на кресло»³⁹.

Пушкинскому описанию молдавской каруцы следует противопоставить оценки, данные от имени самого автора — уже упомянутого П. Алабина: молдавская почта «сделала на меня неприятное впечатление», лошади «истощали свои последние силы», «вид их всегда воз-

---

³⁷ [Даль В.]. Были и небылицы казака Владимира Луганского. Кн. 1. СПб., 1833, с. 110 — 111.

³⁸ Алабин П. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. Ч. 1. Вятка, 1861, с. 256.

³⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1972, с. 391.

буждал во мне болезненное участие к бедным животным». В описании того же объекта другим военным, бывшим в этих местах в середине прошлого века и назвавшим почтовую телегу «чертовой корзиной», встречаем такое же непосредственное излияние ощущений: «ужасные скачки», «адская езда», (я) «шлепнулся в лужу грязи, и каков был мой ужас, когда я увидел, что проклятый суруджио, крича во все горло и хлопая бичом, скрывался вдали по дороге с моими вещами и повозкой»; (я) «был свидетелем смешных и вместе непривычных происшествий», (суруджио) «кричит немилосердно»⁴⁰ и др.

«Песен радостные гулы»

Пушкин обладал даром мгновенного переключения в иную сферу бытовых или эстетических впечатлений. Так, рисуя жизнь кочующих цыган, людей «диких», «вольных», но «миролюбивых», «робких» и «добрых», «бедных сынов природы», он выделяет прежде всего бойкую оживленность лагеря с его постоянными заботами и обязательными песнями:

Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалний,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.

Полностью сживаясь с новой обстановкой, он все принимает, радуется всему, что есть прекрасного у этих людей, лишенных «неги просвещения» и «сладокрастия наук».

Быт и музыка кочующего племени были и «скудными», и «дикими», и «нестройными». И все же образ его жизни и музыка, неотъемлемая часть духовной культуры, не только воспринимаются Пушкиным, но даже противопоставляются жизни образованного общества. Завороженный «диким» и «нестройным» пением, поэт сравнивает жизнь того, другого общества тоже с песней. Но какой!

---

⁴⁰ Жадовский П. Молдавия и Валахия в современности. — Пантеон, 1856, т. 25, кн. 1, с. 5, 31 и др.

Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрып телег,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все так живо-неспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

В новой среде, где все так «живо», так «чудно» и так «вольно чудно» (запись в первоначальных вариантах поэмы), его муза полюбила чуждый ей язык, новую природу, новые песни:

И позабыв столицы дальней
И блеск и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала
И между ими одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи, ей любезной...

Жизни «рабской», «тяжко праздной», «однообразной», «как моря шум», как «степь» (первоначальные сравнения, завершившиеся находкой «как песнь рабов»), поэт вместе со своим героем предпочел бедность и простоту цыганского быта, цыганские напевы.

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Пушкина-художника в первую очередь интересовала правда искусства. И он сознательно нарушил в поэме правду жизни, которая состояла в следующем.

В Молдавии были две категории цыган: оседлые, крепостные, рабы в полном смысле слова, и кочевые, свободные жители края. Музыка, вокальная и инструментальная, процветала в среде оседлых цыган-рабов

и была молдавской: она удовлетворяла вкусам хозяев-молдаван. Поэт осуществил контаминацию: полюбившихся ему вольных цыган он наделил чрезвычайной любовью к пению и общепризнанной исполнительской и музыкальной одаренностью, свойственной цыганам-рабам. Знаток быта боярских цыган-рабов А. Ф. Вельтман, возражая против осуществленного Пушкиным смещения, но не вступая в открытый спор, лаконично выразил свое несогласие в таких словах: «Между девами-цыганками, живущими в доме, можно найти Земфиреску, или Земфиру, которую воспел Пушкин и которая, в свою очередь, поет песню:

Арды ма, фрыджи ма,
На карбуне пуне ма!
(Жги меня, жарь меня,
На уголья клади меня).

Но посреди таборов нет Земфиры»⁴¹.

Так обстоит в действительности дело с музыкой — «песен радостными гулами», перенесенными поэтом, очарованным ими, в среду кочевых цыган, полюбившихся ему за высокую нравственность и беспредельную любовь к воле. Это была правда искусства, с которой, кстати, не согласился, кроме Вельтмана, и писатель-молдаванин Александру Дониц. В 1835 году, переводя поэму «Цыганы», Дониц, прекрасно знавший молдавскую действительность, обошел и убрал в мастерском переложении слова «вольный», «свобода», «воля» и другие, которыми Пушкин так обильно насытил свое творение, но которые вовсе не подходили для цыган-рабов, для крепостных⁴².

Убедившись, что поэт блестяще произвел контаминацию, отдав дань уважения и вольности, и музыкальной одаренности цыган, пленившее его слух пение следует все же считать созданием именно молдавского народа. В этом нет, впрочем, ничего удивительного: в Испании цыгане исполняли испанскую народную му-

---

⁴¹ Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии, с. 131.

⁴² См.: Зенченко А. О переводе пушкинских «Цыган» А. Доницем. — Лимба ши Литература Молдовеняскэ, 1966, № 9, с. 26—29, где приведена и поправка, сделанная в пушкинской поэме другим знатоком быта — молдавским писателем Василе Александри.

зыку, в Венгрии — венгерскую. То же было и в других странах Европы.

Особое чутье Пушкина к «чужому» в области музыки, быта и обрядности, одобрение инациональных эстетических вкусов, творческую ассимиляцию всего этого следует сравнить с высказываниями о молдавской музыке, записанными в разное время, исходящими от авторов иной одаренности, иного опыта и иного отношения ко всему чужому.

В 1822 году, то есть во время пребывания Пушкина в Кишиневе, там находился на штатской службе князь П. И. Долгоруков, оставивший после себя подробный дневник. Князь был известным меломаном. У него часто устраивались концерты с участием недавно приехавших сюда виртуозов — Литке, эзекутора наместничьей канцелярии Архангельского, Вернера и Газе. В Кишиневе он купил фортепиано, которое затем увез с собою в Петербург (по-видимому, оно было местного производства, вернее — ясской фабрики, хозяином которой был тот же Газе).

И все же Долгоруков ни разу не отметил ни природной музыкальной одаренности молдаван, ни существования у них музыкального искусства. Более того, в начале февраля 1822 года он записал: «Какой-то проезжий по здешнему краю виртуоз давал концерт на скрипке, а жена его танцевала персидскую пляску.

В печатной афише поставлены имена Балио, Ромберга, Боальдые, но все это меня не взманило. Можно ли ожидать чего-нибудь порядочного в роде искусств среди молдаван, в Кишиневе?»⁴³

То, что автор взвалил вину на молдаван по поводу репертуара и мастерства проезжих музыкантов, — явная предвзятость. Но для нас важен другой вывод: народная молдавская музыка не интересовала Долгорукова! За весь год в его дневнике только мельком упомянуты скрипка (в еврейском ансамбле) и волынка (у тамошних болгар).

Вскоре после отъезда Пушкина из Кишинева здесь побывал русский врач, записавший в своих заметках следующее: «Дикие и унылые тоны цыган, поющих и играющих на скрипках и бандуре, погрузили меня в

---

⁴³ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 55.

приятную задумчивость: взоры блуждали по горам, усеянным виноградником и фруктовыми деревьями, в лощинах и на холмах раздавались голоса подобно нам празднующим; отдаленные звуки скрипок и песней составляли какую-то странную гармонию»⁴⁴. Примечательно, что местная музыка, предназначенная для увеселения «празднующих», показалась мемуаристу «дикой», а главное, «унылой». Такую же характеристику оставил и поэт И. Косяровский в 1832 году. Он тоже находил, что местная музыка «печальна»⁴⁵.

Владимир Даль — известный и общепризнанный фольклорист. Однако у него то же неприятие молдавской музыки: «Не доходя на несколько шагов до квартиры моей, услышал я странные звуки человеческого голоса, сопровождаемые бряцаньем струнного инструмента. Я подошел к широкому, низкому окну лавочки или шинка и увидел арнаута, сидящего по-турецки на широкой, деревянной, рогожей покрытой скамье, — он играл отрывисто, перышком, на коротенькой, пузатой бандуре и, кривляясь и качая головой в обе стороны, напевал удавкой, прищелкивая языком, народную молдавскую песню. Для нас тут нет ничего хорошего; но здесь народ восхищается сим диким, нестройным разладом, сим чуждым и непонятным образованному слуху сочетанием звуков. Подле самой двери, внутри шинка, стояла цыганка наша вместе с другой дворовой девкой и внимательно слушала. Трубадур приметно силился угождать посетительницам своим, на коих по часту бросал взоры, и пел с дикой выразительностью, кривляясь и переливаясь удавкой и коткой: лучше объяснить этого рода пенья не умею»⁴⁶.

В середине прошлого столетия сельский священник, который, казалось бы, должен был привыкнуть к увеселениям и искусству своих прихожан, также не сумел выйти за пределы собственной музыкальной практики:

---

⁴⁴ Стороженко А. Два месяца в дороге. — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. Кн. 4. М., 1871, с. 48 — 49.

⁴⁵ Косяровский И. Переметчик. Историческая повесть, относящаяся ко второй половине прошлого столетия. Одесса, 1832, с. 8.

⁴⁶ [Даль В.]. Были и небылицы казака Владимира Луганского, с. 168 — 169.

«Как страна, называемая Молдавиєю, находящаяся по обеим сторонам Днестра, не что иное была в древности, как Сибирь римская, куда ссылаемы были все преступники, то и всех родов увеселения, пляски и песни ознаменованы унылостью, наводящею тоску на слушающих...»⁴⁷ Такое высказывание было справедливо отвергнуто, однако, редакцией сборника, давшей в сноске к слову «увеселение» следующее опровержение: «Объяснение очевидно неудачное...»

Во время крымской войны писатель офицер П. Жадовский, весьма благосклонно настроенный по отношению к молдаванам, оставил такую запись: «...на балконе заиграла музыка; хор музыкантов состоял из пяти человек цыган со скрипками и с особенным инструментом вроде торбана с сопелкой. Они играли пронзительный национальный гимн или что-то вроде песни. Музыка эта дерет уши до невероятности, к ней надо привыкнуть, чтоб слушать ее хладнокровно. Наконец, заиграли французскую кадрили, и я пошел посмотреть на танцы, попросив одного господина сесть за меня доиграть пультку»⁴⁸.

Намного ниже Пушкина стоят в этом отношении не только Стороженко, Косяровский, Даль и Жадовский, но и этнограф А. Афанасьев-Чужбинский, также не сумевший преодолеть своих традиционных эстетических впечатлений: «Молдавский напев не походит ни на какие другие напевы, слышанные мной; в нем нет поражающих ухо европейца азиатских диссонансов, но не слышно и той гармонии, какая господствует во всех мелодиях славянского мира. Содержание — я говорю о песнях бессарабских над Днестром — вертится на любви молодых людей и не отличается поэтической законченностью, как, например, в песнях малорусских. <...> Относительно голосов не заметил ничего особенного и хоть не могу сказать, чтобы не приходилось слышать порядочного тенора или сопрано, однако все это были голоса, постоянно встречаемые на юге. И вообще молдаване какой-то не певучий народ: едешь ли

---

⁴⁷ Мартиновский В. Черты нравов молдаван. — Этнографический сборник, изд. Русским географическим о-вом. Вып. 5, отдел «Смесь». СПб., 1862, с. 53.

⁴⁸ Жадовский П. Молдавия и Валахия в современности, с. 52.

полем, где кипит работа, лесом, где раздаются топоры дровосеков, редко когда услышишь песни, и только разве подгулявший крестьянин мурлычет себе какую-нибудь монотонную или разудалую мелодию, смотря по расположению духа. А чтобы заставить запеть извозчика, с которым едешь на обыкновенских, то это стоило всегда порядочных усилий»⁴⁹.

В приведенных высказываниях наблюдаются следующие совпадения: молдавская народная музыка показалась дикой (Стороженко, Даль), унылой, печальной или монотонной (Стороженко, Косяровский, Мартиновский, Афанасьев-Чужбинский), воспринималась как дисгармоничная. Даль писал о ее «нестройном разладе», Жадовский утверждал, что она «дерет уши до невероятности», а Афанасьев-Чужбинский — что в ней нет гармонии.

С характеристикой Пушкина, умевшего радоваться даже бедной и нестройной музыке, не совпадает ни одна из только что приведенных оценок.

Не надо думать, что подобное восприятие инациональной музыки должно обязательно отражать общую идеологическую консервативность. Дело в том, что в этой области, как и в вопросах восприятия чужеземного языка и иностранных литератур, действуют иные законы, от которых зависит способность или неспособность воспринимать и одобрять или отрицать все инациональное. Другие представители русской культуры, остро ощущая все чужое, оставили блестящие доказательства понимания его, приобщения к нему и полного его одобрения. Среди них были и Вельтман, и позже Гаршин, Гарин-Михайловский, Крестовский, Горький, так метко охарактеризовавший молдавские народные мелодии и с такой документальной точностью описавший виденную им кобзу (лиру) в руках исполнительницы-молдаванки, а еще позднее В. Г. Короленко.

Гарин-Михайловский полагал, что чувство красоты, любви к музыке и к природе свойственно человеку от рождения. Один из героев его романа «Инженеры», услышав песню в исполнении молдаванки Елизаветы

---

⁴⁹ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, с. 278 — 279.

Андреевны, завел беседу о том, что ничего не может быть лучше музыки и природы. Это «один и тот же общий, гармоничный аккорд одного и того же оркестра, где природа, музыка, красота — под общей дирижерской палочкой»⁵⁰.

Необыкновенно ярко рисует звуковую картину народного многоголосого пения, услышанную где-то на бессарабском побережье Черного моря, М. Горький: «На берегу запели,—странно запели. Сначала раздался контральто,—он пропел две-три ноты, и раздался другой голос, начавший песню сначала, а первый все лился впереди его...—третий, четвертый, пятый вступили в песню в том же порядке. И вдруг ту же песню, опять-таки сначала, запел хор мужских голосов.

Каждый голос женщин звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из нее, заглушали ее и снова один за другим взвивались, чистые и сильные, высоко вверх.

Шума волн не слышно было за голосами...»⁵¹

Музыковед Т. Ливанова сказала, что «такое художественное раскрытие характера народной полифонии едва ли не труднейшая задача для писателя»⁵².

Как и Гарин-Михайловский, Горький считал музыку могучей силой. Даже печальная, она будто уговаривает страдающего человека, «обнимая жалобы его спокойным потоком иной печали»⁵³.

Молодой чабан прельщает фею своим пением. В его голосе «ясно звучал смех, беззаботный и вольный, как сам чабан»⁵⁴; фея слушала и думала, что, «пожалуй, никто другой не знает столько таких песен, сколько он! Какие хорошие грустные песни, и как это верно спето про звезды, которые знают все, что может

---

⁵⁰ Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. М., 1957, с. 362.

⁵¹ Горький М. Полн. собр. соч., т. 1, с. 82.

⁵² Ливанова Т. Л. Музыка в произведениях М. Горького. М., 1957, с. 9.

⁵³ Горький М. Полн. собр. соч., т. 14, с. 542.

⁵⁴ Там же, т. 1, с. 163.

быть завтра и дальше вперед! Хорошо слушать такие новые песни»⁵⁵.

Но музыка не только радует, ободряет, убеждает и пленяет, она и зовет на подвиг. Вот играет цыган Лойко Зобар: «А играет — убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл! Проведет, бывало, по струнам смычком — и вздрогнет у тебя сердце, проведет еще раз — и замрет оно, слушая, а он играет и улыбается. И плакать, и смеяться хотелось в одно время, слушая его. Вот тебе сейчас кто-то стонет горько, просит помощи и режет тебе грудь, как ножом. А вот степь говорит небу сказки, печальные сказки. Плачет девушка, провожая добра молодца! Добрый молодец кличет девицу в степь. И вдруг — гой! Громко гремит вольная живая песня, и само солнце, того и гляди, затанцует по небу под ту песню! Вот как, сокол!

Каждая жила в твоём теле понимала ту песню, и весь ты становился рабом ее. И коли бы тогда крикнул Лойко: «В ножи, товарищи!» — то и пошли бы мы все в ножи, с кем указал бы он»⁵⁶.

А вот рисунок одногласной молдавской песни. Это была, безусловно, дойна. Ее поет обиженная судьбою женщина: «Мелодия песни была неуловима, как полет ласточки; она также нервно и слепо металась в тишине, неожиданно опускаясь до тихого стопа и тотчас взлетая высоко звонким криком отчаяния, испуга или страсти. Струны, напоминая звуками своими волынку и кларнет, вторили песне внушительно и громко, точно уговаривая страдающего человека, обнимая жалобы его спокойным потоком иной печали»⁵⁷.

Автор молдавской дойны, по укоренившемуся мнению, — чабан. Но он ли один? На этот вопрос В. Г. Короленко отвечает так: «На просторе придунайских степей и на пастбищах горных Карпат он создает мелодические «дойны», на которые задрожит ответными звуками всякое человеческое сердце. В его песне веет степной ветер, и шелестит трава, и шумят верхушки деревьев, и, кроме того, плачет, и нежится, и тоскует душа человека...

---

⁵⁵ Горький М. Полн. собр. соч., т. 1, с. 164.

⁵⁶ Там же, с. 18 — 20.

⁵⁷ Там же, т. 14, с. 542.

Он ли, впрочем, создавал эту песню? Она вырастала веками в поколениях этой черноземной силы человечества, сменявших друг друга, как сменяются травы в степях. Он не знает истории этой страны, но все нашествия, напоившие землю кровью его предков, и греческое, и римское, и турецкое владычества, и притеснения своих «бояр» — все это отложилось в его душах так же тихо, незаметно и неуклонно, как откладываются соки родной земли, и родное солнце, и степной ветер в зерне травы или в цветке. Что он заимствовал из песен своих предшественников, звучавших, как стоны ветра, и что взял у степного ветра, звучавшего, как смутная песня, — он не скажет и сам. Банды (оркестры.— Г. Б.) цыган подхватят дойну и разнесут ее по свету. А степной поэт и не знает своего успеха»⁵⁸.

Все это говорили выдающиеся представители русской культуры, увлеченные задушевными песнями молдавского народа. И первым из всех ценителей молдавской народной музыки, исполняемой цыганами, был Пушкин.

Он выделил в «простонародном» пении основное, то, что несет людям радость: «песен радостные гулы». В другом же месте он определит назначение песни и иначе: она поется «в забаву света»:

Так, помню, помню — песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.

Заслуживает внимания еще одна сторона заинтересованного отношения Пушкина к молдавской музыке. Речь идет о народных музыкальных инструментах, о их названии и о смысловой нагрузке одного из них.

В те времена в Молдавии были распространены такие музыкальные инструменты, как скрипка, най (флейта Пана), народная лира, волынка, кобза (устройство которой значительно отличается от одноименного инструмента у украинцев), цимбал, барабан, бубны, тарелки. В селах были известны флуеры (дудки, свирели), дрымба (варган). Для извлечения звуков издавна употреблялись рыбы чешуйки и зеленые листья дерьев.

⁵⁸ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 4, с. 282—283.

Молдавский инструмент най Пушкин называл цевницей. Русская разновидность ная, кувиклы, состоит всего из трех тростинок (в нае их семь и более). Различаются они и по своей роли в оркестре: в то время как най ведет основную мелодию, кувиклы, или цевницы, сопровождают вокальное исполнение лишь отдельными звуками. В стихотворении «Муза», написанном в Кишиневе, прилагательное «трехствольная» к слову «цевница» было заменено Пушкиным в окончательном варианте на «семиствольная». Важно и другое: само слово цевница употреблено поэтом тринадцать раз. В десяти случаях это название конкретного инструмента. Но три раза это же слово оказалось возведенным до уровня «символа поэтического творчества». Новый смысл слово получило в период пребывания поэта в Молдавии. Одним из условий, определивших этот семантический сдвиг, была, вероятно, ведущая роль цевницы в молдавских народных оркестрах.

«Как весело и приятно отплясывать джок!»

Молдавские народные танцы исполнялись не только на открытом воздухе, но и в хатах и салонах. Авторских сведений о том, что он, Пушкин, принимал в них участие, не сохранилось. Нет у Пушкина и каких-либо характеристик этих танцев или упоминаний о них. Но достоверно известно другое: Пушкин любил народные увеселения и посещал их. Вот что записал 3 апреля 1822 года в своем дневнике П. И. Долгоруков: «...вечеру ходил прогуливаться на Булгарею. Так называют отдаленнейшее предместье Кишинева, населенное большею частию болгарскими выходцами. Тут поставлены в двух местах качели, а у Бендерского выезда происходила борьба. Двое нагих схватываются и пробуют свою силу. Не видал я кулачных боев, но уверен, что эта забава должна быть предпочтительнее нашей российской потехи. Там подбивают глаза, сворачивают скулы, потрясают внутренние суставы, здесь, напротив, одна ловкость, гибкость и проворство дают победу. Борцы употребляют особенную хитрость одолеть друг друга: то стараются опрокинуть посредством потеряния перевеса, то лягут один против другого и ищут

решить превосходство сил руками и грудью. Победенный валется в пыли, победителя поднимают сверху. Народ приветствует его криком, господа кидают ему деньги. (Во время борьбы двое играют на волынке.— *Прим. П. И. Долгорукова.*) Не заметил я ни во время борьбы, ни по окончании оной какого-нибудь ожесточения или драки. Правда, что у одного пошла кровь носом, но не от удара, а от чрезвычайного напряжения сил. Он отдохнул несколько минут и потом опять вступил в бой с другим болгаром. Зрителей трудно унять. Один полицейский служитель махал саблею, двое болгар беспрестанно отгоняют народ прутиками, стараясь расширить круг, который, однако ж, все становится теснее по мере умножения любопытства. Пушкин был также в числе зрителей. Ему драка очень понравилась, и он сказал мне, что намерен учиться этому искусству»⁵⁹.

От другого современника, В. П. Горчакова, известно, что в Кишиневе Пушкина «занимали» и молдавские песни, и народные музыкальные инструменты, и танцы. В Кишиневе славились и приглашались на все вечера домашние музыканты боярина Варфоломея, из цыган. «В промежутках между танцами они пели, аккомпанируя себе на скрипках, кобзах и тростянках, которые Пушкин по справедливости называл цевницами. И действительно, устройство этих тростянок походило на цевницы, какие мы привыкли встречать в живописи и ваянии, переносящих нас ко временам древности. В этот вечер Пушкина занимала известная молдавская песня «Тю юбески питимасура», и еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне—«Ардема́-фриде-ма́», с которою, уже в то время, он породнил нас своим дивным подражанием, составив из нее известную песню в поэме «Цыганы», именно: «Жги меня, режь меня...» и проч. Его заняла и Мититика (Мититика — молдавский танец, сопровождаемый большею частью пением.— *Прим. В. П. Горчакова.*) Но в особенности он обратил внимание на танец, так называемый *Сербешти* (этот, собственно, сербский танец употребляется и у молдаван.— *Прим. В. П. Горчакова*)»⁶⁰.

⁵⁹ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 62 — 63.

⁶⁰ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине, с. 265 — 266.

Сделаем небольшую поправку к транскрипциям Горчакова. По-молдавски названия песен звучат так: «Те юбек песте мэсурэ» («Люблю тебя чрезмерно»), «Арде-мэ, фридже-мэ» («Жги меня, изжарь меня»). Молдавское слово «мититика» означает «малютка», «крошка».

Учитывая оба эти свидетельства знакомых Пушкина по Кишиневу, высказанные в разное время, можно поверить и третьему, более позднему, утверждавшему, что поэту нравились и молдавские народные танцы. В статье «А. С. Пушкин в Кишиневе» неизвестный автор писал: «Разгуливая по городу в праздничные дни, он натыкался на молдавские хороводы и без всякой церемонии присоединялся к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина». По окончании плясок, он из общества молдаван сразу переходил в общество «смотревших» его лиц из образованного класса, которым и принимался с восторгом рассказывать, как весело и приятно отплясывать джок под звуки молдавской кобзы»⁶¹. Немногом раньше, в 1883 году, В. Е. Белюгова, жена бывшего учителя местной семинарии, сообщила собирателю сведения о Пушкине: «Раз, помню, на Болгарии, так называлась местность, где теперь Вознесенская церковь <...>, были на пасху игры. Танцевали под волынку местный танец джок. Приезжали смотреть на народ в каретах. Приехал и Пушкин, помню, в феске, обритый. Начал смотреть, и я слышала, как говорили: «Вот как Пушкин ломается»⁶².

Но молдавские танцы привлекали далеко не всех. Вот, например, что писал о них француз в XVIII веке, имея в виду, правда, их исполнение в боярском доме. Текст французского автора дается по старому русскому переводу, оставшемуся в рукописи: «Особенно же их танцы очень смешны, делают круг, мужчины и женщины, рука за руку, ноги внутрь, красные длинные шаровары у мужчин висят по пятам, как у мохнатых голубей. Дамы одеты с плеч до пояса в шубы, мехом

⁶¹ А. С. Пушкин в Кишиневе. — Русский архив, 1899, № 6, с. 344 — 345.

⁶² Мацеевич Л. С. Кишиневские предания о Пушкине. — В кн.: Отзвывы о Пушкине с Юга России. Собр. В. А. Яковлев. Одесса, 1887, с. 79.

наружу. Выпуча чрезмерно брюхо и поджавши зад, в таком виде выдергивают руки, подобно на проволоке, и в то же время ногами своими перетоптываются с места на место, то вперед, то назад, вытянувшись прямошек вверх, глаза с иступлением, танцую в каданс справа налево и слева направо и передвигаясь так глупо и неловко, как утомленный лошак, который озирается, влача свою ношу. Признательно сказать, до тех пор как увидел я сей новый вид пляски, я всегда оставался в недоумении об одном деле, то есть, что молдаване ли выучили медведей, или медведи обучали молдаван»⁶³.

Насколько разное отношение людей к инациональному искусству, доказывает и следующий текст, принадлежащий не случайному наблюдателю, а украинскому этнографу, посетившему Молдавию в середине прошлого века. В отличие от француза, считавшего молдавские танцы смешными, этот автор назвал их «скучными и однообразными». Правда, данная характеристика отражает внутреннюю борьбу между истинным восприятием данного искусства и долгом беспристрастного исследователя. Предоставим ему слово: «...я не знаю ничего скучнее и однообразнее молдавских танцев. У всех прочих племен танец представляет более или менее оживления, между тем как у молдаван это какие-то размеренные шаги из одной стороны в другую, с соблюдением известного притопывания в такт,— разве уже какой-нибудь лихач выкинет мудреное па, которое, однако же, как-то некстати в серьезном и чинном круге танцующих. Но вкусы бывают разные, и если люди находят удовольствие топтаться и кружиться на одном месте, то, значит, никто не имеет права осуждать молдавские танцы, которым молодежь предается несколько часов сряду»⁶⁴.

В другом месте очерков Афанасьев-Чужбинский, при всем своем несогласии с характером танца, вновь засвидетельствовал любовь населения к этому искусству и одновременно незаурядное мастерство одного из

---

⁶³ ЛОИИ АН СССР, ф. 226, № 155. Дело под названием: Dissertation sur l'état de la Moldavie et de la Valachie (исследование о нынешнем состоянии Молдавии и Валахии).

⁶⁴ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, с. 315 — 316.

танцующих, общую охоту учиться новым видам танцев и другие бытовые сцены: «Обыкновенно в праздник часа в три, в четыре возле корчмы собирается все население деревни, где бродячие музыканты давно уже ожидают случая пустить в ход свои скрипки и цимбалы. Молодежь танцует, а пожилые группируются вокруг и распивают водку и виноградное вино, преданные своим интересам или воспоминаниям. Молдавский танец не отличается отменной живостью и ограничивается большим кругом, в котором все берутся за руки и притопывают ногами в такт при поступательном движении. Ни ловкости, ни удали здесь выказать нельзя, и парни и девушки берут только природной грацией или богатством костюма, который тоже довольно несложен. Мужчины носят кафтаны и полукафтаны, женщины преимущественно ситцевые платья и походят на наших горожанок. В некоторых местах я с удивлением видел уже не народный молдавский танец, а пародию вальса и польки, которые неизвестно как могли забраться в среду деревенского простого люда. Один только раз в селении Олонешты мне удалось видеть местного танцора, замечательного по стройности сложения и по вариациям самых замысловатых па; но, как впоследствии оказалось, танцор этот, ходивший по портам Черного и Азовского морей, выучился козачка и удивлял почтеннейшую публику. Он, впрочем, не мог найти себе пары и носился один, выделявая такие мудреные па, перед которыми задумался бы и любой лезгин, отлично выплясывающий лезгинку. Помню, как, подсев к старику, я начал хвалить ловкого танцора.

— Э,— сказал он,— ломается, и больше ничего. Разве так танцуют! Посмотрели бы вы, когда мы были парнями.

— Да ведь я видел молдавские танцы от Могилева до Олонешты.

— И что ж?

— Все топчутся на одном месте и топают ногами.

— В том и штука, чтоб топать да не сбиться, какою когда ступить ногой. А то что же толку выбрасывать на воздух подошвы и носиться как угорелому.

— А погляди, как смотрят женщины: они, знать, довольны.

— Известно, довольны, потому что дуры.

Молодежь, впрочем, была другого мнения, побила танцора водкой, и под конец нашлись ему уже подражатели, которые довольно недурно отплясывали вприсядку.

Обыкновенно парни и девушки танцуют до изнеможения, так что иные пары, после получасовой пляски, решительно не в состоянии вздохнуть и лежат где-нибудь под плетнем, собираясь с силами на новые подвиги. Мне казалось непонятым, отчего тихий, монотонный танец может подобным образом действовать на молодой здоровый организм; но вопрос разрешился весьма естественным образом — подобное утомление происходит с теми, которые танцуют несколько танцев сряду, не отдыхая»⁶⁵.

По всей вероятности, в своих зарисовках и оценках Афанасьев-Чужбинский имел в виду лишь определенный молдавский народный танец — хору. Хора исполняется, действительно, в весьма умеренном темпе, в кружок, с легким притопом, незатейливым выносом ноги и подскоком и с временным образованием пар⁶⁶. Вот как ее понял другой наблюдатель и тоже в середине прошлого века, к сожалению не оставивший данных о себе — ни имени, ни фамилии: «Вся прелесть этого танца заключается в пантомиме и в движениях, которыми южная кровь старается выразить как можно сильнее свои ощущения, и множество разнообразных оттенков почтения, нежности, братства или ненависти и презрения отражаются в каждом жесте, в каждой черте лица всякого танцующего. В многолюдном кругу хоры принимают участие все возрасты от малого до великого, без всякого порядка, и очень часто мужчины не разделяются женщинами. Лучшими танцорами в хоре почитаются те, кто игрою своей физиономии и телодвижениями сильнее сумеет выразить преобладающее им внутреннее чувство»⁶⁷. Очень важно и еще одно свидетельство, оставленное этим добродушным и внимательным наблюдателем, — устное исполнение в

---

⁶⁵ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, с. 269 — 270.

⁶⁶ Ошурко Л. Народные танцы Молдавии. Кишинев, 1957, с. 115 — 148.

⁶⁷ Исторический очерк Молдавии и Валахии. — Пантеон, 1854, т. 16, кн. 7, отд. 2, с. 37 — 38.

промежутках между танцами преданий, баллад и стихотворений: «Нескончаемый танец этот иногда прерывался для слушания, все же, впрочем, при продолжающемся такте хоры, какого-нибудь народного предания, какой-нибудь баллады, повествующей о воинственных подвигах, или какого-нибудь поэтического произведения, сложенного и поющего в чью-нибудь честь»⁶⁸.

Так же, как и хора, в кружок и в медленном темпе «со спокойно-веселым видом»⁶⁹ исполнялся в прошлом и другой танец, мититика, о котором писали Ф. Ф. Вигель и А. Ф. Вельтман. Другие три танца и среди них тот, который привлек внимание Пушкина,— булгэряска, чобэняска и сырба — гораздо «веселее»⁷⁰.

Вот какой увидел булгэряску один из русских путешественников в конце прошлого века, назвавший и фамилию одного из танцующих: «И, в один миг, как по мановению волшебного жезла, разом ударили сильные руки музыкантов. Зарокотали, зазвенели струны. Ближе пригнулись к кобзам удалые кобзари, быстрее забегали их проворные пальцы. Начался круговой танец булгэряска. <...> Сплелись крепко-крепко руками, и весь огромный круг неся, как один человек, выбивая такт сотнями утиншей (лаптей. — Г. Б.). <...> Где там усталость!.. Старики повставали с мест, понеслись за молодыми! Уж, кажется, вот-вот слабеет хоровод, да нет же!.. Ногой топнет, соловьем-разбойником рассыпется Бокацыка, и откуда только свежесть взялась, разом завертелись все сильнее прежнего, под ногами земли не чувствуют, и пошли, пошли! У девушек кровь вот так и бьет ключом, переливается во всех жилочках, огонь так и пышет с лица»⁷¹.

Танец сырба, полюбившийся, по свидетельству В. П. Горчакова, Пушкину, характерен острыми движениями, стремительностью и задорностью. Сырбу называют «огненной» или «вихревой». Это такой же групповой танец, во время исполнения которого при-

⁶⁸ Исторический очерк Молдавии и Валахии, с. 38.

⁶⁹ Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 6, с. 96.

⁷⁰ Вельтман А. Ф. Странник, с. 40.

⁷¹ Бакалейник П. Воспоминание о Бессарабии. Тифлис, 1899, с. 7 — 8.

нято произносить в такт музыке рифмованные строки (две или четыре) распорядительного или эпиграмматического характера.

Для курьеза приведем и свидетельство о старинном молдавском танце в одном из молдавских сел Подольской губернии. Даных о том, что этот танец, известный ныне под названием калушары, сохранялся в XIX веке где-либо в Бессарабии, нет. Но в середине века он еще бытовал на периферии. И это понятно: отдаленные арии являются более консервативными. «Есть еще другой род пляски под названием арнауцешти, которую танцуют одни только холостые мужчины. Эта пляска имеет в себе весьма любопытные, приятные и замысловатые фигуры; и как есть веселого рода, то и танцуют ее поскорее, с различными расстановками. Управляющий сею пляскою ведет впереди всех танцующих с палкою в правой руке, а на палке платок, и командует всеми танцующими по правилам, ему очень известным; то ведет их всех за собою шибко, составляя правильный круг, то выправляет их в прямую линию. Музыку составляют одни скрипки, три или четыре, на которых играют весьма искусно и с большою ловкостью цыгане»⁷².

Из мемуарной литературы известно, что Пушкин весьма любил и салонные европейские танцы, репертуар которых известен (русская кадриль, мазурка, полька, экосез, контрданс, или «французская кадриль», вальс и другие). Но, может быть, когда И. П. Липранди писал о Пушкине, что с его «пылкостью» там, «где танцевали, он от всей души предавался пляске»⁷³, мемуарист имел в виду не только танцы европейские, но и местные, народные. В любом случае, однако, при наличии достоверных свидетельств о том, что поэту полюбился и молдавский танец сырба, что он, увлекшись, захотел вдруг учиться другому «искусству», называя так атлетические состязания между мужчинами, мы можем поверить и тому, что он не только наблюдал, но и сам принимал участие в народных гуляниях и танцевал. Слова неизвестного автора, вынесенные здесь в подзаголовок, — «Как весело

---

⁷² Мартиновский В. Черты нравов молдаван, с. 52.

⁷³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1412.

и приятно отплясывать джок!»— могут, действительно, принадлежать ему.

«Отрада осени золотой...»

В начале ноября 1824 года Пушкин набросал черновик стихотворения «Виноград». В печати оно появилось позже и с пометой: 1820. Это дало повод считать, что стихотворение написано на «крымскую тему»⁷⁴. Вот оно, «неповторимое по своей краткости, выразительности и красоте»⁷⁵:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени золотой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Исследователь, изучивший черновики стихотворения, пришел к выводу, что «самые ранние наброски показывают, что мысль Пушкина вначале отталкивалась от сходства продолговатых виноградин с девичьими пальцами». Сравнение это тот же пушкинист считал находкой: «Удовлетворившись найденным сравнением, Пушкин продолжает разворачивать самый образ винограда»⁷⁶.

Написанное в очень тяжелую для поэта осень в Михайловском, стихотворение могло отражать впечатления не только крымские, но и одесские, и бессарабские. Сорт винограда с продолговатыми и прозрачными ягодами выращивали и здесь. Больше того, само его местное название, переведенное на русский язык, как раз и означает «пальцы девушки».

В 1862 году в монографии о Бессарабии А. Зацук среди культивировавшихся здесь сортов отметил «дамские пальчики». А другой автор, скрывшийся за инициалами «А. П. К.», в одной из сносок к своей

⁷⁴ Томашевский Б. В. Пушкин. Книга первая. М.—Л., 1956, с. 498.

⁷⁵ Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, с. 284.

⁷⁶ Там же, с. 283.

статье «Бессарабия в произведениях Пушкина» писал: «В стихотворении «Виноград» (1820 г.) выражение — «продолговатый и прозрачный, как персты девы молодой» — представляет как бы буквальный перевод местного названия известного сорта винограда: тур кадын-пармак, то есть «пальцы девушки»⁷⁷.

То, что русскому исследователю, незнакомому с соответствующей терминологией, показалось находкой, является на самом деле буквальным переводом народного термина. Но этот буквальный перевод, составляющий второй член поэтической фигуры, действительно и краток, и выразителен, и прекрасен.

---

⁷⁷ А. П. К. Бессарабия в произведениях Пушкина. — Новороссийский телеграф, 1899, № 7824. Перепечатано в «Русском архиве», 1901, т. 2, с. 131.

К ИСТОЛКОВАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЯ
«МОЙ ДРУГ, УЖЕ ТРИ ДНЯ...»

Находясь под домашним арестом, Пушкин в начале марта 1822 года написал набросок стихотворения «Мой друг, уже три дня...», обращенного к Н. С. Алексееву (Оресту), которое называют по первой его строке:

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиранный Иоанн,
За то, что ясской пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиан —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул

Я̇ новою тревогой, —
<К моей канурке строгой>
Приставил караул.

Невинной суеты <?>,
А именно — мараю
Небрежные черты,
Пищу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —
Восточные фигуры
<...> кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

Поэт указывает на две причины ареста: первая — что он побил «яского пана», вторая — что «пугнул» бояр какую-то «новою тревогой». В первоначальных вариантах, затем отвергнутых, перечеркнутых, поэт отметил еще и то, что Инзов убежден, что поэт — Вольтера «крестник», следовательно, вольнодумец, зараженный «либеральною чумою», а также не признает поэтической одаренности наказуемого:

Смиренный Иоанн
Поставя ни во что
Что я Вольтера крестник

Смиренный Иоанн
Забыв мой светлый сан
(Я муз и Феба крестник)
За то, что яской пан...

А вместо стихов 15—16 были написаны, а затем зачеркнуты слова:

За то, что я пугнул
Бояр орду...

Это стихотворение, сохранившееся в черновом автографе, опубликованное впервые в 1884 году, а с вариантами лишь в 1912 году, следует считать и по сей день мало изученным. Ниже будет предложена попытка выяснить обстоятельства, породившие его, другими словами, попытка объяснить его генезис.

Предварим наше изложение документальными дан-

---

¹ Здесь не хватает четырех-пяти стихов (прим. сост. Большого академического изд. полн. собр. соч. Пушкина).

ными об упоминаемых в стихотворении лицах, близко следуя тексту словаря Л. А. Черейского².

Орест—Алексеев Николай Степанович (1788—1854), чиновник особых поручений при генерале И. Н. Инзове, участник Отечественной войны, отставной майор, член масонской ложи «Овидий», большой друг Пушкина.

Смиренный Иоанн—Инзов Иван Никитич (1768—1845), генерал-лейтенант, масон, главный попечитель и председатель комитета об иностранных поселенцах южного края России. Он был в высшей степени благосклонен к Пушкину, называвшему его «добрым и почтенным стариком». И позже о Инзове поэт отзывался с чувством нежного участия.

Бахметьев Алексей Николаевич—генерал, первый бессарабский полномочный наместник (1816—1820), сменивший гражданского губернатора Гартинга, сторонника общерусской системы управления. Бахметьев известен своими уступками молдавскому боярству, увеличивавшими их права и привилегии³.

Что знали современники?

Об аресте поэта на основании ходивших слухов сразу же, 8 марта, написал в своем дневнике князь П. И. Долгоруков: «Пушкину объявлен домовый арест за то, что прибил одного знатного молдавана, не хотевшего с ним выйти на поединок. Сцена, как рассказывают, происходила в доме вице-губернатора (М. Е. Крупенского.—Г. Б.), который вместе с бригадным командиром Пуцциным приглашены были к наместнику для объяснения по сему предмету». На второй день, 9 марта, в сопровождении двух знакомых Долгоруков навестил Пушкина, который «скорыми шагами размеривал свою комнатку» и, обрадовавшись посетителям, «смеялся беспрестанно и спрашивал, надолго ли его засадили. У дверей поставлен часовой. Его, однако ж, пускают в сад и на двор, и, исключая молдаван, всякий может с ним видаться».

---

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

³ История Молдавии. Т. 1. Кишинев, 1965, с. 384—385.

Далее Долгоруков так изложил «зверский» поступок Пушкина: «Историю нашего молодого поэта рассказывают следующим образом. За несколько времени перед сим имел он поединок с шефом 31-го Егерского полка Старовым. Поссорились они за дрянь и оба выстрелили на воздух. Происшествие тогда же разнеслось по городу, и скоро об нем забыли, исключая двух или трех молдаван, у которых оно осталось в памяти. В прошедшее воскресенье на маленькой вечеринке у молдаванки Богдан дочь ее г-жа Балш, вмешавшись в разговоры и суждения насчет удовлетворения, каковое требовать должен брат ее мужа Янко Балш (двоюродный брат Тодора Балша.— Г. Б.) за причиненные ему побои, сказала Пушкину, вызвавшемуся отместить честь обиженного: «Vous vous défendez assez mal vous même» (Вы и себя-то плохо защищаете.— Франц.) и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту все, бросился к мужу ее Теодарашке Балш, который играл в карты, и объявил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал, на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в свою очередь. Полетели ругательства, молдаван рассвирепел, называл Пушкина Jean f... (трусом.— Франц.), ссылочным и пр. Сцена, как рассказывали мне очевидцы, была ужаснейшая. Балш кричал, содомил, старуха Богдан упала в обморок, с беременной вице-губернаторше приключилась истерика, гости разбрелись по углам, люди кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртом и каплями, — оставалось ждать еще ужаснейшей развязки, но генерал Пуцин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою. Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вчера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балцу: «Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место». При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас розняли, и Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете

и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок, многие винят Балша. По общему признанию, в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства»⁴.

Долгорукову было также известно, что Балш жаловался Инзову и в письменной форме. Черновик его жалобы найден: называя выходку Пушкина преднамеренным покушением на свою жизнь и требуя гарантии своей неприкосновенности, как подданного Молдавского княжества, то есть как иностранца, состоящего под покровительством царя, а также настаивая на применении всей строгости законов против убийцы (assassin!), Балш указал в качестве причины инцидента то же инициальное недоразумение между Пушкиным и своей женой Марией Балш⁵.

Все остальные мемуаристы, как и Долгоруков, описали инцидент тоже только со слов свидетелей происшествия: П. Бартенев — со слов В. П. Горчакова⁶, И. П. Липранди «получил о том в Херсоне известие, а по возвращении узнал и все подробности от обеих сторон»⁷, К. П. Зеленецкий — со слов П. С. Пушчина⁸.

Несмотря на это, все сведения мемуаристов в основном совпадают: в салоне Крупенского, обиженный какой-то репликой Марии Балш, Пушкин потребовал удовлетворения от ее мужа и после его отказа отвечать за поступки жены дал ему пощечину; на второй день вместо примирения Пушкин погрозил Балшу заряженным пистолетом. В тот же день Инзов посадил Пушкина под арест на две недели.

Все мемуаристы отметили, однако, только одну причину ареста — инцидент во время бала. Ни один из них не упомянул того, что удостоверил сам Пушкин: мнение о нем Инзова как о вольнодумце и какую-то новую

⁴ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 51, 52.

⁵ Dvoicenco Euphrosine. Puskin et les Balsch à Kichinev.—Revue des études slaves, 1938, t. XVIII, f. 1—2, p. 74—75.

⁶ См.: Бартенев П. Пушкин в Южной России. Материалы для его биографии.—Русский архив, 1866, № 8—9.

⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний.—Русский архив, 1866, № 8—9, стб. 1421—1423.

⁸ Зеленецкий К. П. Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе.—В кн.: Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 240.

панику («тревогу»), которую накануне «истории» и уже не в первый раз он распространял среди бояр. Только на инциденте в салоне остановился в своей жалобе и сам Тодор Балш.

Упоминание поэта еще о двух причинах ареста обязывает, во-первых, проследить политическую активность Пушкина накануне инцидента и, во-вторых, выяснить вопрос, не связаны ли между собой причины ареста и не скрывается ли за историей с молдавским вельможей нечто гораздо более серьезное, чем обыденный скандал. Все эти «ревности» Марии Балш к Альтбрехтше, «оскорбленное самолюбие матери», «высокомерие» Балша и т. д. в контексте с вольнодумством поэта и его насмешками над боярами должны быть оценены, считаем мы, лишь как повод для расправы над ненавистным бояром. В основе же конфликта, по-видимому, лежат расхождения в мнениях совсем другого характера, которые назвал сам поэт в стихотворении, перечисляя причины своего ареста.

На вопросе о политической активности Пушкина до его расправы с Балшем останавливаться не следует, так как радикализм его взглядов в этот период хорошо известен. Напомним хотя бы то, что в течение всего 1821 года поэт живо следил за действиями гетеристов, желая им удачи в борьбе за освобождение из-под турецкого ига. «Между пятью греками я один говорил как грек», — записал он 2 апреля 1821 года в дневнике, когда неспособность руководителей, классовые интересы участников и вмешательство молдавского боярства стали вносить раскол в движение греков. Пушкину, жившему в доме Инзова, были хорошо известны предательские действия молдавского боярства, имевшие целью срыв движения. Об этом же писал и известный историк гетерии, близкий знакомый поэта по Кишиневу Яковаки Ризо в труде об отношении молдавского и валашского боярства к национально-освободительному движению греков: «Один миллион валахов и молдаван смотрели тогда на греков как на государственных преступников, осужденных православными державами, преследуемых султаном, преданных анафеме патриархом. Мы боялись тогда общего восстания против господаря; мы находились в риске быть

Яковаки Ризо Нерулос, знакомый А. С. Пушкина по Кишиневу арестованными молдаванами и брошенными в тюрьму на жестокую расправу магометанцев»⁹.

О притеснениях, которые чинили молдавские бояре грекам, был хорошо осведомлен и Пушкин. В «Заметке о Пенда-Деке», не без удовлетворения по поводу расправы последнего над яскими боярами, он писал:

---

⁹ Rizo Nèroulos Jakovaky. Histoire moderne de la Grèce depuis la chute de l'empire d'Orient. Genève, 1828, p. 294.

(Ипсиланти) «послал его успокоить волнения в Яссах — там он застал греков, притесняемых боярами; его присутствие духа и твердость спасли их. Он взял вооружения на 1500 человек, в то время как у него было только 1300. В течение двух месяцев он был князем в Молдавии».

Показания современников, следовательно, не совпадают с тем, что удостоверил в своем стихотворении автор, превосходно осведомленный о молдо-греческом антагонизме¹⁰.

Кто такой Тодор Балш?

О Тодоре Балше, которого побил Пушкин, о его политическом образе мыслей до приезда в Бессарабию до сих пор по-настоящему ничего не известно.

В 1866 году в подстрочных примечаниях в рукописи воспоминаний И. П. Липранди В. П. Горчаков «заметил мимоходом»: «...этот Балш не был «помещиком, кишиневским молдаваном». Он был из княжества...»¹¹ В 1938 году Ефросиния Двойченко на основании рукописных материалов, хранящихся в библиотеке Румынской Академии наук, нашла возможным отметить, что этот Тодор Балш не имел в то время чина ворника, который его наградил Липранди. Ворником он стал позднее. Ворник Тодор Балш — это другое лицо. Он участвовал в политической жизни, представляя крупное молдавское боярство, выступавшее против гетеристов, а затем и против грека Вогориди, которому турки поручили наведение порядка в княжестве. Уже тогда он был пожилым человеком, а поэтому не прав И. Халипша, утверждавший, что лицом, имевшим конфликт с Пушкиным, был именно этот молдавский магнат. Впрочем, приведем полностью мнение данного исследователя. Оно говорит о силе негодования, которое вызвала расправа Пушкина над молдавским бояром, негодования, не стихшего и семьдесят пять лет

---

¹⁰ Более подробно об этом см. в кн.: Богач Г. Пушкин и молдавский фольклор. Изд. 2-е, доп. Кишинев, 1967, с. 163—169.

¹¹ [Горчаков В. П.]. Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 323.

спустя: «Бартенев называет историю Пушкина с Балшем «возмутительной»; но он назвал бы ее и худшим эпитетом, если бы знал, что Балш был не «некто» и не «кишиневский помещик-молдаванин, тяжелый, в длинных одеждах», а передовой человек своего времени в княжествах; не потому, что он был великим ворником Молдавии, а потому, что по прошествии смут гетерии ему принадлежала инициатива и руководящая роль в деле возбуждения перед Портой ходатайства о назначении в Молдавию князя из коренных бояр (как было 150 лет перед тем), а не из фанариотов. <...> Ввиду этого приходится заключить, что Инзов вполне прав был, посадив поэта за его юродство под арест на две недели»¹². Негодует этот же автор и против А. Ф. Вельтмана, писавшего об эпизоде, «словную школьную эскерцицию в гладком изложении мыслей», и закончившего свое изложение словами: «...но время скоро излечило рожу на лице Тодора Балша, и он теперь заседает в диване князя Молдавии»¹³.

О деятельности Тодора Балша, с которым у Пушкина произошла ссора, до его приезда в Бессарабию и раньше, как и во время гетерии, известно очень мало. В период пребывания его в Кишиневе, согласно сведениям одного современника, он относился очень враждебно к молодым либерально настроенным молдавским боярам, которых их политические враги, крупные бояре, называли «карбонариями». В письме одного из таких бояр, Нежеля, к митрополиту Вениамину, сбежавшему из Ясс в Бессарабию в 1822 году, дан список «карбонариев» Молдавского княжества, в котором фигурирует имя брата Тодора Балша Иордакия (от его сына, Алеко Балша, сохранилось письмо к Пушкину); о Тодоре Балше в этом письме сказано, что

---

¹² Халиппа И. Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина. — Труды Бессарабской губернской учен. арх. комис. Т. 1. Кишинев, 1900, с. 139, 140. Мнение этого автора о том, что лицом, имевшим конфликт с Пушкиным, был ворник Тодор Балш, оказалось заимствованным и другими пушкинистами. См. в кн.: Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 1. М., 1937, с. 287—288.

¹³ Там же, с. 140.

он в списке «возмутителей» не состоит и даже является их противником»¹⁴.

Оставляя пока вопрос об определении политического лица Тодора Балша, приведем некоторые сведения об этой личности уже после его встречи с Пушкиным.

Липранди, как и Вельтману, было известно, что в дальнейшем Балш стал гетманом (главнокомандующим) молдавских войск. В 1832 году чиновник специальных поручений Ангел Валли составил уже на логофета Тодора Балша следующую характеристику: «Гетман, начальник милиции, логофет Тодор Балш — ничтожный человек, легкомысленный, лишенный какого-либо достоинства, не умеющий ни писать, ни разговаривать на каком бы то ни было языке, без личного мнения, но упорствующий в тех мнениях, которые случай помог ему воспринять; властолюбивый, он пользовался своей должностью для того, чтоб выпячивать эполеты и позванивать шпорами»¹⁵.

О деятельности Тодора Балша в должности гетмана молдавских войск (милиции) известен и следующий полуанекдотического характера эпизод, подтверждающий его ограниченность и архиреакционность.

Мелкий боярин Иоан Гергел, депутат общего собрания княжеств, вздумал в 1834 году от имени жителей всего Ботошанского цынута (уезда) приветствовать нового молдавского господаря Михаила Стурдзу и заверить его в верноподданности. С этой целью он предложил священникам и смотрителям подписать от имени всех жителей местности текст его приветственного письма. Ворник (префект) цынута, «боясь ошибиться», так как письмо распространялось без его ведома, донес об этом начальнику милиции.

Событие не на шутку перепугало гетмана Тодора Балша, и он в письменном докладе Государственному административному совету (правительству) выразил опасение, что инициатива такого рода сможет «приноровить народ и на будущее и склонить его к мероприятиям и нахальным актам смелости в любое вре-

---

¹⁴ Erbiceanu V. Istoria Mitropoliei Moldaviei, Sucevei si a catedralei metropolitane din Jasi. Bucuresti, 1888, p. 224.

¹⁵ Memoires du prince Nicolas Soutzo, grand logothete de Moldavie (1798—1871), publiés par Panaïoti Rizos. Vienne, 1899, p. 100.

Господарь Михаил Стурдза, знакомый А. С. Пушкина по Кишиневу

мя и при любых обстоятельствах». Свою тревогу Балш обосновал следующими соображениями: «Не является ли все это подготовкой к приучению этого народа к правам, ему неизвестным, к подстрекательствам и другим действиям, которыми беспрепятственно смогут в будущем заражаться уезд от уезда? И разве поступок комиса (низший боярский чин.— Г. Б.) Гергела не может расцениваться как преднамеренное действие по завоеванию доверия народа и для других случаев, для достижения других возможных целей с тем, чтобы по уже имевшемуся примеру легче возбудить народ? И если народ окажется уже приобщенным к подоб-

ным действиям, то как сможет правительство пресечь их?»

На внеочередном заседании Административный совет по докладу Балша оценил инициативу Гергела как действие, направленное против государственной безопасности, как подготовку к восстанию и непослушанию. Решено было Гергела подвергнуть домашнему аресту, а подписавших письмо доставить в кандалах в Яссы и учредить специальную комиссию для всестороннего расследования дела. Комиссия признала всех невиновными. Однако члены правительства на новом заседании не посчитались с заключением комиссии и постановили: лишить Гергела звания депутата, назначить новые выборы в уезде, а всех других участников «крамолы» отстранить от занимаемых должностей. Господарь Михаил Стурдза санкционировал решение членов правительства¹⁶.

Молдавский мемуарист Раду Росетти, имея в виду те же тридцатые годы, писал о Балше как о человеке приятной наружности и о ловеласе, имевшем большой успех у женщин. Он и сам якобы признавался позже в своих былых победах. В пятидесятых годах на одном из балов он сказал своей соседке, даме из «высшего» общества, что красота танцевавших перед ними молодых барышень и дам не должна ее удивлять: «Мудрое ли дело, в конце концов, ведь это я их отец!»¹⁷ Эта его реплика, но датированная началом шестидесятых годов и обращенная на этот раз к иностранцу, попала под перо и другого мемуариста¹⁸.

Командование первым молдавским войском (батальон пехоты и кавалерийский эскадрон) он, по недоразумению ставший в глазах современников «генералом» (то есть с изолированной первой частью наименования его должности — «генерал-инспектор милиции»), принял вполне серьезно: немилосердно муштровал солдат, еже-

---

¹⁶ Комментарии и отрывки из текстов по архивным документам см. в статье: Galan Mihail. Pareri oficiale din 1834 despre rolul taranului in viata politica a tarii. — Arhiva, 1935, Nr. 1 — 2, p. 22 — 28.

¹⁷ Rosetti Radu. Amintiri. Vol. 1. Ce am auzit dela altii. Jasi [6. r.], p. 226 sq.

¹⁸ Moruzi Dumitru C. Pribegi in tara rapita. Roman social basarabean. Jasi, 1912, p. 266.

годно устраивал пародию на военные маневры, заучил описания некоторых великих сражений, в тревожное время спал в полном гетманском обмундировании¹⁹. Тот же мемуарист привел и пример его бесстыдства: посетителей из числа подчиненных и протезируемых он принимал по утрам, сидя неизменно на вырезе дница своего интимного стула...²⁰

Таким был впоследствии Тодор Балша, с которым Пушкин имел, как писали современники, «зверскую» или «возмутительную» историю в Кишиневе в начале марта 1822 года.

Возможно, что неприязнь Пушкина объяснялась не только необразованностью или реакционными позициями Балша, но и ненавистью поэта ко всему семейству Балшей, сыгравшему столь предательскую роль в национально-освободительном движении гетеристов. Если даже такое предположение и необоснованно, то и в таком случае оно поможет выяснить, что же представляли собой «тревоги», которыми Пушкин пугал тогда «орду» молдавских бояр. Для этого следует обратиться к деятельности ворника Тодора Балша, тезки и однофамильца врага Пушкина, и на его примере проследить отношение крупного молдавского боярства к наиболее важному в то время событию в этих краях — к национально-освободительной борьбе балканских народов, в частности к движению гетеристов.

Более чем отрицательная роль ворника Тодора Балша, по-видимому родственника врага Пушкина, в срыве движения гетеристов, его дикий страх перед второстепенным боярством, перед «карбонариями», просочившимися в государственный аппарат Молдавского княжества, в то время как крупное боярство, сбегав из Молдавии, находилось в Австрии или России, посягавшими на монополию крупного боярства в управлении страной, и, наконец, его оплошности не могли не вызвать возмущения вольнолюбивого поэта, так живо интересовавшегося событиями в княжествах, направленными также и на некоторую демократизацию управления государством.

Инцидент в гостиной Крупенского в Кишиневе при-

---

¹⁹ Rosetti Radu. Amintiri, p. 227, 229—230.

²⁰ Там же, с. 229.

Веденные ниже материалы позволяют расценивать как расправу над политическим врагом и провокатором. Именно на такую трактовку причины инцидента наталкивает содержание автобиографического стихотворения Пушкина, в котором, как мы уже знаем, объявлены две причины ареста: столкновение с Балшем и какая-то новая «тревога», которой поэт пугал бояр.

Вторая причина ареста

В самый разгар движения гетеристов ворник Тодор Балш дважды пробирался к турецким пашам, выдавал там известные ему планы повстанцев и просил наказания последних. Подробные сведения о его деятельности изложены в стихотворной летописи молдавского писателя Александра Белдимана, детально зарегистрировавшего с реакционных позиций события гетерии в Молдавии. Балш, согласно этой летописи, всячески его восхвалявшей, выступает чуть ли не национальным героем. Не убедил бы ворник Балш турецкого пашу в непричастности молдаван к гетеристам, мстительные турки стерли бы Молдавию с лица земли — пытается заверить своих читателей Белдиман.

«Тревога», которой Пушкин мог тогда, в начале марта 1822 года, напугать молдавских вельмож, может оказаться идентичной или очень близкой к обычным в то время опасениям этих бояр. Так чего же больше всего боялись бояре, в частности крупные?

Обратимся к документам того времени.

Штефан Вогориди, временный наместник господаря в Яссах, через делегатов, в составе которых был и сам Балш и которые везли в Силистру две петиции — боярбеженцев и среднего боярства, передал паше конфиденциальное письмо очень интересного содержания. Из него известно то, чего боялось в основном бежавшее из Молдавии крупное боярство.

Вот перевод текста этого письма: «В числе крупных молдавских бояр, которые все еще пребывают в Австрии и в России и которые с тоской, вздыхая, посматривают в сторону родины, но не возвращаются, а только придумывают всевозможные мотивы, имеется один, которого зовут Тодором Балшем. Явившись в

Яссы с челобитной от имени всех к Салих-паше и ко мне с разными письмами, уполномочивающими его во всем выступать от имени всех, а его милость этот бояр, предполагая, что я чаю назначения на господарский престол, опечалился и не захотел открыть передо мною всю сущность их челобитной и причину его приезда сюда. Заметив его обиду, я подозвал его и сказал, что я не желаю ни господарства, ни наместничества и никакого другого возвышения, а что хочу только выполнить приказание султана с чистой совестью, с тем чтобы смог затем попросить у султана место на его земле, где я смог бы поселиться на покой со своей семьей! После этих моих слов, поверив им, боярин открыл мне цель своего прибытия и выдал задачу их челобитной к турецкому правительству: они испрашивают назначения одного из местных бояр на должность господаря или же учреждения хотя бы на несколько лет управления страной боярами, так как страна очень разорена и еще с прежнего времени подвергнута долгам и лишениям. И они бьют челом и испрашивают те же обычаи, которые у них были 150 лет тому назад. Вот чего они просят, не заботясь и не думая прежде всего о том, чтобы восстановить и привести в порядок спокойствие и обеспеченность их страны, чтоб она была как и прежде. Они же, поселившись частью у немцев, частью у русских, где нашли удовлетворение и сходство с их прихотями, просят оттуда и господарский престол и власть для себя, не заботясь прежде всего о восстановлении их страны и об исправлении свершенного. И эта их просьба такова, как и их величие, засевшее в их голове. Бей из Миссира (Египет. — Г. Б.) не признал своего престола, и за то, что они затаптывали хлеб и отрицали властителей, на них обрушилось божье наказание и осуществилось возмездие. Точно так же греки и великие молдавские и валашские бояре, не признающие своих властителей и безмерную милость правительства султана, которым они были недовольны, растоптали хлеб, за что над ними разразился гнев божий и проклятие султана. Тем более, если кто-либо захочет всмотреться в историю Молдавии с древних времен, обнаружит, что она была всегда более послушна и пристрастна к врагам, чем к своему хозяину. Потому-то вполне обоснованно были посланы

сюда янычары, которых сам господь бог послал .

Я ответил этому бояру, что подчиненным не положено так вести себя по отношению к империи и, прибегая к хитростям, просить помилования. Только повиновением и верностью правительству могут удостоиться они надлежащего помилования. Но он не принял во внимание мои слова и <...> считая, что он достоин обсуждать любой вопрос и управлять другими, с этим намерением припадает к ногам твоего высочества. Как соблаговолишь ты, так и поступишь»²¹.

23 февраля 1822 года Тодор Балш пишет очень встревоженное письмо из Ясс митрополиту Молдавии Вениамину, находившемуся тогда в Бессарабии. В этом письме он сообщает, что опасается покушения на свою жизнь из-за какого-то якобы перехваченного секретного письма, отосланного им прежде митрополиту, а кроме того, говорит о намерении поехать в Бессарабию²². 27 февраля 1822 года Балш шлет новое патетическое письмо боярам, в котором снова жалуется на Вогориди, якобы собирающегося отобрать имения у всех бежавших бояр, и советует тем из них, кто сбежал в Бессарабию, обратиться с челобитной к султану. Он грозит своим единомышленникам, что если они не послушаются и не обратятся к султану против Вогориди и против второстепенного боярства, уже тогда захватившего власть, то он перейдет на сторону этого второстепенного боярства!²³ В конце письма Балш заявил о том, что в самое ближайшее время он выедет из Ясс.

Боярская верхушка, перепуганная действиями второстепенного боярства и медлительностью турецкого правительства, возлагала большие надежды на русского царя в деле восстановления в княжестве ее прежних монополий.

В другом письме того же времени — письме боярина Нежеля к своему брату, митрополиту Вениамину, — сообщается о невероятной панике среди беженцев: «И если нам суждено будет навсегда покинуть несчастную

---

²¹ Kogalniceanu Michail. Cronicele Romaniei sau Letopisetetele Moldaviei si Valachiei. T. 3. Bucuresti, 1874, p. 434, 435.

²² Erbiceanu V. Istoria Mitropoliei Moldaviei, Sucevei si a catedralei metropolitane din Jasi, p. 210.

²³ Там же, с. 212.

нашу родину, куда в другое место сможем мы прибегнуть, кроме как к православному престолу? Однако после установления мира нас не станут слушать и считаться с нами как с иностранцами, осчастливленными до того монаршей милостью, а, как провинившиеся перед другим правительством и нашей родиной, мы будем приняты как политические беженцы. В лучшем случае нам будет предоставлено только убежище, если нас не вытребуют и по разным обстоятельствам не выдадут. Русский монарх и все тамошние и здешние люди нас совершенно оправданно осудят как наиболее лично заинтересованных, лишенных чувства любви к родине и своим соотечественникам за то, что мы заботимся и добиваемся только наших личных интересов, не дождавшись полного разрешения судьбы нашей родины. Ско́лько же хулы и проклятий услышим мы от наших соотечественников, великих и малых, богатых и бедных»²⁴.

Накануне своего спешного выезда из княжества, как уже было сказано, Балш из Ясс 27 февраля 1822 года написал боярам, находившимся тогда в Бессарабии, очень тревожное письмо, в котором просит (больше того — приказывает им!) незамедлительно обратиться к султану с жалобой на Вогориди, который, сообщает он возбужденно, поставил перед собою твердую цель — «уничтожение вас, бояр, находящихся за границей, и повсюду кричит, что вы предатели и что у вас отберут имения, как у предателей!» «Почему бездействуете, почему спите? Нет больше терпения, пишите правительству (турецкому.— Г. Б.) обо всем том, что делает этот каймакан (наместник.— Г. Б.) здесь, обрисуйте положение среди греков, подобное прошлогоднему». Убеждая ния в том, что не возвращаетесь на родину только из-за него и его действий, что он ограбил страну, окружил себя множеством греков и немилосердно грабит княжество. Затем и то, что он способен вызвать новое движение среди греков, подобное прошлогоднему». Убеждая бояр непременно и незамедлительно обратиться к султану, иначе бояре «пропадут», Балш продолжает: «Именные турецкие чиновники советуют мне написать вам,

---

²⁴ Erbiceanu V. Istoria Mitropoliei Moldaviei, Sucevei si a catedralei metropolitane din Jasi, p. 222.

чтобы вы поступили уверенно — истину вам говорю. Подумайте и сами — разве является ошибкой или предательством обращение с жалобой к своему господину? У вас ведь есть такая мощная защита и оправдание: ведь вы посылали великих и старых бояр с челобитной в Царьград, оправдываясь в непричастности к предприятю проклятых предателей греков и показав им то, чего натерпелись от них страна и бояре. <...> Подумайте также, что вы окажетесь весьма повинны в том, что не пишете и не ставите в известность Порту о его (Вогориди.— Г. Б.) действиях. Но я помню и со страхом божьим признаюсь в своих переживаниях у Юсуфа-паши в Силистре, будучи тогда вашим посланцем, только по обвинению в том, что мы не поставили в известность Порту или пашу о предприятиях и действиях предателя Михали. Так и теперь — вы будете еще более виновными и окончательно погибнете...»²⁵

И далее: «Учтите, что и прежде вас были патриоты, которые рисковали и жизнью и имуществом для родины (и я являюсь таким же святым, еще не попавшим в церковный тропарь). Короче говоря, предлагаю вам: либо поступайте, как я вам пишу, и направьте страшную челобитную не на турецком, а на греческом языке на наместника и пишете истину о том, что он погубил своими действиями страну, грабя ее и доведя ее до нынешнего положения, что почти все разбежались в Бессарабию и Буковину, что он собрал множество греков из-за границы, из Бессарабии, и использует их на службах и в интригах в Молдавии, рубит леса и сооружает себе дома и прочее в такое время, как настоящее. А если этого не сделаете, предупреждаю вас, что я присоединюсь к вашим преследователям... Позже бог откроет вам глаза и вы узнаете Тодора Балша, каким верным патриотом он является... Есть у меня и другие известия, обоснованные и заверенные, которые я вам изложу с полными гарантиями, когда прибуду в Герцу. Больше терпения нет, и я решил податься, в понедельник выезжаю»²⁶.

---

²⁵ Erbiceanu V. Istoria Mitropoliei Moldaviei, Sucevei și a catedralei metropolitane din Jasi, p. 211.

²⁶ Там же, с. 212.

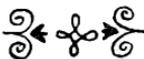
Опасения находившегося в Бессарабии крупного молдавского боярства заключались, следовательно, в следующем. После 23 февраля 1822 года было перехвачено какое-то письмо, направленное Балшем боярам. О разоблачении содержащихся в нем интриг и боялось боярство. Это и естественно, так как именно в то время ходили слухи о том, что Россия объявит войну Турции. А бояре, жившие на территории России, интригуют и пытаются установить связь с Портой — старым и ненавистным врагом русских! Вогориди, опиравшийся в управлении страной на второстепенное боярство, требовал возвращения бежавших магнатов и их участия в налаживании порядка в стране бок о бок со второстепенным боярством. Магнаты на это не соглашались, добиваясь по-прежнему исключительной монополии лишь для себя.

Вогориди обвинял магнатов в том, что, сбежав из страны и опираясь на правительства Австрии и России, вельможи все же добиваются власти и установления старых порядков, существовавших в то время, когда власть принадлежала исключительно им. Он обвинял их и в предательстве, в защите личных интересов: они не возвращаются на родину и не помогают в наведении порядка лишь потому, что власть уже поделена между представителями всего боярства. У них будут конфискованы земли и все имущество. После установления мира, все еще находясь за границей, они окажутся на положении политических эмигрантов, провинившихся перед своим правительством, и, предоставляя им только убежище, иностранные правительства всегда смогут их выдать. Крупным боярам остается одно: обратиться из Бессарабии, минуя Вогориди, к султану для своего оправдания и получения прежних привилегий в управлении страной.

Одной из этих «тревог» и мог Пушкин в течение 1821 и в начале 1822 года пугать молдавское крупное боярство, находившееся тогда в Бессарабии.

Приведенные материалы, раскрывающие политический облик Тодора Балша, с которым у Пушкина в Кишиневе произошел конфликт, и деятельность и политические интриги его тезки и однофамильца, ворника Тодора Балша, представителя крупного молдавского боярства, придают инциденту в салоне Крупенского

в Кишиневе совсем другую окраску. «Зверский» или «возмутительный» поступок поэта следует, вероятно, расценивать как сведение счетов с политическим противником, а недоразумение с женой вельможи Марией Балш — как весьма удобный повод для полной благородства расправы. К этому выводу подводит не только архиреакционная деятельность Балшей, но и свидетельство самого поэта о причинах его ареста. Вторую причину — запугивание «орды» бояр «тревогами» — можно считать теперь известной.

БЕССАРАБСКИЙ ИСТОЧНИК ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ
«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Известно признание Гоголя, что мысль написать о похождениях скупщика «мертвых душ» была внушена ему Пушкиным: (Пушкин) «отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мервых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему). <...> Пушкин находил, что сюжет «Мертвых душ» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров»¹. Авторское свидетельство Гоголя подтверждается и сведениями современников. Укажем на сообщение человека, знавшего и

¹ Здесь и далее тексты произведений Н. В. Гоголя даются по кн.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14-ти т. М., 1937 — 1952.

Гоголя и Пушкина,— В. А. Соллогуба: «Сюжет «Мертвых душ» тоже сообщен Гоголю Пушкиным»². Об этом же говорят С. Т. Аксаков³, В. И. Любич-Романович⁴, Г. П. Данилевский⁵. Другие возможные, но более отдаленные источники поэмы, например те, которые назвал М. Горький, — «Сентиментальное путешествие» Стерна (формальная, внешняя связь) и «Записки Пиквикского клуба» Диккенса (тематическое единство)⁶, — нас в данном случае не интересуют.

Однако уже давно находились лица, которые, защищая оригинальность и степень самобытности поэмы, преуменьшали значение пушкинского совета и исключительное своеобразие «собственного сюжета», уступленного великим писателем младшему собрату. Такие исследователи считали, что Гоголь сам знал о проделках некоего скупщика «мервых душ» и сам первый рассказал о нем Пушкину. В 1902 году В. А. Гиляровский закончил свои записки о Гоголе со слов его далекого родственника следующими словами: «Биографы доказывают, что Пушкин дал ему тему для «Мертвых душ». Нисколько не отрицая этой версии, я смею полагать, что, может быть, Гоголь в беседе с Пушкиным рассказал ему, пол свежим впечатлением, происшествие с Пивинским, и Пушкин ему посоветовал воспользоваться этим материалом»⁷. А «происшествие» состояло в следующем: мелкопоместный дворянин Пивинский, чтобы иметь право курить вино, скупил мертвые души у соседей за горилку! Опираясь на тот же рассказ о Пивинском и на тот же вывод, другой исследователь, повторяя то же предположение, писал: (Пушкин) «посоветовал ему (Гоголю.— Г. Б.)

---

² Соллогуб В. А. <Первая встреча с Гоголем> — В кн.: Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952, с. 78.

³ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. — В кн.: Гоголь в воспоминаниях современников, с. 108.

⁴ Любич-Романович В. И. Гоголь в лицее (из воспоминаний, записанных С. И. Глебовым). — Исторический вестник 1902, № 2, с. 552—553.

⁵ Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем. — В кн.: Гоголь в воспоминаниях современников, с. 463.

⁶ Горький М. О том, как я учился писать. — В кн.: Горький М. О литературе. М., 1953, с. 307.

⁷ Гиляровский В. А. В гоголевщине. — Русская мысль, 1902, кн. 1, с. 88.

заняться этим сюжетом и воспользоваться путевыми записками, в которых, быть может, находился и самый рассказ о Пивинском»⁸.

Подобное мнение бытует и по сей день. В обстоятельном исследовании А. К. Бочаровой сказано: «Гоголь говорил, что сюжет «Мертвых душ» подарил ему Пушкин. Нет смысла опровергать это утверждение, но влияние Пушкина следует определять точнее, чтобы степень самостоятельности Гоголя в выборе сюжета нисколько не уменьшалась»⁹.

Спрашивается, однако: если Гоголю были ранее известны «факты» торговли мертвыми душами, то зачем было Пушкину «дарить» ему, Гоголю, сюжет, о котором они с одинаковой степенью осведомленности беседовали?

После появления в печати воспоминаний П. В. Анненкова (1857 год) считалось, что Пушкин не по доброй воле уступил «свое достояние» автору поэмы, обвиняемому им в кругу добрых друзей и со смехом чуть ли не в захвате чужого добра¹⁰. Анненковский вариант перешел в фальсифицированные воспоминания О. С. Павлицевой, сестры Пушкина (автор фальсификации — ее сын, Л. Н. Павлицев¹¹). Как видим, речь идет уже вовсе не о совете. Мнение Анненкова и Павлицевой с большим умением опроверг в 1931 году В. Гиппиус¹².

Мы стараемся доказать, что Пушкину была хорошо известна деятельность современных и даже знакомых ему аферистов по покупке и продаже мертвых душ, что эта деятельность, исключительно его занимавшая, буквально процветала именно в Бессарабии и что о ней вряд ли мог быть осведомлен Гоголь.

⁸ Марковский М. История возникновения и создания «Мертвых душ». — В кн.: Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902, с. 136.

⁹ Бочарова А. К. Реально-историческое содержание сюжета поэмы Гоголя «Мертвые души». — Учен. зап. Пензенского пед. ин-та, вып. 5, сер. ист.-филол., 1958, с. 269.

¹⁰ Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. — В кн.: Гоголь в воспоминаниях современников, с. 255.

¹¹ Александр Сергеевич Пушкин. Под ред. П. А. Ефремова. — Русская старина, 1880, кн. 5, с. 79 — 80.

¹² Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. — Учен. зап. Пермского ун-та. Отдел общественных наук, 1931, вып. 2, с. 101.

Для доказательства тезиса о том, что мертвые души (точнее, документы усопших крестьян и мещан) составляли в Бессарабии во втором и третьем десятилетиях XIX века предмет бойкой торговли, и о том, что Пушкин не только знал об этом, но и специально занимался данным вопросом во время своего пребывания в Бессарабии, лишь недавно, в 1812 году, присоединенной к России, все же придется вначале доказать, что в центральных губерниях России в это время подобная спекуляция не могла существовать.

Невероятность сюжета

В «Мертвых душах» есть расхождения с действительностью. Лучший друг Гоголя С. Т. Аксаков, который собрал немало замечаний читателей на только что вышедшую поэму, упрекал себя, что до ее поступления в печать «просмотрел» в рукописи неверность: «...крестьяне на вывод продаются с семействами, а Чичиков отказался от женского пола». Далее Аксаков «бранил себя» и за другие упущенные им несоответствия правде жизни¹³.

Однако о самом значительном несоответствии — о торговле мертвыми душами — Аксаков ничего не говорит. Почему же? Ведь быть того не могло, чтобы его, друга и информатора Гоголя, читатели наряду с другими упреками не засыпали и обвинениями в неестественности предприятия Чичикова. Допустим, Аксаков знал, что сюжет поэмы — вымысел, условность. Но очень трудно предположить, чтобы все столь придирчивые читатели отличали в данном случае правду факта от выражения природы событий и характеров, фактический материал от его творческого преобразования. Почему, другими словами, не опротестовали вымысел и читатели, а приняли его и согласились с ним?

По всей вероятности, Аксакову, как и многим другим его современникам, были известны те «истории» (по терминологии нашего времени, анекдоты) о скупщиках мертвых душ, которые на самом деле являлись отголоском сравнительно далекого прошлого и отража-

¹³ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 75.

ли факты, имевшие место в царских канцеляриях XVIII (не XIX!) века. Но в народной памяти сюжет жил латентно. К его пробуждению нужен был толчок. Для читателей таким толчком явилась поэма, для Гоголя — Пушкин, как будет сказано ниже, с его свежими и своеобразными бессарабскими впечатлениями.

В то же время было распространено и противоположное мнение: деятельность Чичикова считалась невозможной для условий России начала XIX века. В невероятности покупок Чичикова настойчиво убеждал читателей и сам Гоголь. Герои поэмы встречают предложение Чичикова о продаже с недоумением. Такого рода сделка им представлялась нереальной. С просьбой Чичикова продать ему «мертвых», которые, впрочем, значились бы по ревизии как «живые», в поэме первому пришлось столкнуться Манилову. Имя этого персонажа стало нарицательным и как пример слащавой обходительности и как выражение наиболее иступленного недоумения¹⁴. Изумилась Коробочка, изумились инспектор врачебной управы, генерал Бетрищев, удивился и человек полковника Кошкарёва, удивились и растерялись все чиновники, которые, должно быть, умели разбираться в подобных делах¹⁵; забеспокоились и раскольники.

Над только что купленными умершими крепостными Чичиков у себя дома особенно долго размышлял. «Это место — размышления Чичикова о купленных им мертвых душах — является едва ли не центром, идейной осью всей поэмы. Само собой разумеется, мысли Чичикова здесь — это мысли Гоголя (не единственный

---

¹⁴ См. например, у Г. П. Данилевского: «Что-о-о? Как-с? Сколько? Я не расслышал! — сказал он и заикнулся, подобно незабвенному Манилову, некогда пораженному сказочной профессией Чичикова по покупке мертвых душ» (Беглые в Новороссии. — В кн.: Данилевский Г. П. Сочинения. Изд. 8-е, посмертное. В 24-х т. Т. 1. СПб., 1901, с. 117).

¹⁵ Рассматривая слова языка как средство апперцепции, А. Потебня уже в 1862 году писал: «Если бы покупка мертвых душ не была для чиновников города N делом неслыханным, то и недоумение при слухе о такой «негоции» Чичикова было бы невозможно, и вопросы «что за притча эти мертвые души?», означающие, что восприятие ищет, но не находит апперцепции, не имели бы места». См.: Потебня А. Мысль и язык. Изд. 2-е. Харьков, 1892, с. 117.

раз в книге)»¹⁶. Но Павел Иванович скупал не только «умерших». Он брал подряд и тех, которые бежали от своих господ и которых полиция разыскивала и возвращала в цепях прежним владельцам. И, оказывается, беглые мужики интересуют Чичикова и Гоголя больше, чем умершие, как раз в том же «лирико-публицистическом отступлении», в той же «идейной оси всей поэмы»: (здесь) «...гораздо больше занимают воображение героя, а вместе с ним и автора, не мертвые, но беглые крестьянские души...»¹⁷ Огромное значение эпизода, в котором большая часть внимания уделена беглым, еще увеличивается, если его рассматривать с точки зрения генезиса самой идеи о столь необыкновенной покупке. Но об этом будет сказано ниже.

Только два героя поэмы принимают предложение Павла Ивановича всерьез. Но они — на все способные Собакевич и Ноздрев!

У самого Чичикова «странный» план зародился совершенно случайно. И это была «находка», как писал Гоголь, не только для Чичикова, но и для самого... автора: «...не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж как благодарен автор, так и выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди в голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма».

А что, по Чичикову, являлось главным в его махинации? Оказывается, как раз расчет на невероятность: «А главное, то хорошо, что предмет-то покажется совсем невероятным, никто не поверит».

Как же реагировали на первый том поэмы современная Гоголю цензура и литературная критика? Если факты продажи и покупки мертвых душ действительно имели место, то они, надо полагать, должны быть известны и цензорам и литераторам.

В самом начале 1842 года, после того, как первый том не был пропущен цензурой, Гоголь отправил П. А. Плетневу письмо с просьбой обратиться через влиятельных особ к самому царю за разрешением к печати. Здесь говорится и о том, как восприняла цензура само название поэмы.

Вот весь интересующий нас текст этого письма:

---

¹⁶ Гукровский Г. А. Реализм Гоголя. М. — Л., 1959, с. 504.

¹⁷ Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя. М., 1953, с. 183.

«Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название «Мертвые души», закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть; автор вооружается против бессмертия». В силу, наконец, мог взять в толк умный президент, что дело идет о ревизских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним и другие цензора, что мертвые значит ревизские души, произошла еще большая кутерьма. «Нет! — закричал председатель и за ним половина цензоров. — Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревизская душа — уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права». Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям, что здесь совершенно о другом речь, что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ерелачи, которую произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло.

«Предприятие Чичикова, — стали кричать все, — есть уже уголовное преступление». «Да, впрочем, и автор не оправдывает его», — заметил мой цензор. «Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души». Вот такие толки! Это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома. Теперь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. «Что вы не говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Это главные пункты, основны-

ваясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как-то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. «Да ведь и государь строит в Москве дворец!»—сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совестно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитет только прочел три или четыре места. Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня вдобавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить в человеке».

Не только автор, не только персонажи и не только цензоры, но и современная Гоголю литературная критика более чем усомнилась в правдоподобии вымысла. Лучшее всех, сразу после выхода в свет поэмы, выразил это недоверие Сенковский, который удостоверил также бытование какого-то старого и «всем известного» анекдота на эту же тему: Чичиков во второй части «потребуется выдачи своей покупки от тех, которые продали ему мертвые души, не упомянув в купчих о том, что они уже умерли. Он заведет с ними процесс, возьмет с них по две тысячи рублей за каждую душу или заставит их выдать себе взамен четыреста живых и здоровых крестьян. Анекдот старый и всем известный. Вся разница между ним и вашей поэмой в том, что, по словам анекдота, эта проделка случилась с одним только помещиком, тупым и недалеким человеком, который, будто бы в нетрезвом виде, позволил кому-то обмануть себя так грубо и несбыточно, а здесь, в нашей поэме, герой находит целую дюжину таких непостижимых глупцов и с каждым повторяет одну и ту же проделку до утомления»¹⁸.

Вся «поэма» Гоголя, названная так лишь «для шутки»,—писал о «тощем содержании» «романа» Ф. Булгарин,—«какая-то странная смесь вздору, пошлостей и пустяков»¹⁹. Будучи грубой карикатурой, писал Н. Полевой тогда же, поэма Гоголя «держится на небывалых

---

¹⁸ Сенковский О. Литературная летопись. — Библиотека для чтения, 1842, т. 6, с. 50.

¹⁹ Булгарин Ф. Похождения Чичикова, или Мертвые души. — Северная пчела, 1842, № 137.

и несбыточных подробностях»²⁰. Профессия Чичикова — «сказочная», писал немного позже хороший друг Гоголя Г. П. Данилевский²¹, который, кстати, считал, что во втором томе Чичикову придется нести наказание за свои проделки в Сибири.

Невероятным считали сюжет поэмы и историки литературы: «Естественен ли этот сюжет, и могло ли когда-нибудь случиться что-либо подобное на Руси? На эти вопросы решительно отвечаем: нет, ничего подобного не могло быть. В самой поэме есть неотвержимые доказательства того, что Гоголь мало верил в естественность вымысла, лежащего в основании его произведения. Событие, служащее сюжетом поэмы «Мертвые души», отличается неестественностью и поражает читателя своею невероятностью...»²²

Наконец, со времени Гоголя смысл, который вкладывается в понятие «мертвые души», отражает и по сей день полное неверие в возможности подобной спекуляции в России. «Мертвые души», — писал Герцен, — это заглавие само в себе носит что-то наводящее ужас. И иначе он не мог назвать: не ревизские — мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti — вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу...»²³ Так же пишут о самом названии поэмы и советские литературоведы²⁴. Очень немногие из них сваливают вину за двойное толкование заглавия на... цензуру, ошибочно считая, что спекуляция мертвыми душами действительно имела место при жизни Гоголя: «Гоголь, видимо из цензурных соображений, лишь на словах относит время действия своей поэмы к 10-м годам того столетия»²⁵.

Итак, сюжет поэмы «невероятен», «неестествен»...

---

²⁰ Полевой Н. Похождения Чичикова, или Мертвые души. — Русский вестник, 1842. № 5—6, с. 40.

²¹ Данилевский Г. П. Сочинения, т. 1, с. 117.

²² Андреев В. Ф. Сюжеты главных произведений Гоголя. — Филолог. зап. Вып. 1. Воронеж, 1898, с. 8.

²³ Герцен А. И. Полн. собр. соч. В 22-х т. 1915—1925. Т. 3. Пг., 1919, с. 34.

²⁴ Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Критико-биографический очерк. — В кн.: Гоголь Н. В. Собр. соч. В 4-х т. Т. 1. М., 1952, с. ХХІХ; Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М. — Л., 1959, с. 478.

²⁵ Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя, с. 193.

Какими реальными фактами из практики купли и продажи мертвых душ мог располагать Гоголь?

Один из исследователей пишет: «Анекдот» о «мертвых душах», так же как и «анекдот» о мнимом ревизоре, был создан реальными обстоятельствами русской общественной жизни того времени. И Гоголь, несомненно, мог знать о подобных случаях, прежде чем, с помощью Пушкина, осознал художественный эффект их литературного изображения»²⁶.

Итак, «Гоголь... мог знать». Исследователи оперируют еще и вводным словом «возможно»: «Возможно, что тогда же (летом 1835 года, когда Гоголь ездил на родину.— Г. Б.) он слышал об авантюристах на Украине, скупавших мертвые души, или же новая ревизия напомнила ему те случаи фактического обогащения, о которых он знал ранее»²⁷. Так писала в 1958 году А. К. Бочарова, в своей работе убедительно доказавшая, что «мотив покупки мертвых душ и совершения на них купчей играет активную роль в общем идейно-образном содержании поэмы». Автор этой статьи поставил перед собою задачу доказать, что мотив этот «взят из жизни». При всем этом Бочарова не смогла привести больше четырех «фактов», свидетельствующих, по ее мнению, о том, что торговля мертвыми душами и в самом деле имела место в России в первых десятилетиях XIX столетия²⁸.

Вот они, эти факты, собранные Бочаровой: 1) в записках Н. В. Сушкова содержится сведение о том, что в Малороссии местный дворянин «действительно покупал у соседей умерших крестьян, для причисления их к своей незаселенной земле, чтобы иметь право курить вино»²⁹; 2) дальняя родственница Гоголя М. Г. Анисимо-Яновская рассказывала о своем дяде, будто он, не имея пятидесяти душ крестьян, владение

---

²⁶ Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя, с. 192 — 193.

²⁷ Бочарова А. К. Реально-историческое содержание сюжета поэмы Гоголя «Мертвые души», с. 269.

²⁸ Там же, с. 265.

²⁹ Сушков Н. В. Из записок. Обзор потомству с книгами и рукописями. — В кн.: Раут, 1854, кн. 3, с. 382.

которыми дало бы ему право держать винокурню, «набрал в бричку горилки да и поехал по соседям и накупил у них за эту горилку мертвых душ, записал их к себе и, сделавшись по бумагам владельцем 50 душ, до самой смерти курил вино»³⁰; 3) имеются якобы данные о том, что управляющий помещика Неплюева в Полтавской губернии также накупил «мертвых душ»³¹; 4) Гоголь знал, что некий «землепроходец» купил запущенное кладбище с 650 мертвыми, совершил на них купчую и заложил в ломбард³².

Все приведенные автором свидетельства неубедительны.

Сушков, напечатавший свои литературно-критические заметки в 1854 году, писал не как свидетель-очевидец, а понаслышке. В этом «воспоминании» не соблюден закон достаточного основания, из-за чего оно не обеспечивает доказательность, обоснованность сообщения. О главном действующем лице своего анекдота, как и вообще о его покупках, он вспоминал далеко не определенно и как-то нарочито развязно: «...я, лет двадцать с лишком, слышал в Малороссии рассказ о каком-то, не очень помню, дворянине Калине, Малине или Черной Смородине, — да пусть он будет хоть Рябиною. — я слышал (разрядка наша. — Г. Б.), что этот г. Рябина действительно покупал у соседей умерших крестьян для причисления их к своей незаселенной земле, чтобы иметь право курить вино»³³. Рассказ, якобы слышанный Сушковым и напоминающий сюжет поэмы, является, безусловно, вариантом именно того анекдота (в современном понимании этого слова), который был известен и Сенковскому, назвавшему его «старым и всем известным».

Второе свидетельство записано уже в нашем столетии — в 1902 году. М. Г. Анисимо-Яновская вспоминала о происшествии тоже с чьих-то слов. «Это еще до меня было», — говорила она автору записи В. А. Гиляровскому. Весь рассказ М. Г. Анисимо-Яновской тождествен анекдоту, переданному Сушковым, но в

³⁰ Гиляровский В. А. В гоголевщине, с. 85 — 86.

³¹ Киевская старина, 1902, № 3, с. 155.

³² Мартос П. И. Из воспоминаний. — В кн.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952, с. 774.

³³ Сушков Н. В. Из записок, с. 382.

нем, пытаясь представить сообщение истинным, главным действующим лицом она сделала дядю³⁴. Однако из-за того, что практически воспоминание ею не было проверено («Это еще до меня было»), оно остается недоказанным.

Совершенно неправдоподобно в этом рассказе утверждение о плате за мертвые души горилкой: разве польстился бы кто-либо из помещиков, обязанных при любых обстоятельствах вплоть до новой ревизии платить за всех своих крепостных и, наверное, куривших у себя вино, на горилку, которую «дядя» «набрал в бричку»? Сомнение вызывают и другие детали этого источника. Например, в нем говорится, что покупатель, договорившись о сделке, «внес за своих умерших крестьян оброк, будто за живых». Обратим внимание: в «воспоминаниях» так и сказано: «будто за живых». В этом информатор усматривал, наверное, какую-то хитрость, какой-то обход закона. Но здесь нет никакого нарушения существовавшего тогда порядка. Оброк вносился за всех крепостных, фигурировавших в сказке последней ревизии,— и живых и мертвых. Странно и то, что лихой дядя рассказчицы почему-то вначале якобы внес оброк — причем только за мертвых! — и лишь после этого совершил купчую на новые мертвые души.

Еще более сомнительно третье свидетельство, приведенное А. К. Бочаровой. В источнике, на который она ссылается, речь идет об известном в свое время земельном магнате Неплюеве, владевшем «громадными имениями в Черниговской и Полтавской губерниях». В одном частном письме 1842 года говорилось, что он хотел жестоко наказать своего управляющего, «особенно за купленные им мертвые души»³⁵. Та часть письма 1842 года, которую в 1902 году привел анонимный автор заметки, не разрешает видеть здесь свидетельство реальной спекуляции. Ведь вполне может быть, что «известный» Неплюев имел в виду вовсе не умерших крестьян, а просто неработоспособных (стариков, женщин и детей) или — и это достовернее —

---

³⁴ Гиляровский В. А. В гоголевщине, с. 85.

³⁵ Киевская старина, 1902, № 3, с. 155.

трудоспособных, но отказывающихся под различными предложениями выполнять барщину.

В данном «свидетельстве», как видим, имеется логическая ошибка, называемая омонимией (разновидность ошибки неправильного словесного выражения мысли). Дело в том, что «мертвая душа» означала: 1) человек, умерший в промежутке двух народных переписей, но числящийся по уплате податей налицо; 2) бездеятельный (ср.: мертвый час, сезон, капитал; мертвая пора, вода, буква и др.).

Не авторитетен и последний источник А. К. Бочаровой — показание «школьного товарища» Гоголя П. И. Мартоса о каком-то землепроходце-сербе, неизвестно где купившем «землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определенно. Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю, заложенную впоследствии К-чем за значительную сумму. Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н. Г. Репнин — это я слышал от самого князя Николая Григорьевича»³⁶.

Заметим прежде всего старание П. И. Мартоса выдать свое сведение за вполне аутентичное. Ему показалось недостаточным, чтобы Гоголь, его соученик, знал о проделке пресловутого серба еще в Нежине. Поэтому он обратился и к авторитетному мнению «самого» Николая Григорьевича, который об этом случае будто рассказывал Гоголю же за границей. Серб-аферист был «страшным землепроходцем» и купил запущенное кладбище «где-то». Рассказчик оговаривается: «Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю». Но ведь без знания местности, где «страшный землепроходец» купил и оформил свою покупку, цена свидетельству Мартоса — нуль!

И по поводу данного «свидетельства» следует повторить сказанное об ошибках в основаниях доказательства. Кроме ложного основания (неназванный серб-«землепроходец», «не знаю, какое присутственное место...») здесь имеется и желание во что бы то ни стало

---

³⁶ Мартос П. И. Из воспоминаний, с. 774.

доказать свой тезис, желание, осуществленное ссылкой на авторитет князя. Это уже «чрезмерное доказательство»: кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает!

Итак, все сведения о покупке мертвых душ в России, которыми оперирует А. К. Бочарова для доказательства того, что сюжет поэмы был взят Гоголем «из жизни», из «практики русского и украинского крепостничества», оказываются несостоятельными.

В первых двух случаях истории о покупках были записаны не свидетелями-очевидцами, а со слов и гораздо позже описанного Гоголем периода (Сушковым в 1854 году, а Гиляровским в начале нашего столетия). К этой же категории примыкает и четвертый и столь же неправдоподобный рассказ Мартоса, с которым Гоголю пришлось почему-то познакомиться только за границей. Нельзя считать сколько-нибудь доказательным и третье «свидетельство» — предположение анонимного автора заметки, что в приведенном им отрывке письма содержится указание на факт покупки реальных «мертвых душ».

Не будучи свидетелями-очевидцами, перечисленные авторы передавали, безусловно, варианты одного и того же рассказа о скупщике, которому «мертвые души» вдруг оказались нужными до зарезу — «хоть погибай без винокурни!», как говорила Анисимо-Яновская. Анекдот оброс самыми неожиданными подробностями, в некоторых вариантах приближающимися к фабуле самой поэмы. В последнем случае создателями рассказа были, несомненно, лица, знакомые с поэмой.

Читателям же мы обязаны и другими сообщениями на близкую тему: будто бы однажды сам Гоголь купил мертвые души у каких-то соседей. Сделал он это для того, чтоб освободить разоренные крестьянские семьи от уплаты лишних податей. Рассказ этот записан со слов Н. И. Шабельникова, знавшего Гоголя лично³⁷. В этом «воспоминании» советский исследователь видит, однако, не больше как «легенду, имевшую хожд-

---

³⁷ Серебровская Е. Рассказы о Гоголе. — Ленинградский альманах, 1952, № 4, с. 310 — 311. Указанием на данный источник мы обязаны А. Н. Степанову (ИРЛИ, Ленинград), за что приносим ему искреннюю благодарность.

дение в народе»³⁸. Этот исследователь, безусловно, прав: всегда и везде определенные категории читателей с большой охотой приписывают авторам действия и характеры изображенных персонажей. Таковы утверждения об идентичности Чайльд Гарольда с Байроном, Нехлюдова с Толстым, рассказы о том, что за Алеко из поэмы «Цыганы» скрывается не кто иной, как сам Пушкин, и т. д. Не миновал этой участи и Гоголь.

Так обстоит дело с материалами, которые привлекаются исследователями для доказательства «степени самостоятельности» в выборе сюжета поэмы Гоголем, который, как известно, с благодарностью утверждал, что именно Пушкин отдал ему свой собственный сюжет.

А какие факты покупки мертвых душ в самой России были известны Пушкину? Оказывается, один-единственный. Из-за отсутствия подлинных документов исследователи оперируют сведением Л. Н. Павлицева, записанным якобы им со слов своей матери, родной сестры Пушкина. Пушкин будто бы знал о каком-то аферисте, проживавшем в Псковской губернии, недалеко от Михайловского, который накупил несколько сот мертвых душ с тем, чтобы заложить в опекунский совет свое имение, но был потом разоблачен³⁹. У этого же информатора есть, впрочем, и сведение о том, что Гоголь якобы похитил пушкинскую тему о мошенническушпике, сведение, которое отнюдь не соответствует действительности. «Репутация Л. Н. Павлицева как мемуариста общеизвестна: он не стеснялся просто выдумывать, а тем более приукрашивать слышанное», — писал В. Гиппиус⁴⁰.

К сведению Павлицева мы можем присоединить и другое, которое до сих пор не привлекалось исследователями, но цена которому не выше, чем свидетельствам Павлицева. К воспоминаниям В. А. Соллогуба, впервые появившимся в 1865 году, редактор журнала «Русский архив» Петр Бартнев сделал сноску, в которой,

---

³⁸ Серебровская Е. Белинский и Гоголь (к истории борьбы за реализм). Л., 1952, с. 78, сноска 1.

³⁹ Александр Сергеевич Пушкин. Под ред. П. А. Ефремова.—Русская старина, 1880, кн. 5, с. 79—80.

⁴⁰ Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным, с. 99.

не раскрывая источник, сообщал: «Далее рассказывают за верное, что и мысль о мертвых душах тоже принадлежала Пушкину. В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказывал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось. «Из этого можно было бы сделать роман», — сказал он между прочим. Это было еще до 1828 года»⁴¹.

В этом новом свидетельстве непонятна функция концовки: будто Пушкин узнал об аферисте «до 1828 года». Пушкин прибыл в Москву в 1826 году и находился здесь почти пять месяцев, затем он наезжал сюда на короткое время каждый год. Следовательно, если свидетельство отражает истину, то встреча «на бегу» произошла либо в 1826, либо в 1827 году. Но что это дает? И что за рубеж этот 1828 год?

Еще одно сведение, не привлекавшее внимание исследователей: «родным братом» Павла Ивановича являлся Василий Иванович Порубов — герой повести современника Пушкина В. Даля «Вакх Сидоров Чайкин»: «...он скупил в губернии до двухсот мертвых душ, то есть таких, которые значились налицо, по последней народной переписи, но которых уже не было», и заложил их за 40 тысяч рублей⁴². Однако с этим производением, вышедшим из печати позже, Пушкин не был знаком. Но поэт лично знал самого автора уже с 1832 года, после приезда Даля из турецкого и польского походов, откуда, из Молдавии и Валахии, он привез не одну тему для своих будущих художественных произведений⁴³. Возможно, что Даль и Пушкин, наблюдавшие одну и ту же действительность, беседовали о покупках «мертвых душ», интенсивно практиковавшихся, как будет доказано ниже, в Бессарабии.

Итак, Пушкин, согласно имеющимся сведениям,

---

⁴¹ Соллогуб В. А. Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба. — Русский архив, 1866, № 5, стб. 1213.

⁴² Даль В. Вакх Сидоров Чайкин. — В кн.: Даль В. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. СПб. — М., 1897, с. 49.

⁴³ См.: Двойченко-Маркова Е. М. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. М., 1966, с. 84—90; Цуркану Василе. Афинитэць. — Култура, 1977, 26 февруарие.

знал якобы о двух фактах покупки мертвых душ в России. А если добавить и факт, описанный Далем и, возможно, сообщенный поэту, то речь будет идти уже о трех фактах. И эти свои два (или три) факта он уступил («отдал») Гоголю, которому будто бы были известны четыре подобных «факта» или даже привелось лично скупать «мертвые души»...

Если рассматривать все эти рассказы о скупщиках в их совокупности, нетрудно уловить следующие основные два их типа: 1) аферист собирается получить за купленных умерших крестьян барыш; 2) скупщик преследует благотворительные цели. Последний тип представлен одним-единственным образцом. К анекдотам же первого типа относятся рассказы Павлицева, неизвестного нам собеседника П. Бартенева и, если Пушкин знал об этом, то и деятельность Ивана Порубова, описанная Далем, в которых сообщается, что имение закладывают в опекунский совет. К этому же типу относится и фабула самой поэмы Гоголя, хотя категорически утверждать это нет оснований. (Как помним, Сенковский уверял, что Чичиков поступит по примеру афериста, который не закладывает покупку в совет, а затевает с продавцом процесс.) Предположения шли и в другом направлении: будто Чичиков попадает «за новые проделки в ссылку в Сибирь»⁴⁴. Ясно, однако, другое: герои анекдотов, как и сам Чичиков, движимы жадной стяжательством и все они крупные дельцы. Наиболее яркий образец ловкости афериста дан в анекдоте о сербе-землепроходце, закупившем 650 покойников. Место возникновения и сфера обращения этих анекдотов, безусловно, «высшее» общество. Остальные два варианта того же типа зародились и бытовали, по-видимому, в среде мелкопоместных дворян: герои анекдотов Сушкова и Анисимо-Яновской скупают мертвые души лишь для того, чтобы приобрести право курить вино.

Все приведенные выше анекдоты о скупщике разнятся между собой только в развязках. Вариантность последних (заклад, получение судебным порядком выкупа или живых крепостных, право на винокурню,

---

⁴⁴ Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем. — В кн.: Гоголь в воспоминаниях современников, с. 441.

благотворительность) должна свидетельствовать как будто бы об относительной распространенности спекуляций мертвыми душами. Вместе с тем в официальных документах сведения о подобной торговле в России в начале XIX века совершенно отсутствуют. Кроме того, как известно, и автор, и его герои, и современники, и последующие литературоведы настойчиво подчеркивают противоестественность и невероятность таких покупок. Все это вместе взятое доказывает, что подобные рассказы являются вымыслом. А вариантность развязок объясняется спецификой жанра — устностью анекдотов — с ее неизбежными импровизациями, определяемыми моментом, занятиями рассказчиков, их памятью и фантазией.

Но даже будучи анекдотами, эти и другие записи или рассказы о позабытых дельцах, которые, возможно, еще будут разысканы, основывались на чем-то реальном: сказка ложь, но в ней намек! Такая основа обязательна, и она действительно имелась, и ее удержала народная память.

Реальная основа рассказов о ловком аферисте, скупавшем мертвые души, рассказов, бывших в обращении и в начале XIX века, в печати уже была недавно указана. Однако поскольку указание это содержится в труде историка банковского и кредитного дела, оно еще не обратило на себя внимания и литературоведами до сих пор не привлекалось. Не могла учесть это указание и А. К. Бочарова, работа которой появилась в том же году, что и работа историка-экономиста С. Я. Бороваго.

Речь идет вот о чем.

Заклад поместий и спекуляции вокруг этого заклада были частым явлением в России не в начале XIX века, а раньше. Анекдоты, бывшие в ходу во времена Пушкина и Гоголя, отражали факты второй половины XVIII века.

В 1754 году впервые были учреждены в России дворянские земельные банки. Дворяне получили право закладывать имения, брать ссуды на «крепостную душу» и т. д. Банки эти стояли на стороне дворян, и заложенные поместья неплательщиков в собственность банка переходили очень редко. Впрочем, и при таком переходе положение крепостных не облегчалось, по-

тому что их оборок оставался неизменным. «С первых же дней существования Дворянского банка,—пишет С. Я. Боровой,—появились авантюристы, ставшие прототипами для гоголевского Чичикова. Они стремились получить ссуды под «мертвые» или несуществующие души. Так, смоленский помещик Путята в 1754 г. просил ссуду в 300 руб. под имение, за которым, по его словам, числилось 38 душ. При проверке выяснилось, что у него нет ни имения, ни крепостных крестьян. В 1757 г. в такой же афере был уличен прапорщик Бочаров. Он заложил имение, в котором якобы числилось 25 душ, фактически же было только 4»⁴⁵.

Это, действительно, факты. Анекдоты же начала XIX века отражали не реальные махинации аферистов своего времени, но были отголоском прошлого. Дело в том, что к началу века канцелярские машины и опекунские советы накопили достаточный опыт, уже определили недосмотры в положении о залоге помещичьих имений и умели предупреждать злоупотребления при залоге «душ». Отдельные же попытки подобного обмана, может быть, и имели место в описанное Гоголем время. Но теперь такие попытки немедленно разоблачались.

Шуточные же рассказы об удачных или провалившихся авантюрах опирались, в чем мы только что убедились, прибегнув к труду историка-экономиста, на факты, выхваченные из жизни дворянства середины XVIII века.

Торговля «мертвыми душами» в Бессарабии

В Бессарабии, на периферии империи, в первое десятилетие после Отечественной войны 1812 года (то есть, согласно хронологизации самого Гоголя, как раз в «период» деятельности Чичикова) спекуляция мертвыми душами была бытовым явлением.

Находясь в этом крае, Пушкин интересовался скупщиками мертвых душ. Имеются два таких свидетельства. Первое, очень лаконичное, исходит от школьного

---

⁴⁵ Боровой С. Я. Кредит и банки. М., Госфиниздат, 1958, с. 49.

товарища Гоголя, знавшего и Пушкина. Это Любич-Романович⁴⁶. Вторым свидетельством, более простран-ным, мы обязаны кишиневскому знакомому Пушкина И. П. Липранди⁴⁷.

В Бессарабии торговля мертвыми душами проходила в специфических условиях, невозможных нигде в других местностях России. Бессарабия — «страна беглых», Бессарабия — «Эльдорадо» и «верх блаженства» для крепостных крестьян России и Украины, бежавших от своих господ, Днестр «разделяет Россию на две категории» — так писалось о Бессарабии в прошлом. «Еще в XVIII в. Молдавия заселялась беглыми русскими и украинскими крепостными и сектантами, спасавшимися от крепостного гнета, рекрутской повинности и религиозных преследований. <...> Наплыв беглых крепостных из России особенно увеличился после присоединения Бессарабии», — пишет об этой народной эмиграции историк Я. С. Гросул⁴⁸.

Другой исследователь, специально занимающийся по архивным материалам историей народной колонизации Бессарабии в первой половине XIX века, отметил ее прогрессивную роль: эта колонизация «подтачивала основу феодально-крепостнической системы, ускоряла крушение господства помещиков в стране, пробуждала многомиллионное крестьянство России как в центре, так и на окраинах к открытой борьбе за землю и свободу, против нищеты и бесправия, за переход к новым производственным отношениям», в ней «нашло широкое проявление братское сотрудничество населяющих область народов — молдаван, русских, украинцев, болгар и других — в их хозяйственной и культурной жизни, в классовой борьбе»⁴⁹.

Большой наплыв беглых русских и украинских крестьян и их постоянное стремление как можно на-

---

⁴⁶ Любич-Романович В. И. Гоголь в лицее (из воспоминаний, записанных С. И. Глебовым), с. 552.

⁴⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1469.

⁴⁸ Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812 — 1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 48.

⁴⁹ Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в. — Учен. зап. Кишиневского ун-та, т. 35 (исторический), 1958, с. 28.

дежнее скрыться от своих господ и всевозможных преследователей, с одной стороны, и насущная потребность местного населения в увеличении рабочих рук в хозяйствах, с другой, вызвали к жизни неизвестные до того времени формы «пристанодержательства», укрывательства и одновременно посредничества между заинтересованными сторонами — между беглым и местным населением. Лица предприимчивые и наиболее способные к организации «дела», прекрасно разобравшись в обстановке, нашли оригинальную форму удовлетворения сторон, форму, которая была немислимой в других областях империи: они отыскивали документы умерших и их «письменные виды» на жительство уступали, разумеется за вознаграждение, беглым. На определенном этапе их деятельности они выполняли роль Чичикова с той разницей, однако, что они скупали документы у крестьян и продавали их крестьянам же.

«С властью князя Потемкина,— писал Ф. Ф. Вигель,— завоевателя и первого образователя сего обширного края, как бы искони обреченного кочеванию, ему не так трудно было населить его, хотя употребленные им средства к тому не все одобрения достойны. Раздача земель была безрассудна, безрасчетна: бродяги, беглые мужики из помещичьих имений целой России стали новыми коренными жителями края»⁵⁰. «Бессарабия и Молдавия ужасно плодородны — жители свободны, отчего здесь пропасть русских, бежавших от господ», — писал в дневнике 1822 года другой знакомый Пушкина по Кишиневу Ф. Н. Лугинин⁵¹. Князь П. И. Долгоруков, будучи здесь чиновником, занимался поимкой беглых и пересылкой их в Россию и сетовал, что наместник Бессарабии Инзов по своей доброте сочувствовал беглым крепостным и поселял их в Бессарабии. Долгоруков поместил в своем дневнике за 1822 год следующее полюбившееся ему изречение министра внутренних дел графа В. П. Кочубея: «Министр, между прочим, поручил Фадееву (члену екатеринославской конторы колонистов.— Г. Б.) разведать о крестьянах своих, бежавших в значительном числе в

---

⁵⁰ Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 6, с. 101.

⁵¹ Лугинин Ф. Н. Из «Дневника», с. 232.

Бессарабию. Гр. Кочубей на этот счет отозвался следующими словами: «Что генерал Инзов водворяет иностранцев, это похвально, но если он надеется заселить со временем Бессарабию беглыми, то правительство не останется ему за то обязанным»⁵².

Ценные замечания о причинах бегства русских крестьян в Новороссию, а затем в Бессарабию содержатся в неопубликованных трудах одесского историка А. А. Скальковского, написанных, разумеется, с явно дворянско-буржуазных позиций. В рукописи «Хозяйство, внутренний быт, общественное здоровье и нравственность Новороссийского края в 1850 г.» Скальковский утверждал, что эмиграцию крестьян в эти края определили, «во-первых, страсть врожденная каждому русскому двигаться с места на место» (sic!— Г. Б.) и во-вторых, «богатство и приволье южных пажитей империи, где они могли приобрести легко не только сытный кусок хлеба, но и про запас трудовую копейку...» А до «Днестра недалеко, и, таким образом, целые сотни тысяч, перешед сперва в Херсонскую и Екатеринославскую губернии, бегут потом в Бессарабию. Наконец, те, которых совесть кой в чем упрекала, шли еще дальше, за Прут и Дунай, откуда, переменяв имя и костюмы, а иногда и без перемены, являются уже «турецкими подданными», идущими на поселение в Россию и, следовательно, как люди совершенно свободные»⁵³.

В другом своем неопубликованном труде Скальковский писал: «Кому не известны те бесчисленные жалобы помещиков северной и средней полосы империи на бродяжничество и бегство их поселян, стремящихся на юг в Новороссийские губернии и преимущественно в Бессарабию. <...> Как усмотреть самой полиции за людьми, которые сумели благополучно пробраться через 15 или 20 других губерний, где их не задерживали, не обратили вспять? Наконец, скажем правду, как растолковать мужику, что небольшая река, как Днестр, разделяет Россию на две категории, из которых одна запрещаемая (Бессарабия) не дает рекрут, имеет зем-

---

⁵² Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 98, сноска.

⁵³ Одесский облгосархив, ф. 147, оп. 1, д. 36, л. 15 — 19,

ли богатой вдоволь, а хлеб, капуста, огурцы и соль ничпочем»⁵⁴.

Тема судьбы беглых русских крестьян, нашедших убежище либо на Волге, либо — и это чаще — в Новороссии и Бессарабии, присутствует постоянно в русской литературе почти всего XIX века. Назовем хотя бы таких авторов, как С. Максимов с его книгой «Бродячая Русь» и Г. П. Данилевский, который в романах «Беглые в Новороссии» и «Воля» изобразил «картины русских Кентукки и Массачузета», типы крепостных вроде Левенчука и Мироденко, тайное заселение в пустыне целых новых деревень пришельцами, не помнящими родства, облавы на беглых и другие насилия над российскими «белыми неграми».

На протяжении всего столетия русских авторов поражала и чрезвычайная пестрота населения Бессарабии. Эта пестрота получила отражение в произведениях Пушкина кишиневского периода.

Ее подметил и остроумный А. Ф. Вельтман (повторим цитату): «Встречая повсюду русских, молдаван, греков, сербов, болгар, турков, жидов и пр., я не смел сделать им вопроса: «вскую шаташася языцы?» Отметил эту пестроту и Ф. Н. Лугинин: кроме молдаван «здесь много греков, сербов, арнаутов, коих одеяние очень красиво. <...> болгары носят все красные ермолки...»⁵⁵. О национальной пестроте зажиточных слоев населения уже в конце века писал В. Дедлов⁵⁶.

Крепостники постоянно и с большим усердием разыскивали здесь «своих» крестьян и затем отсылали их окованными по этапу обратно в имения.

Занимался в 1800—1802 годах «препровождением в отечество» беглых крестьян и выдающийся просветитель В. Ф. Малиновский. Делал он это по долгу службы, будучи генеральным консулом в Яссах. Эта деятельность вызывала горькие чувства автора «Записки об освобождении крестьян», в которой неограниченная власть крепостников определена им несколько позже как «похищение и насильство». «Записку» создал он как раз на основе общения с беглыми русскими крес-

⁵⁴ Одесский облгосархив, ф. 147, оп. 1, д. 77, л. 6—9.

⁵⁵ Лугинин Ф. Н. Из «Дневника», с. 231 — 232.

⁵⁶ Дедлов В. Вокруг России, с. 120 — 121.

тъянами, оказавшимися тогда в Молдавском княжестве⁵⁷.

Крепостники добивались от правительства самых жестоких мер для неперемного возврата беглых и наказания «предержателей и укрывателей». В 1795 году, например, согласно специальной русско-турецкой конвенции, разрешалось при возвращении крестьян, бежавших в Молдавию, разбивать семьи: если беглый женился на молдаванке (или наоборот) и основывал семью, жене (или мужу) ни под каким видом не разрешалось следовать в Россию⁵⁸. В 1808 году Прозоровский, командующий русскими войсками в княжествах, докладывая в переписке с правительством, что отыскание и возвращение беглых может охладить местное население в его признательности и привязанности к русским освободительным войскам, предписывал, однако, местным властям не принимать «бродяг», брать их под караул, годных к военной службе отдавать в рекруты. От гражданского населения южной Бессарабии бралась подписка-обещание, что оно впредь не будет укрывать беглых⁵⁹. В 1819 году полномочный наместник Бессарабии Бахметьев распорядился, чтобы несколько хуторов, основанных беглыми на юге Бессарабии, были уничтожены, а жители возвращены помещикам. Бахметьев усматривал в этих хуторах основное и опаснейшее средство для укрывательства беглых и дезертиров, которые, находясь на работе у помещиков, колонистов, у зажиточных крестьян или на рыбных и соляных промыслах, могли быть обнаружены куда легче⁶⁰. А до этого, в 1814 году, согласно циркулярному предписанию городским земским полициям, начальник области Гартинг обязывал штрафовать каждое семейство укрывателей, а беглых, годных к военной службе, отдавать в рекруты или в крепостные работы⁶¹. Была учреждена и специальная комиссия

---

⁵⁷ М а л и н о в с к и й В. Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 161.

⁵⁸ А н ц у п о в И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 4.

⁵⁹ Там же, с. 7.

⁶⁰ Там же, с. 10.

⁶¹ Там же, с. 11.

Для содействия помещичьим сыщикам в выявлении и поимке беглых: требования этой комиссии выполнялись полицией «без малейшего замедления»⁶². В именном царском указе в 1820 году указывалось, что поиски беглых в Бессарабии «затруднительны» и что выселению подлежат все лица, пришедшие в эти края после 1812 года. Укрыватели предавались суду. За «ослабление» борьбы против беглых чиновники полиции тоже отдавались под суд⁶³.

Эти и подобные им репрессии сверху не могли не вызвать со стороны беглых и местного сочувствующего населения противодействия. И на протяжении первых трех десятилетий XIX столетия крестьянство Бессарабии выработало и применяло — как в периоды усиленного наступления крепостников, так и в периоды относительного затишья — следующие защитные меры.

Местное старожилое крестьянство не выдавало находившихся в его среде пришельцев, скрывало их, помогало им средствами к жизни, а когда надо было, то и транспортом для переселения в другие места. Специально отряженные в 1808 году в Оргеевский и Бендерский цынуты команды вернулись с пустыми руками. В 1815 году один из помещиков, который позже общался с Пушкиным в Кишиневе и о котором современники писали как о чудовищном сатрапе⁶⁴, Янко Балш, просил Гартинга выделить его поверенным военную команду, так как «жители тех селений, в которых беглецы находятся, не соглашаются их выдавать»⁶⁵. В 1816 году Гартинг признавался, что «пристанодержательство» в Бессарабии никак не может быть искоренено, «сколько

---

⁶² Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 12.

⁶³ Там же, с. 13.

⁶⁴ Ф. Ф. Вигель рассказывает о нем следующее: по его приказанию догнать и доставить ему беглецов из имени «живыми или мертвыми» его люди бросились в погоню, догнали, зарезали и в тороках привезли их головы; см.: Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 7, с. 64—65. Не за этот ли поступок хороший приятель Балша И. П. Липранди назвал его «известным оригиналом»? См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 8—9, стб. 1226; № 10, стб. 1427.

⁶⁵ Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 12.

ни делается строгих внушений»⁶⁶. Местные крестьяне просто заявляли, что беглых в их селениях не имеется.

Другой формой проявления классовой солидарности была ложная присяга. Местные жители «один за другого присягают охотно», — писал в своей жалобе один из помещиков в 1809 году⁶⁷. В конце 1810 года пограничный комиссар до Днестру докладывал, что поверенные двадцати четырех селений Херсонской губернии опознали беглых, но взять их для возврата не смогли «по той причине, что молдавские жители <...> присягой утверждают, якобы они молдавские подданные»⁶⁸. «Старожилы давали устные и письменные заверения в принадлежности того или иного жителя к данному селению с давних пор, признавали «несомнительным тамошним жителем». Таким образом была внесена «в списки коренных жителей масса беглых по разным местам области»⁶⁹.

Сочувствуя беглым и солидаризируясь с ними, местное население не раз выручало их даже из рук конвоиров. Помещик Подольской губернии жаловался, что его человеку, посланному в Хотинский уезд для отыскания беглых, случилось быть «почти до смерти от мужиков избитым»; другого поверенного, сопровождавшего распознанных беглых, преследовали в окрестностях Измаила жители села Сафьяны, и он еле спасся от смерти бегством. В 1811 году в Оргеевском уезде крестьяне отбили захваченных людей, а конвой разогнали⁷⁰. В июне 1820 года в г. Тучкове агенты подольских помещиков схватили двух беглых. Дело было на ярмарке. Толпа крестьян с криками «Бейте — это сыщики!» освободила пойманных⁷¹.

Беглые и местные жители оказывали сопротивление даже многочисленным вооруженным отрядам. Так, в 1816 году команда в составе пятидесяти человек была дружно встречена в районе Измаила и Рени и отбита.

---

⁶⁶ Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 12.

⁶⁷ Там же, с. 5.

⁶⁸ Там же, с. 8.

⁶⁹ Там же, с. 14.

⁷⁰ Там же, с. 8.

⁷¹ Там же, с. 12, сноска 69.

За это впоследствии четыре жителя была наказаны розгами⁷².

Были выработаны и другие формы борьбы: крестьяне переходили в еврейское вероисповедание⁷³, захваченные выкупались из рук сыщиков деньгами или имуществом. Строгости сыщиков, с одной стороны, а с другой — народный гнев против помещичьих поверенных заставили Гартинга высказаться за удаление последних из области: иначе все беглые, писал он, уйдут за границу, «и после ни помещики не получают в своем предприятии желаемого успеха, и новоприобретенная область, изобилующая достаточной пахотной землей, лишится жителей, приносивших ей выгоду, а равномерно и пользу для казны»⁷⁴.

Присутствие в области беглых и их особенное положение в крае вызвали к жизни и новые промыслы: «На берегах Днестра и лимана существовали специальные пункты, где переправлялись беглые. Перевоз их превратился в своеобразный промысел для некоторых жителей прибрежных селений. Так, в 1831 г. судили аккерманского жителя П. Помазана за то, что он в течение ряда лет занимался перевозом беглых через Днестровский лиман и этим добывал себе средства к жизни»⁷⁵.

Другой формой сопротивления русским крепостникам, охотившимся за «своими» крестьянами, другой формой укрывательства и одновременно другим видом местного специфического промысла была приписка беглых на имена умерших членов семейств местных жителей. Промысел этот был здесь в действии еще и в середине XIX века.

В Бессарабии, писал в 1862 году А. Зацук, автор первой монографии об этом крае, большая часть великороссов «состоит из лиц, убежавших из разных губерний от рекрутства или помещиков. Многие из них еще и в последнее время, для избежания преследований полиции, поступают в молдавские семейства, принимая

---

⁷² Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 12.

⁷³ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 101 — 102.

⁷⁴ Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 11.

⁷⁵ Там же, с. 9, сноска 51.

на себя имени умерших членов тех семейств...»⁷⁶. Здесь, заметил в другом месте тот же автор, наблюдались курьезы, немыслимые для других мест империи, как, например, «сыновья», которые были чуть ли не вдвое старше годами своих «отцов». В Бессарабии, утверждал А. Защук, можно встретить «русского сметливого мужика лет сорока, который укажет нам отца-молдаванина лет тридцати». В сноске к этому тексту автор добавлял: «У молдаван есть поговорка: «тату рус, мама рус, яр Иван — молдаван» (отец русский, мама русская, но Иван (т. е. сын их)—молдаван). Вообще надобно заметить, что здесь бродяжничество пользуется в простонародии сочувствием. Бродягу, пожалуй, не примут в дом, но ни в каком случае он не будет задержан людьми, не облеченными полицейской властью»⁷⁷.

Почти на всем протяжении первой половины XIX века целые села и даже города в Бессарабии были известны под кличкой «бессмертных обществ». Такими городами, в частности, были Бендеры и Аккерман. В путевых записках Афанасьева-Чужбинского читаем: «Аккерман, уездный город Бессарабской области, довольно многолюдный и чрезвычайно разбросанный. Несколько еще лет назад до освобождения крестьян его можно назвать желанным Эльдорадо для крепостных и вообще для разного беспаспортного люду. И доселе еще по югу России слово «аккерманский мещанин» имеет свое особенное значение. Какой-то статистик, кажется один из немцев, обратил внимание на особенное долголетие жителей Бессарабии и преимущественно Аккермана, пустившись, разумеется, в рассуждение о причинах, обуславливающих подобное явление. Но такое долголетие существует только на бумаге, а в действительности люди в Аккермане живут столько же, сколько и на других местностях, и средняя жизнь, я уверен, не выше в нем, как и в целой Бессарабской области. Дело в том, что аккерманские мещане, разумеется в прежние годы, не только были долголетни, а просто никогда не умирали. По случаю огромного наплыва беспаспортных и беглых помещичьих крестьян в Аккермане установилась особен-

---

⁷⁶ Защук А. Бессарабская область, с. 156.

⁷⁷ Там же, с. 14 — 15.

ного рода торговля. Умирал, положим, мещанин Иван Иванов, его, конечно, хоронят, но имя его принимал выходец из Полтавской губернии и числился уже Иваном Ивановым, и если умирал в свою очередь, то все-таки являлись кандидаты на его звание, имя и фамилию. В 1856 году я еще видел в Аккермане парня лет двадцати пяти, сыну которого было лет гораздо за сорок»⁷⁸.

Чтобы прописать «бродяг» — беглых крестьян, нужны были документы — виды на жительство.

Интерес Пушкина к скупщику «мертвых душ»

Находясь в южной ссылке, Пушкин интересовался судьбой беглых русских крестьян в Бессарабии. Об этом, как мы уже знаем, имеются два ценных свидетельства: первое исходит от соученика Н. В. Гоголя по лицу, который заверял, что у Пушкина, с которым он также был знаком, идея «мертвых душ» зародилась именно во время пребывания на юге. Вообще отрицая какую-либо оригинальность Гоголя-писателя, бывший соученик писал: «...А «Мертвые души» — так это прямо идея Пушкина, возникшая в его уме еще в то время, когда он жил в Новороссии. И если он не претендовал на то, что Гоголь ее похитил у него, то лишь потому, как говорил он сам мне потом, «что я, может быть, и не осуществил бы ее, потому что у меня много было другого дела, также важного по существу своему и требующего немедленного осуществления»⁷⁹.

По воспоминаниям И. П. Липранди, в Бессарабии поэта особенно занимала деятельность некоего малороссиянина, промышлявшего припиской и устройством беглых на поселение в одном из уездных городов Бессарабии — в Бендерах. Малороссиянин этот ставил себе в заслугу заселение целого города, которое производилось им припискою беглых на имена тех же умерших.

Бендеры, писал И. П. Липранди, отличались осо-

---

⁷⁸ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, с. 430.

⁷⁹ Любич-Романович В. И. Гоголь в лицее (из воспоминаний, записанных С. И. Глебовым), с. 552 — 553.

бым характером населения: «...здесь сосредоточивались всевозможные раскольничьи толки нашего исповедания и еврейского, но и фабрикация фальшивой мелкой монеты и в особенности турецких пар, выделяваемых просто из старых солдатских манерок; подделка асигнаций, паспортов и других видов. Чтобы запастись ими, стекались из отдаленных мест. Замечательнее же всего было то, что, до вступления в наместничество графа Воронцова, в Бендерах, кроме солдат, никто не умирал с самого присоединения области, и народонаселение города, или форштадта, быстро усиливалось. Бендерское население не иначе было известно как под названием «бессмертного общества». Александр Сергеевич все это слышал, а в последнее время пребывания его в Бессарабии два происшествия, разъяснившиеся уже тогда, когда он был в Одессе, своей оригинальностью подстрекнули еще более его любопытство»⁸⁰.

Рассказав далее о посещении в начале 1824 года Пушкиным Варницы, занимавшей поэта пребыванием там Карла XII и Мазепы⁸¹, Липранди передал и содержание упомянутых им «двух происшествий». Они «долго подавали Пушкину повод к островам, иногда довольно резким, что многим из бюрократов, в обществе которых он был, очень не нравилось»⁸².

Первое из этих происшествий состоит в следующем. Губернатор представил к чину некоего бендерского письмоводителя, проработавшего безукоризненно добрых пятнадцать лет. И только после длительной переписки в герольдии прочли в формуляре, что «примерный» письмоводитель в 1809 году участвовал в конокрадстве и был наказан двадцатью пятью ударами

---

⁸⁰ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1461 — 1463.

⁸¹ Гидом Пушкина и Липранди в Варнице был якобы некий Никола Искра, 135-летний старик (!) с «густыми» «желтовато-седыми» волосами на голове и груди и с «целыми зубами» (!). При осмотре шведского лагеря 1709 года Искра, хорошо помнивший (?) даже костюм Карла XII и очертания окопов, почему-то никак не мог вспомнить Мазепу и «объявил, что такого и имени не слышал...» (Там же, стб. 1464). «Никола Искра» был, безусловно, моложе указанного возраста и, может быть, один из приписанных в «бессмертном городе» на чужое имя...

⁸² Там же, стб. 1468 — 1469,

плетей. «Пушкин, — пишет Липранди, — хотел видеть это лицо, говорить с ним, чтобы потом иногда кого нужно покалывать «усердием к бюрократизму»⁸³.

Второе «происшествие» таково. В бендерском обществе было принято за правило, писал Липранди, «умерших или бежавших от наказания из общества не исключать, а заменять их бродягами, которые для сего и принимали имя умершего или бежавшего, так что с 1812 года из этого общества никто не умирал, никто не отлучался, а напротив, оно постепенно усиливалось вновь прибывшими бродягами, коих снабжали фальшивыми видами и приписывали к обществу. Тем более это легко было делать, что, по тогда существовавшему учреждению, если беглый и был признан, но успел уже завестись двором и усадьбой, то делался неприкосновенным. Главным деятелем и руководителем таких проделок был один малороссиянин, лет осьмидесяти, который в следственной комиссии очень резко и откровенно сказал: «Да что тут говорить, без меня Бендеры были бы пусты и пр.»⁸⁴ Далее Липранди удостоверил интерес Пушкина к подобным проделкам: «То, что сказано было о Бендерах, не могло, повторяю, не занимать Пушкина, который, конечно, первый раз слышал о подобных проделках, а потому искал пояснения всему, что только могло удовлетворить его любопытство. Каждый раз, что я приезжал в Одессу, он непременно спрашивал: нет ли чего новенького в Бендерах?»⁸⁵

Свидетельство Липранди правдоподобно потому, что оно совпадает с мнением соученика Гоголя и знакомого самого Пушкина Любича-Романовича. И не только: в нем нет логических ошибок, вскрытых выше при анализе воспоминаний, отстаивавших непричастность Пушкина к сюжету поэмы.

Местные архивы сохранили сведения о подобном промысле мертвыми душами реального лица, шляхтича Х. Терлецкого, который был в 1831 году осужден за «участие с каушанскими жителями» в выдаче бег-

---

⁸³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1466.

⁸⁴ Там же, стб. 1468 — 1469.

⁸⁵ Там же, стб. 1469.

лым свидетельств, за приписку к местному обществу и за укрывательство⁸⁶.

Реальность приписки беглых на имена усопших членов молдавских семейств и массовость этого явления подтверждаются, как мы уже видели, и достовернейшим показанием молдавского фольклора — поговоркой «тата рус, мама рус, яр Иван — молдаван!», о происхождении которой впервые писал А. И. Защук и которая фигурирует в сборниках молдавских пословиц. Эта поговорка бытует и в наши дни, но сейчас адресуется лицам, которые сбиваются по разным причинам в определении своей национальной принадлежности. Начальный ее смысл утратился⁸⁷.

Располагая, с одной стороны, достоверными сведениями о реальном промысле мертвыми душами в Бессарабии и свидетельством современников об усиленном интересе Пушкина к этой деятельности предприимчивых аферистов и, с другой стороны, зная о признании гениального автора поэмы «Мертвые души», что «сюжет» этого произведения был внушен ему именно Пушкиным, мы можем выдвинуть догадку, согласно которой в изображении деятельности Чичикова Н. В. Гоголь руководствовался сведениями о подобном промысле мертвыми душами дельцами в Бессарабии.

Есть, впрочем, и другие нити, которые ведут от специфических бессарабских условий к поэме Гоголя. Посредником в их передаче Гоголю также можно считать Пушкина.

Как уже сказано выше, Липранди свидетельствовал, что в Бендерах была поставлена на большую ногу «фабрикация фальшивой мелкой монеты и в особенности турецких пар, выделываемых просто из старых солдатских манерок; подделка ассигнаций, паспортов и других видов. Чтобы заpastись ими,— уточнил мемуарист,— стекались из отдаленных мест». Это сведение, по всей вероятности, не случайно совпадает с теми местами поэмы Гоголя, в которых Чичикову вдруг приписали и роль фальшивомонетчика.

Говорится в поэме также о раскольниках. О рас-

---

⁸⁶ Анцупов И. А. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в., с. 19.

⁸⁷ Богач Г. Дин трайста ку ворбе... Кишинэу, 1961, п. 85 — 87.

кольниках в Бендерах пишет и Липранди: «...здесь сосредоточивались всевозможные раскольничьи толки нашего исповедания и еврейского»⁸⁸.

От П. И. Долгорукова нам известен факт принятия православными иудейства⁸⁹.

Все это факты, а не анекдоты, подобные рассказам родственницы Гоголя, Павлицева и других «свидетелей», которым верить нельзя.

Может возникнуть вопрос: не противоречит ли логике приведенная здесь констатация бессарабского происхождения идеи Пушкина о скупщике «мертвых душ»? Ведь имеется большое расхождение в целях покупки мертвых душ и беглых у гоголевского героя и у бессарабских дельцов. Последние, на определенном этапе сбора документов умерших, выполняли даже какую-то положительную роль, составляя звено в мужественной антикрепостнической борьбе русского, украинского и местного молдавского крестьянства. Кроме того, скупщики, в числе которых были не только лица «низкого» происхождения вроде бендерского мещанина-малороссиянина, но и шляхтичи, и собирали документы у крестьян и продавали их тем же крестьянам.

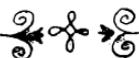
По нашему мнению, здесь противоречия нет: как и Чичиков, бессарабские дельцы, объезжавшие соседние селения и скупавшие «мертвые души», объективно выполняя — в отличие, однако, от гоголевского героя — прогрессивную функцию, были также заинтересованы исключительно в наживе.

Все это дает нам право — после того как мы отклонили возможность спекуляции мертвыми душами в России в первых десятилетиях XIX века, доказали на основании логических ошибок, вариантности и других жанровых специфических особенностей подлинный фольклоризм рассказов о скупщиках мертвых душ в XIX веке и убедились в реальности подобной деятельности аферистов в Бессарабии по снабжению беглых видами на жительство, а также в пристальном интересе поэта к такой деятельности — считать «собственный сюжет» Пушкина, уступленный затем Гоголю, имеющим именно бессарабское происхождение.

⁸⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10. стб. 1462.

⁸⁹ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 102.

Так получают свое исчерпывающее объяснение и размышления Чичикова в лирико-публицистическом отступлении, «идейной оси всей поэмы», о купленных им мертвых душах, в которых его — в данном случае и самого Гоголя, как об этом пишут специалисты, — занимают в гораздо большей степени не мертвые, а именно беглые. Те, о которых своему младшему собрату говорил Пушкин, уступая дорогой своему сердцу сюжет. Те, которые уже под чужими именами, оформленными скупщиками «мертвых душ» в Бессарабии, вдохновили Гоголя на создание его бессмертной поэмы.

ПОПРАВКА К ВОСПОМИНАНИЯМ И. П. ЛИПРАНДИ

В анонимных воспоминаниях «А. С. Пушкин в Кишиневе» имеется свидетельство, что у Инзова был слуга, «вроде мажордома», «бадя Тодор», хотя ни в одном из известных источников, в которых описан дом наместника, упоминаний об этом лице нет. «Бадя Тодор» будто бы обучал Пушкина молдавскому языку. У поэта якобы была и специальная тетрадь, куда он заносил и по которой учил молдавские слова и предложения с их русским переводом¹. В сохранившихся кишиневских тетрадях таких слов, однако, нет. Но факт этот все же правдоподобен и, подкрепленный другими свидетельствами, мог бы подтвердить интерес поэта к языку молдавского народа. Недоверие вызывают воспомина-

---

¹ См.: А. С. Пушкин в Кишиневе (по поводу пятидесятилетней годовщины смерти поэта). — Русский архив, 1899, № 6, с. 340 — 348.

ния, якобы записанные из «уст бади Тодора», о которых будет сказано ниже, и определение его возраста: он был стариком уже при Пушкине, а умер в 1884 году, то есть через добрых шестьдесят лет.

В мемуарной литературе, однако, есть сообщение и об отрицательном отношении Пушкина к молдавскому языку: в переводе на этот язык «Федры» Расина поэт будто бы не видел никакой «гармонии». Следует, однако, напомнить о том, что И. П. Липранди, от которого исходит это свидетельство², сам занимался молдавским языком, а также о том, что в мемуарах он нередко сознательно, в своих интересах, искажал правду. И в данном вопросе он тоже мог приписать Пушкину свое собственное мнение, распространенное на молдавский язык в целом. Проверить, достоверны ли эти сведения Липранди, все же можно. Выводы, к которым подводят материалы мемуариста, мы сравним с высказываниями поэта о молдавском языке и с его оценкой отдельных молдавских слов, вкрапленных им в свое творчество.

Вначале следует отметить, что отрицательное мнение о языке перевода художественного произведения (кому бы это мнение ни принадлежало!) нельзя отождествлять с суждениями о гармоничности данного языка в целом. Не отождествлял эти две категории и сам Пушкин. Сохранилось письмо поэта, отосланное им в начале 1824 года из Одессы, в котором он с негодованием говорит об одном переводе «Федры» Расина: «Кстати о гадости — читал я Федру Лобанова — хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина!.. А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии!..»

Одной из форм проверки и подтверждения или опровержения свидетельств, содержащихся в двух упомянутых малонадежных источниках, могут оказаться — если они только имеются — непосредственные высказывания поэта о данном языке. Другим средством может быть анализ на достоверность воспоминаний

---

² См.: Цявловский М. Из Пушкинианы П. И. Бартенева. — Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин. Публикации и комментарии. М., 1936, с. 548—558.

«бади Тодора» и Липранди. Фальсификацию не так уж трудно доказать. Известно, что любой фальсификатор старается представить свое изделие вполне достоверным, но, занятый фабрикацией, он не задумывается над тем, что факты или суждения, приписываемые им отдельным лицам, не могли не поразить и других contemporaneous ему мемуаристов, которые об этом как раз ничего не пишут; наряду со всевозможными анахронизмами, несуразностями и противоречивыми сведениями фальсификатор стремится доказать аутентичность своего изделия, нагромождая уйму деталей и свидетельств, наподобие злодея, запаасающегося не одним паспортом.

О воспоминаниях «бади Тодора» как о фабрикации говорить не приходится. Это объективистские записи, произведенные неизвестным почитателем Пушкина ради памяти самого поэта. Пусть в них есть анахронизмы или несуразности, которыми обычно народная память обволакивает прошлое,— регистратор в них не повинен: он фиксировал все то, что ему сообщалось. Так, кроме отмеченного выше, в этих «воспоминаниях» нам кажутся не соответствующими действительности утверждения о том, что Пушкин из заученных молдавских слов «с грехом пополам складывал предложения, большей частью не имевшие, впрочем, никакого смысла», или что фразы (фразы!), «которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду»³. Можно безошибочно утверждать, что последнее «свидетельство» возникло уже в середине века, когда в заброшенный дом Инзова нахлынули всевозможные посетители, исписавшие, как это водится, все стены и даже потолок. И вероятно, кому-то вдруг пришло в голову приписать кое-что из этого самому Пушкину (так вообще формируются предания). Затем уже вошедшее в обиход и принятое как достоверное открытие известие о целых пушкинских «фразах» на стенах ждало своего регистратора, пока и на самом деле не было впервые записано. Спрашивается: виновен ли в этой выдумке регистратор? Конечно, нет! Даже не учитывая «воспоминания» «бади Тодора», все же можно смело допустить, что у Пушкина, как и у любого при-

---

³А. С. Пушкин в Кишиневе, с. 342.

езжего, остававшегося в новом месте более или менее продолжительное время, какой-то интерес к языку местного населения должен был возникнуть. Такие слова, как «здравствуйте», «добрый день», «госпожа», «барышня», «за ваше здоровье» и другие из области приветствий и обращений, заучиваются всегда и повсюду в первую очередь. Но «бадя Тодор», повторяем, лицо вымышленное, как и тетрадь, в которую поэт якобы заносил молдавские слова.

Совсем другое наблюдаем мы в соответствующем тексте воспоминаний Липранди. Набросав пространную сцену (которую, как увидим, современники почему-то не захотели печатать и в которой он изощренно усложнил роли действующих лиц), Липранди с ходу подчинил все это нагромождение — для придания большей достоверности — доказательству весьма незначительного факта. Диспут о гармонии молдавского языка в доме К. Стамати, заключил он, пытаясь выглядеть даже наивным, «не знаю почему, попал ко мне в дневник, и здесь я рассказал его потому более, что из числа аристократических домов Кишинева Пушкин нигде не был развязнее, как в обществе Бологовского»⁴. Спрашивается: стоило ли для сообщения о столь пустяковом факте — развязности Пушкина — вмешивать в дело столько лиц и назойливо приводить такое количество доказательств об аутентичности эпизода и нельзя ли было ограничиться лишь упоминанием о нем. В других местах своих воспоминаний о Пушкине, сразу же опубликованных редактором журнала «Русский архив» Бартевым, Липранди именно так и поступал.

Этимологические увлечения мемуариста

Приведенные ниже материалы подводят к выводу о том, что вымышленным эпизодом об участии Пушкина в диспуте и сообщении о якобы отрицательных его высказываниях о гармонии молдавского языка Липранди решил подкрепить свое собственное отноше-

---

⁴ Цявловский М. Из Пушкинианы П. И. Бартева, с. 558.

ние к данному вопросу. Все свое красноречие Липранди использовал для доказательства того, что не он лично и никто другой, а именно Пушкин высказал такое мнение. О себе же мемуарист, который действительно занимался молдавским языком и присутствовал при диспуте, ничего не говорит, словно его и не было. Однако, пытаясь создать видимость полного объективизма, при всем своем большом опыте крупного сыщика Липранди все равно выдает себя с головой. Излишне запасаясь всякими доказательствами в вопросах, явно незначительных, мемуарист допускает множество противоречий и несуразностей; он один утверждает то, чего нет ни у других мемуаристов, ни у самого Пушкина⁵.

Так, в частности, обстоит дело с приписываемым Пушкину произношением нескольких молдавских слов: в числе слов, вкрапленных поэтом в свои произведения, отсутствуют как раз те, которые якобы он произносил при Липранди. В этом отношении от данных «воспоминаний» выгодно отличаются даже сведения «бади Тодора»: приведенные там два слова, не встречающиеся у Пушкина, были записаны другими мемуаристами.

Для доказательства усиленных занятий самого Липранди молдавским языком (происхождением, этимологией отдельных слов, письменностью и гармонией) познакомимся с высказываниями, имеющимися в разных местах воспоминаний. Начнем с одной из его «поправок».

Посылая письмо В. П. Горчакову, Пушкин так написал адрес: «Горчакову в Гурогулбине». Это письмо Горчаков передал биографу поэта П. Бартеневу, который привел его в своей статье с поправкой, подсказанной самим Горчаковым: не «Гурогулбин», а «Гурагалбина»⁶. И у Пушкина и у Горчакова (соответственно — у П. Бартенева) написание ошибочно: по-молдавски наименование села, расположенного на реке Ю-

---

⁵ См.: Богач Г. Молдавские слова в творчестве А. С. Пушкина. — Анале штиинцифиче. Академия де Штиинце дин РСС Молдовеняскэ. Институтул де Лимбэ ши Литературэ. Кишинэу, 1961, р. 119 — 148.

⁶ См.: Бартенева П. Пушкин в Южной России. — Русский архив, 1866, № 8 — 9, стб. 1177, 1178, сноска 86.

ГЫЛЬНИК (в Чимишлийском районе Молдавской ССР), пишется правильно так «Гура Галбенэ». (Сделаем профессиональную поправку: языковед возразит, что вместо нашего «написание ошибочно» следует сказать иначе: «транскрипция ошибочна», так как дело здесь в сложности передачи специфических звуков, для которых в русском алфавите нет специальных знаков. В частности, конечный звук в слове «галбенэ» лишь приблизительно соответствует звуку, передаваемому по-русски знаком э, отчего почти все молдавские э в топонимах издавна передаются через знак а, как и в данном случае: «галбина».)

В заметках на статью Бартенева И. П. Липранди придрался к написанию и толкованию топонима «Гурагалбина» (у Пушкина «Гурогулбин»): «В выноске (86) — вместо Гурогулбин следует Гура Галбина, то есть желтая гора, или гора Червонцев. Червонец по-молдавски — галбина. Гура-Галбина — именье известного оригинала, камергера Янки Балш. Вигель в воспоминаниях своих (часть седьмая, гл. 1) в выноске говорит, что «Гура» по-молдавски значит «устье реки или речки». Откуда он взял это? Впрочем, воспоминания его — большей частью лишь набор вымыслов и вздора. Гура Роша; Гура Сарацика; Ма-Гура и т. п. в Бессарабии не устья реки или речки, а горы, точно так же как и Гура Галбина»⁷.

«Набор вымыслов и вздора» не у Вигеля, который дал совершенно правильный перевод молдавского этнописического термина «гура» — «устье», а у самого Липранди. В трех из приведенных им примеров Гура (латинское *gula*) означает «устье». Слово же «мэгура» — «изолированный холм», «небольшая возвышенность» (ср. албанское — *maguls* и новогреческое *μαγουλον* — «ягодица»): — совершенно произвольно разделено мемуаристом на два слова.

Мы вправе просить, как и сам мемуарист: «Откуда он взял это?» Почему, противореча истине, переданной Вигелем, Липранди утверждал, что молдавское «гурэ» означает «гора», а не «устье»?

Ответ на этот вопрос дает Липранди в своих выска-

---

⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1427, 1428.

званиях, где он стремится опровергнуть мнение всех тех, кто считал молдавский язык латинского происхождения, всех молдаван и валахов, считавших себя потомками римлян, а также отвергает любые попытки молдо-валахов сблизить себя с романским Западом. Он даже подготовил статью «Об усилении молдо-валахов произвести себя от римлян»⁸. Одержимый ненавистью ко всему латинскому в молдо-румынском языке, Липранди был готов совсем безосновательно не одно слово этого языка считать славянским. Так поступил он и в данном случае, опираясь на случайную фонетическую близость молдавского «гурэ» с русским «гора».

В другом месте воспоминаний Липранди набросал следующее: «На юго-запад от Аккермана есть несколько небольших озер, из коих только в одном пресная вода. Озерко это названо было чабанами Лакул-Овиолуй, то есть Овечье озеро, или Озеро овец, потому что оно было единственное, к которому они подгоняли стада для водопоя. Овцы по-молдавски Овио. Очень хорошо помню, что, когда Пушкин услышал эти объяснения, он расхохотался и заметил, что Свиньину следовало тут как-нибудь припутать и Лукулла и т. п.»⁹. Однако и здесь Липранди не прав: «Озеро овец» на молдавском языке надо передавать не через «Лакул-Овиолуй» (полная бессмыслица!), а через «Лакул Оилор»; «овца» по-молдавски не «овио», как с удивительной смелостью утверждает он, а «оае» (читается: «уоайе», мн. число «ой», «оиле»). Да к тому же и озера такого вовсе нет «на юго-запад от Аккермана».

Липранди пишет, что, сблизившись с Западом, молдаване стали заменять славянский шрифт и исконные славянские слова словами романского происхождения. В качестве примера он привел три слова, в том числе это же существительное «гура», которое якобы оказалось замененным молдаванами в их западной ориентации словом «монтина». Но это неверно — такого заимствования не было! Исконное молдавское слово «мунте» (латинское *montem*), обозначающее «гора», никогда и никем, кроме одного Липранди, не заменялось. Другие

---

⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1428, сноска 68.

⁹ Там же.

два слова, приведенные мемуаристом, действительно являются заимствованиями: «амурезу» (правильно «аморезул») и «инзула» (правильно «инсула») для понятий «любовник» и «остров».

Упомянув в мемуарах несколько собственных молдавских имен, Липранди «заметил»: «...в Молдавии бояре принимают фамилии от главных поместий; так одни Роскеты приняли название от Рознова и сделались Рознованы; другие Роскеты, от Баланешты, назвались Баланески. Кантакузины в Молдавии назвались Пашканы и т. д. Некоторые из упомянутых Роскетов без основания производят себя от Рагузских Розеты»¹⁰.

Этимологическими увлечениями Липранди можно объяснить и его попытку истолковать молдавский антропоним «Иордаки». Он писал, что более правильной формой является «Иоргаки»: «Правильней Иоргаки от Иорго, Георгий»¹¹. Правильны обе формы, укоренившиеся в обиходе, скажет языковед.

Примеров, доказывающих интерес к этимологическим занятиям Липранди, приведено достаточно. На их основании можно предположить, что его занимал и вопрос о гармонии этого языка и что в доме Стамати мемуарист не молчал, а участвовал в диспуте, больше того — рьяно опровергал наличие гармонии и пытался убедить в этом Пушкина. По-видимому, ничего не добившись в Кишиневе, он после гибели поэта приписал ему свое мнение в мемуарах. Конечно, Липранди волен был заниматься вопросами, касающимися молдавского языка. Но зачем было приписывать свои суждения и выводы Пушкину? Ответ один: для придания им большей научной весомости! Такой ответ первым дал редактор журнала «Русский архив» П. Бартнев, консультантом которого по мемуарам Липранди был В. П. Горчаков. Бартнев исключил весь этот текст, который впервые был обнародован М. А. Цявловским¹², а затем по авторизованной писарской копии с подстрочными примечаниями В. П. Горчакова соста-

¹⁰ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 8—9, стб. 1233, сноска 13.

¹¹ Там же, № 10, стб. 1411.

¹² Цявловский М. А. Из Пушкинианы: П. И. Бартнева, с. 555 и след.

вителями книги «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников»¹³.

Впрочем, следы влияния Липранди на Пушкина в вопросе этимологии молдавского языка имеются. В конце 1836 года поэт писал: «Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских и других наречий славянских». «Молдавское наречие» отнесено здесь Пушкиным к группе славянских языков. Если в период пребывания на юге Пушкин был такого же мнения, то можно считать это суждение не итогом самостоятельных изысканий, а мнением, внушенным ему знакомым по Кишиневу И. П. Липранди, так как именно он занимался этимологией молдавских слов и старательно возводил их к славянскому корню.

В воспоминаниях Липранди о взаимоотношениях Пушкина с молдавским поэтом и переводчиком «Федры» К. Стамати нетрудно уловить следующее: изображая Пушкина в различных ипостасях великодержавного, неуимчивого и неразумного насмешника и над молдаванами и над их языком, мемуарист помимо своей воли почему-то вынужден был всякий раз отмечать либо совершенно противоположное мнение поэта, либо его серьезность и глубокое понимание обсуждаемого вопроса. Вот примеры. Прежде Пушкин был хорошего мнения о молдаванах. Затем же, «можно» почти с уверенностью сказать», что после того как сам Липранди невыгодно обрисовал молдаван, «Пушкин начал смотреть на них с более верной точки зрения и так сообразовать свой образ обращения с ними»¹⁴. Далее автор воспоминаний говорит, что в Кишиневе молодые молдаване были все время около Пушкина. Почему же это так? Не потому ли, что Пушкин «с более верной точки зрения» «стал сообразовать свой образ обращения с ними»?

Достоин внимания и другое: сведения, сообщенные

---

¹³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М., 1974, с. 285 — 349.

¹⁴ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1423.

Липранди по вопросу о гармонии языка, стоят совершенно изолированно среди довольно многочисленных воспоминаний современников о кишиневском периоде жизни поэта. В. П. Горчаков тоже был свидетелем каких-то разговоров в Кишиневе о молдавском языке. Присутствовал он и тогда, когда обсуждался вопрос о гармонии молдавского языка в переводе «Федры». Вот сноска Горчакова к соответствующему тексту своих воспоминаний: «Г[осподин] Стамати, действительно, перевел «Федру» на молдавский язык; но, сохраняя должное уважение к его личным достоинствам и образованию, нельзя было не согласиться, что выходили странные звуки; а между тем Стамати слыл стихотворцем»¹⁵.

Из приведенной цитаты явствует, что Горчаков тоже отрицал гармонию перевода и что еще кто-то из присутствовавших разделял данное мнение. Спрашивается: если это был Пушкин, то почему же Горчаков, писавший о поэте, не сказал об этом прямо?

Другим молдавским «стихотворцем» в Кишиневе был тогда Янко Руссо. К этому молдавскому поэту Липранди относился тоже отрицательно и приписывал такое же отношение к нему Пушкина. Однако в одном и том же предложении мемуарист проговаривается и тем самым сам себя опровергает: «Пушкин чувствовал к нему (Янку Руссо.— Г. Б.) антипатию, которую скрывать не мог, и полагаю, что к этой ненависти много содействовало и то, что Руссо не был обычного направления тогдашней кишиневской молодежи, увивавшейся за Пушкиным»¹⁶. Вполне возможно, что Пушкин действительно ненавидел Руссо; вполне возможно, что не был ему по душе и Стамати, как говорит Липранди. Но и в таком случае об этом мемуарист должен был говорить в первую очередь и лишь потом об исключениях, о частностях! Но главное в другом: если об отрицательном отношении Пушкина к молдавским поэтам Стамати и Руссо пишет из всех мемуаристов один только Липранди, то об уважении, которым Пушкин пользовался у молодежи, свидетельствуют и сам поэт и его современники. В 1824 году Воронцов доносил,

---

¹⁵ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине, с. 243, сноска.

¹⁶ Цявловский М. Из Пушкинианы П. И. Бартенева, с. 555 — 556.

Что Пушкина следует убрать и из Одессы и из Тирасполя, потому что его почитатели, «молодые бояре», то есть молдаване, и там смогут создать вместе с Пушкиным «скверное общество»¹⁷. А. Ф. Вельтман писал, что «живым нравом и остротой ума Пушкин вскоре покори́л и внимание молдавского общества; все оригинально-странное не ушло от его колючих эпиграмм, несмотря на то что он их бросал в разговоры как будто только по одной привычке: память молодежи их ловила на лету и носилась с ними по городу»¹⁸.

Несуразности, противоречия, инсинуации

Обратив внимание на общие особенности данного «воспоминания» Липранди, познакомимся с той его частью, в которой речь идет об отсутствии гармонии в молдавском языке. Воспроизведем прежде всего сноску к соответствующему тексту: «Однажды,— пишет Липранди,— когда мы проходили с Пушкиным мимо дома Стамати, этот сидел на крыльце; поклонившись, мы обменялись несколькими словами, не останавливаясь; но спутник мой пожелал, чтобы я завел его посмотреть Анакреона, поставленного в честь Свиныну. Я остановился и отнесся с какой-то речью к Стамати, он поспешил пригласить нас. Мы сели на крыльце же, прохладяясь тотчас поданной дульчецей. Чтобы скорей окончить посещение, я просил Стамати показать Пушкину свой садик с обелиском, что тотчас и было исполнено. Хозяин был в восхищении от посещения его Пушкиным и пригласил нас на другой день обедать, но спутник мой под вымышленным предлогом отложил это до другого раза. На вопрос мой, когда мы от него вышли, почему он отказался, тем более что Стамати хорошо угощает, Пушкин отвечал: «Что же толку в том: после обеда он непременно бы перевернул всю внутренность мою своею «Федрой»; он во что бы то ни стало хочет мне прочесть ее от доски до доски,

¹⁷ Александр Сергеевич Пушкин. Под ред. П. А. Ефремова. — Русская старина. 1879, кн. 10, с. 292.

¹⁸ Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 275 — 276.

а я не выдержал бы, чтобы не расхохотаться, что было бы невежливо у него в доме»¹⁹.

По поводу воспроизведенной здесь сноски следует обратить внимание на следующие—так в лучшем случае можем мы их назвать—несуразности. Неужели Стамати так и думал, что для оценки языка своего перевода надо было читать этот перевод «от доски до доски»? Неужели Стамати, так пытавшийся сблизиться с Пушкиным и так обрадовавшийся его посещению, хотя поэт готов был, по словам Липранди, расхохотаться над его литературным изделием, не чувствовал этого пренебрежения? Это напоминает противоречивое мнение мемуариста о молдавской молодежи, увивавшейся за Пушкиным, который—за эту же привязанность, что ли?—мог ее просто ненавидеть!

Перейдем к основной части отрывка. Ее текст воспроизводится ниже. Затем следуют наши комментарии.

«Стамати пустился писать с такой смелостью, что начал переводить на молдавский язык трагедии Вольтера и Расина»²⁰.

В аффективном «пустился писать с такой смелостью» мемуарист мог подразумевать либо то, что для Стамати занятия литературой были не под силу из-за недостатка одаренности или образования, либо то, что на молдавский язык невозможно и не следовало бы переводить французскую изящную литературу (такое мнение в то время существовало!).

Если предположить, что «верно» первое, то Липранди вступает в противоречие с мнением другого современника об этом молдавском писателе: В. П. Горчаков говорит о «личных достоинствах и образовании» К. Стамати, у которого была и неплохая библиотека.

Если «верно» второе—невозможность художественных переводов на молдавский язык, то, следовательно, Липранди, как и другие современники, настроенные великодержавно, не знал, что в Молдавии Вольтера, Расина и других переводили уже в XVIII веке.

---

¹⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 347, сноска.

²⁰ Комментируемые здесь и далее цитаты приводятся по тексту: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 346—349.

«Пушкин встречал его в разных домах, и, несмотря на все усилия Стамати сблизиться с нашим поэтом, этот был равнодушен к вызовам первого прослушать перевод «Федры», чтобы оценить гармонию молдавского языка. Пушкин постоянно отклонялся, довольствуясь уже тем, что слышал некоторые отрывки, повторенные в каком-то обществе и заставившие Пушкина помирать со смеху».

Противоречия. Пушкин был безразличен к языку перевода «Федры» и «постоянно отклонял» его прослушивание. Однако он однажды «слышал некоторые отрывки», а затем прослушивал чтение уже вторично. Наконец, будучи настолько безразличным, «равнодушным» к языку перевода, он в то же время, слушая чтение, «помирал со смеху».

Ложное отождествление. Гармония «молдавского языка» — это не гармония языка художественного перевода. Гармонию «молдавского языка» Пушкин имел возможность проверить в Кишиневе не только на примере данного перевода.

Прав Липранди в том, что Стамати стремился сблизиться с Пушкиным. Уже в 1824 году он перевел первым на язык одного из народов России «Кавказского пленника» с его «блистательными выражениями».

«Д. Н. Бологовский, при высшем своем образовании, был не чужд иногда потешиться кой-какими сценами вроде того, как это было с Дино Руссо; так и здесь ему хотелось свести Пушкина с Стамати. После обеда он (Д. Н. Бологовский. — Г. Б.) пригласил бессарабского поэта прочитать свою пьесу, прибавив, что, не зная молдавского языка, он желает слышать гармонию стихов и что Пушкин по принадлежности будет судьей».

Противоречия. Только что мемуарист утверждал, что сам Стамати не раз вызывался прочесть свой перевод. Здесь же сказано, что пригласил бессарабского поэта прочитать свою пьесу Бологовский. Выше мемуарист писал, что Стамати хотел, чтобы Пушкин оценил гармонию языка, а здесь оказывается, что это было

желанием не Стамати, а Бологовского и что Пушкин будет «по принадлежности» лишь судьей.

Совершенно очевидно, что Липранди спутал роли (невольнo или, что вернее, умышленно!): если Пушкин должен был выполнять роль судьи, значит, уже до этого был какой-то спор и были оппоненты. Одним из них был Стамати, намеревавшийся защищать наличие гармонии, а оппонентом, опровергавшим гармонию стихов, был Бологовский. Значит, судя по этому, Пушкин не принимал участия в диспуте (ниже будут приведены доказательства, что истинными оппонентами Стамати были Бологовский и сам Липранди!).

«Чтение при общем молчании началось; но так как длинно было бы читать всю трагедию, Пушкин предложил избрать какое-либо место, по которому можно будет судить о языке и всей пьесе, и очень серьезно назвал это место Стамати. Пушкин сел против Дмитрия Николаевича, и глаза их устремились друг на друга с более или менее сдержанной улыбкой. Но когда дошло до места, которого Пушкин переварить никак не мог, то он разразился смехом, за ним другие, а там и Бологовский, хотя и сдержаннее других; и как бы относя смех свой не к произнесенным словам читавшего, а более к Пушкину, спрашивая его, что он тут находит смешного? Смеялся и сам Стамати».

Противоречия. Функция «судьи», которую принял на себя Пушкин, не согласуется с предвзятостью, которую он якобы скрывал за своей «сдержанной улыбкой»; хитрый и высокообразованный аристократ Бологовский, устремивший свой взгляд на Пушкина, якобы так же предвзято относившегося к переводу, почему-то по-мещански увертливо скрывает свое истинное отношение к читаемому. Сдерживая — как хозяин, что ли? — свой смех, гостеприимный аристократ не стесняется сделать виновником конфуза своего гостя — Пушкина!

А почему «смеялся и сам Стамати»? Не из-за того ли, что доказываемый им тезис — пригодность молдавского языка для перевода французской изящной лите-

ратуры или наличие гармонии в языке перевода — высеивается, и уже не в первый раз?

«Помилуйте, ваше превосходительство, может быть, это очень хорошо, очень грамотно, очень верно передано, но какая же гармония в чифаче Ипполит? и в ответ: бояру? Саракуаль Мурит!»

Несуразности. Отсутствие гармонии Пушкин пытается доказать не Стамати, наиболее заинтересованному лицу, а Бологовскому. Верность и грамотность перевода как бы противопоставлены здесь «гармонии», в то время как первые два качества в художественных переводах уже неизбежно включают и третье (гармоничность). Незаурядная память у мемуариста, который не участвовал в диспуте, но запомнил две реплики! Однако наличие этих реплик в переводе Стамати в форме, переданной мемуаристом, очень сомнительно. Если же они и имелись в прочитанном тексте, то он, этот текст, не был даже вольным переводом, а скорее какой-то адаптацией. Куцым репликам, приведенным мемуаристом, соответствуют в оригинале три с половиной строки в реплике Тезеи и полторы строки в реплике Терамены.

Молдавский же текст, приведенный мемуаристом с ошибками, передает только следующее:

Тезея

— Как поживает Ипполит?

Терамена

— Боярин? Бедняжка умер!

Отметим и совершенно неправильную транскрипцию молдавского текста. Следует:

— Че фаче Иполит?

— Боерул? Сэракул а мурит!

«Все, вместе с молдавским поэтом, смеялись, но Бологовский поддерживал, что особенно неприятного для слуха он ничего не находит. Это одушевило Стамати, начавшего произносить из перевода еще кой-какие места. Но Пушкин и слышать не хотел о гармонии языка и, обратясь к Стамати, сказал ему, что он очень хорошо делает, занимаясь литературой и, в особенности, не придерживаясь, как это делают теперь запрутские, вводя латинские и французские слова и вытесняя из

языка славянские и пр.; но чтобы о гармонии для европейского уха не было бы и речи; это все равно, если бы уверяли, что цыганские хоры лучше хороших европейских оркестров».

И н с и н у а ц и я. Не Пушкин, у которого по данному вопросу нет ни единого высказывания, а сам Липранди осуждал (но уже гораздо позже!) ориентацию на Запад в молдавском языке. Вот доказательства, частично уже приведенные выше. В 1866 году Липранди писал: «Не с большим тридцать лет тому назад (то есть в середине тридцатых годов.— Г. Б.) как молдо-валахи, начав сближаться с Западом, стали производить себя от римлян и переделывать как изображения букв, так и носившиеся с незапамятных времен названия славянские и начали писать ныне вместо остров — инзула, вместо любовник — амурезу, гура — монтина и т. п., но к народу это туго прививается, и он сохраняет прежние названия». Это вполне справедливое для указанного периода замечание Липранди дополнил сноской: «Я мог бы сказать многое по сему предмету, но здесь было бы это неуместно. Несколькими годами назад у меня были приготовлены статьи под заглавием: «Об усилении молдо-валахов произвести себя от римлян», но я оставил их ненапечатанными». В отрывке, который мы здесь воспроизводим, мемуарист сам указал периоды культурной ориентации в Молдавии. И это верное указание говорит о том, что в 1823 году Пушкин не мог хвалить выдуманное предпочтение французскому языку. «В то время (то есть в 1823 году),— писал Липранди,— Париж не был еще знаком молдаванам, как это ныне (то есть в 1866 году.— Г. Б.). До букарестского мира (1812 год.— Г. Б.) «киблой» (идеалом.— Г. Б.) их была Россия, потом, благодаря нашей дипломатии <...> Вена сделалась их предметом, а с 1830 года — Париж»²¹.

Совершенно очевидно, что для большей убедительности своих утверждений Липранди в данном случае прибегнул к подтасовке, приписывая свое мнение о молдавском языке авторитету Пушкина («доводы к человеку»). Отметим также и предвзятость мемуариста— предвзятость, также приписываемую им Пушкину,— в сравнении местных оркестров народных музыкантов—

²¹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1482.

слушачей с... «хорошими европейскими оркестрами». Уточним, что слово «хора» в тексте мемуариста означает небольшой оркестр народных инструментов.

Противоречия. Только что мемуарист утверждал, что, хотя и сдержаннее других, Бологовский присоединился к общему смеху; здесь же он свидетельствует, что, преобразившись и выступая против всех вместе с молдавским поэтом, Бологовский вдруг стал подерживать как раз обратное; «одушевившись», Стамати стал якобы произносить «еще кой-какие места», в то время как из предыдущего изложения вытекает, что по принятому условию и указанию Пушкина нужное место уже было однажды выбрано.

Несуразность. После невероятного конфуза, после того как даже и сам судья якобы разразился смехом, который должен был хотя бы смутить молдавского автора, Стамати вдруг, не обращая внимания на мнение Пушкина и даже нарушая его указание, стал читать новые места...

«Пушкин, видимо, разжигался; казалось, что он уже не мог видеть, что Бологовский, как хозяин и как охотник до подобных потех, не мог прямо разделять его мнение. Пушкин не понимал, что уклончивым отзывом Дмитрий Николаевич вызывал на арену самого Стамати...»

Несуразности. Обсуждение молдавского литературного языка перевода трагедии тонкого Расина Липранди называет «потехой»! Отзыв Бологовского, который с предвзятостью относился к гармонии молдавского языка, но не высказал прямо своего мнения, а в уже прочитанном «особенно неприятного для слуха» не находил, Липранди называет «уклончивым».

Ну и недалеким же был этот Пушкин, который не понял тонкого маневра высокообразованного аристократа Бологовского, вызвавшего таким путем на арену самого Стамати... На какую арену? Состязаться с кем, если все, в том числе и Бологовский, были едины в отрицании гармонии. Не уместнее ли предположить в данном случае, что непричастно и изумленно слушал полемику сам Стамати, полемику по данному вопросу между Липранди и Бологовским, отрицавшими гармонию, и Пушкиным?!

(Пушкин) «начал приводить разные молдаванские слова, которые для нашего уха действительно одни как-то дики, другие смешны, и, наконец, присовокупил: «Да вот как, ваше превосходительство, если бы вам пришлось отвечать кому-либо на письмо из России, в котором вас спрашивают о вашем адресе, как поживаете, дорого или дешево жить, какие деньги ходят здесь и пр., то вам пришлось бы отвечать, что живете вы в Читате-ди-жос, возле Бессерики Бонавестины; в кассе исправника Еманди; что кила пшеницы стоит здесь 1 махмудье» и т. п., то есть в Нижнем городе, возле церкви Благовещения, в доме исправника Еманди; кила (весовая мера) продается за махмудье (золотая монета в общем обращении — тогда 25 левов) и т. п. «Хорошо примут эту гармонию у нас в России!..» Затем следовали еще несколько примеров, при общем смехе, в котором принимал немалое участие и сам Стамати, свертывая свою рукопись».

Ни одного из этих приведенных Липранди слов нет ни у Пушкина, ни у Вельтмана, так щедро употреблявшего в своем «Страннике» и в рассказах молдавские слова!

Участие самого Стамати в «потехе», по расчетам мемуариста, должно играть роль решающего аргумента для подтверждения его собственного тезиса об отсутствии гармонии в молдавском языке в целом. Указывая на Стамати, Липранди хотел доказать этим правдивость своих мемуарных «свидетельств» по теории «решающего опыта» (*experimentum crucis*).

«Когда бессарабский поэт ушел, Бологовский взял под руку Пушкина и, ведя его в кабинет, сказал ему по-французски, чтобы он написал все то, что он сказал, потому что именно он получил письмо такого содержания из Петербурга от сослуживца своего Обрезкова и хочет удовлетворить его. Пушкин написал. Посмеявшись еще, разошлись».

Нагромождение деталей («взял под руку», «сказал ему по-французски») и удивительное совпадение набо-

ра слов, якобы произнесенных Пушкиным, как раз с предполагаемым ответом сослуживцу из Петербурга «Обрезкову» — яркие доказательства из арсенала всевозможных мистификаторов для придания большей достоверности своим фабрикациям. Однако известно, что тот, кто слишком много доказывает, ничего не докажет (*nimum probat, nihil probat*).

«Посмеявшись еще, разошлись» — композиционный прием автора, последний его мазок к зарисовке «пo-техи».

«Этот эпизод, не знаю почему, попал ко мне в дневник, и здесь я рассказал его потому более, что из числа аристократических домов Кишинева Пушкин нигде не был развязнее, как в обществе Бологовского».

«Не знаю почему» — очевидная симуляция наивности. Мемуарист противоречит истине и в том, что только у Бологовского Пушкин был развязным».

Именно этот «основной» тезис Липранди (чрезмерная «развязность» Пушкина только в обществе Бологовского) оказывается несостоятельным. В 1822 году, например, он был готов где угодно — на улице, на площади (не говоря уже о домах) — и кому угодно — друзьям, недругам, в присутствии слуг и вовсе незнакомым лицам — высказывать не только свои суждения о каких-либо современниках или, как в нашем случае, говорить об отсутствии гармонии в молдавском языке, но и делать смелые выводы политического характера. Один из современников Пушкина, П. И. Долгоруков, доказывая тем самым несостоятельность тезиса Липранди, пишет: (Пушкин) «всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку»²².

Из другого места дневника узнаем, что уже в доме Инзова, в присутствии не одного чиновника, «Пушкин рассуждал за столом о нравственности нашего века, отчего русские своего языка гнушаются, отчизне цены

---

²² Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 27.

не знают, порочил невежество духовенства...»²³ Два месяца спустя у того же наместника Пушкин, который якобы нигде «не был развязнее, как в обществе Бологовского» (которого, кстати, за столом как раз и не было!), «составляя, так сказать, душу нашего собрания, рассказывал по обыкновению разные анекдоты, потом начал рассуждать о Наполеоновском походе, о тогдашних политических переворотах в Европе и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм...». Речь идет об уже приводимом высказывании поэта о неизбежной победе народов над королями²⁴.

Подобных доказательств, опровергающих основной тезис Липранди, немало.

«Коронное» свидетельство Липранди о чрезвычайно близком знакомстве Пушкина с Бологовским вызывает подозрение и по следующим соображениям. Позже, в 1834 году, в дневнике Пушкин дал ему не совсем выгодную характеристику, которую, судя по контексту, он мог бы дать и в кишиневский период: «Генерал Болховской (так поэт называет здесь Бологовского.— Г. Б.) хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?»— «Что я видел?— возразил Болховский.— Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую ж<...> государыни» (Екатерины II-ой, в день ее смерти)».

Кроме всего этого, злополучная часть воспоминаний Липранди, в которой содержатся сведения об отрицательном отношении Пушкина не только к языку перевода художественного произведения, но и к молдавскому языку в целом, почему-то не была опубликована журналом «Русский архив», куда по просьбе его издателя П. Бартенева Липранди выслал полный текст своих «заметок».

Купюру произвел сам Бартенев. Из текста, присланного мемуаристом, он исключил всего три отрывка, обнаруженные гораздо позже и опубликованные в 1936

---

²³ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни..., с. 66.

²⁴ Там же, с. 88.

году. Публикатор и комментатор этих отрывков М. А. Цявловский нашел совершенно справедливое обоснование лишь для первой купюры, с которой согласились два друга Пушкина по Кишиневу — В. П. Горчаков и А. Ф. Вельтман. Речь здесь идет о поступке Пушкина, вздумавшего как-то за столом напомнить Д. Н. Бологовскому об его участии в убийстве царя Павла. Приведя соответствующее место из письма Липранди к Бартеневу и публикуя опущенный эпизод, советский ученый дал следующее объяснение: «Вполне понятно, почему В. П. Горчаков, Бартенева и Липранди решили исключить рассказ последнего о случае с Бологовским. Напоминать в печати лишний раз об убийстве Павла им, людям монархического убеждения, конечно, как выражается Липранди, «было неловко». Благодаря этому из воспоминаний о Пушкине и был изъят любопытнейший рассказ о поэте, так ярко характеризующий его «неумчивость» и склонность к озорным выходкам, в которых ему приходилось потом раскаиваться»²⁵.

Двум другим купюрам, наводя их интересными, публикатор не дал никакого объяснения. Допустим, что и эти два сокращения не случайны. Собрав по письменным источникам и по вопросам современников и ближайших друзей Пушкина обильный материал о пребывании поэта на юге, Бартенева, по нашему предположению, исключил эти два отрывка потому, что содержащиеся в них сведения не нашли подтверждения или, больше того, противоречили установленной им действительности. Данные, сообщаемые в этих отрывках, могли опровергнуть не только Бартенева, но и друзья Пушкина В. П. Горчаков и А. Ф. Вельтман, которые читали их в рукописи. Более того, оказывается, сам Липранди боялся разоблачения. В письме к Бартенева от 10 июля 1866 года он пишет: «Я желал бы знать, много ли нашел он (В. П. Горчаков.— Г. Б.) в моих очерках несогласного с его взглядом, а равно и Александр Фомич Вельтман»²⁶. Проговорившись, Липранди дает возможность усомниться в достоверности сведений, приведенных в этой купюре, которые полны несуразностями и противоречиями и не только не сог-

---

²⁵ Цявловский М. Из Пушкинианы П. И. Бартенева, с. 552 — 553 .

²⁶ Там же, с. 552.

ласуются с воспоминаниями других мемуаристов, но и противостоят им.

А вот что стало известно совсем недавно.

В 1974 году в «Серии литературных мемуаров» вышел часто цитированный нами выше двухтомник «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». Здесь впервые воспоминания И. П. Липранди воспроизведены по писарской копии, авторизованной и выправленной, а в сносках с некоторыми примечаниями В. П. Горчакова. Отметим составители и варианты текста, возникшие по указанию В. П. Горчакова.

В примечаниях В. П. Горчакова сделаны существенные поправки к оценкам и утверждениям мемуариста, касающимся кишиневского общества и самого Пушкина. Из многих поправок Горчакова, опровергающих утверждения Липранди, приведем имеющую непосредственное отношение к вскрываемому здесь шовинизму мемуариста. В тексте Липранди речь идет о том, что он советовал Пушкину, и уже не впервые, не брать «прямо у греков книг» и что Пушкин его послушался, как и тогда, когда Липранди посоветовал поэту смотреть на молдавских бояр с чувством своего «русского» превосходства, то есть насмешливо и издевательски...²⁷ К этому тексту на полях той же страницы Горчаков своей рукой написал следующие разоблачительные строки: «И[ван] П[етрович], постоянно и явно выражающий свое презрение к молдаванам, валахам и грекам, из участного самолюбия в ограду Пушкину мог придумать подобную хитрость, но принять ее к делу Пушкин мог согласиться только шутя»²⁸. Документальное значение имеет для нас следующее: а) Липранди «постоянно и явно выражал свое презрение к молдаванам...»; б) «...принять ее (хитрость.— Г. Б.) к делу Пушкин мог согласиться только шутя».

Все изложенное выше убеждает в том, что в анализируемом отрывке воспоминаний Липранди содержится явная мистификация, умышленная подмена лиц и плохо прикрытое сведение личных счетов мемуариста с ненавистными ему молдаванами. К сожалению, у Лип-

---

²⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1423.

²⁸ [Горчаков В. П.] Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 293, сноска вторая.

ранди это не единственная ложь и мистификация. Многие из его выдумок уже разоблачены, но еще многое в этом же направлении следует сделать. Изысканного провокатора, шпиона и предателя, так невыгодно и ложно обрисовавшего великого поэта даже в незначительном с виду эпизоде, следует тщательно проверять и в мелочах, тем более потому, что уже весьма длительное время его «воспоминания» используются как ценнейшие и достовернейшие материалы для освещения кишиневского периода жизни и творчества Пушкина. Мы оправдываем допущенные нами длинноты и следующей цитатой, доказывающей, что с 1936 года, времени опубликования купюры, на протяжении нескольких лет все факты, изложенные в ней, были приняты без малейших оговорок.

Один из авторов об этом писал так: «Поэт [Пушкин] очень трудно переносил интеллектуальное превосходство других. В нашем же случае вдруг появляется переводчик, который без страха начинает переводить на румынский язык наиболее трудные произведения французской литературы. И в самом деле: со стороны Стамати, при всем его даровании, было большой смелостью браться за перевод Вольтера и Расина. Думаем, что мы не ошибемся в утверждении, что эти переводы не могли не быть слабыми. Добавьте к тому же превосходное знание Пушкиным французского языка. По сравнению с текстом оригинала перевод мог показаться ему ребячеством или, возможно, профанацией...»²⁹

Истинное отношение Пушкина к молдавскому языку

Непосредственных высказываний о языке каких-либо молдавских художественных произведений или переводов (о чем позже писал Липранди) у Пушкина нет. Известны, однако, положительная оценка отдельных молдавских слов с точки зрения их благозвучия и одновременно на первый взгляд отрицательное суждение о новых для него языках, с которыми поэт столкнулся на юге.

---

²⁹ Boldur A. V. Contributii la Istoria Romanilor. Istoria Basarabiei. Vol. 3. Chisinau, 1940, p. 55.

В начале 1823 года Пушкин написал стихотворение «Чиновник и поэт». Произведение это осталось незаконченным и впервые было опубликовано Б. В. Томашевским лишь в 1930 году. (Будь оно напечатано при жизни поэта или мемуариста Липранди, последний, по всей вероятности, не посмел бы говорить о Пушкине как о насмешнике над иноязычием!)

Стихотворение построено в виде диалога между чиновником и поэтом. Чиновник хотел бы сопровождать поэта в прогулке за городом, поэт же хочет гулять по базару:

— Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар,
И спор, и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение.
Люблю толпу, лохмотья, шум
И жадной черни (лай?) свободный.

В авторском черновике текстологи прочли следующие отвергнутые варианты, показывающие как нельзя лучше истинное отношение поэта к «черни», к базарному гомону различных «племен» и «состояний»: «Люблю толкаться меж народа», «Люблю признаться (шум) крик народа», «Люблю я черни шум свободный», «Люблю я чернь», «И говор черни» и т. д.

Следовательно, как в беловом автографе, так и в черновике поэт не только не осуждает иноязычную речь, но даже, наоборот, говорит о своей любви к разговорам разноплеменной черни.

Есть в творчестве Пушкина непосредственное и очень лестное мнение о благозвучии отдельных молдавских слов: молдавский (он же и цыганский) антропоним «Мариула» поэт воспринимал как слово чрезвычайно нежное:

В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

В отвергнутых вариантах последние стихи читаются:

И нежны имена твердил
Земфиры, милой Мариулы
(Рали, Земфиры, Мариулы).

Это свидетельствует о поисках поэтом эпитета не для одного, а уже для ряда антропонимов. В «Евгений Онегине» поэт говорит, что в Бессарабии его муза

...позабыла речь богов
Для скудных, странных языков
Для песен степи, ей любезной.

В черновике последние стихи выглядели иначе:

И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи ей любезной.

Множественное число существительного «языки», повторенное и в черновике и в окончательном тексте, по всей вероятности, означает, что поэт в данном случае подразумевает как цыганский, так и молдавский язык, на которых в Молдавии с детских лет разговаривают все цыгане и с которыми он мог познакомиться на юге. Оценивает их поэт как будто отрицательно: по черновику эти новые языки — «странные», в окончательной редакции — и «скудные» и «странные».

Оба эпитета — «скудный» и «странный» — казалось бы, противоречат эпитету «нежный», которым Пушкин охарактеризовал ряд молдавских антропонимов, и прежним высказываниям о его любви к говору черни и о музыкальной одаренности жителей Бессарабии; они заставляют нас обратиться к высказываниям современников и творчеству самого поэта для того, чтобы выяснить смысл, который вкладывался тогда в понятие гармонии.

В. П. Горчаков, имея в виду тот же диспут о языке молдавского перевода «Федры», говорил определенно о фонетизме молдавских слов: в языке перевода «выходили странные звуки». И. П. Липранди отмечает то же самое — необычные и потому неприятные отдельные звуки и их сочетания. Это свое мнение он совершенно бездоказательно приписывал Пушкину: поэт якобы «начал приводить разные молдавские слова, которые для нашего слуха действительно были как-то дики, другие — смешны».

А что такое гармония в понимании Пушкина?

После выхода в свет соответствующего тома «Словаря языка Пушкина» мы располагаем сводом всех слу-

Чаев употребления поэтом данного слова: наречие «гармонически» поэт употребил один раз, прилагательное «гармонический» — семь раз, а существительное «гармония» в различном контексте и в различных падежах — тридцать четыре раза. Составители словаря определили значение существительного так: «музыкальное созвучие», «благозвучие» и «соразмерность». В первом значении слово употреблено семь раз, во втором — двадцать пять и в третьем — два раза. Прилагательное «гармонический» в значении «полный соразмерности» (два раза) и «полный благозвучия» (пять раз), как и семантическая пропорция существительного (двадцать пять раз: «благозвучие»!), обзывали, по нашему мнению, составителей словаря учесть в первую очередь частотность значения. Здесь главное состоит в том, что из всех сорока двух случаев употребления и существительного, и прилагательного, и наречия (34+7+1) в тридцати (25+5) слово означает «благозвучие», то есть «угодливость или согласность звуков для нашего слуха», или «согласность звуков последовательных или совместных». То же и во французском стихосложении: гармония — это соответствие гласных в одном и том же или в соседствующих стихах³⁰.

Следовательно, так же как Горчаков и Липранди, Пушкин, высказываясь якобы об отсутствии гармонии в языке «Федры» в молдавском переводе, имел в виду «отсутствие благозвучия». Поскольку речь идет о благозвучии в неродном языке, то по аналогии с фактами восприятия любых иностранных языков благозвучие может означать в данном случае одно из трех: интонацию, собственно звуковую сторону речи, то есть согласность звуков, и, наконец, речевой ритм.

Что имел в виду Пушкин, называя молдавский и цыганский языки «скудными»? Этот эпитет, которым были охарактеризованы позже «новые языки», не может применяться ни к согласности звуков, ни к интонации, ни к речевому ритму данных языков. Мысль поэта была, по-видимому, гораздо шире: возможно, он думал о лексическом составе бесписьменного тогда цы-

---

³⁰ Grammont Maurice. Petit traité de versification française. Paris, 1932, p. 142—145.

ганского языка или же о лексической ограниченности молдавского языка.

В эпитете «странный» очевиден намек на фонетическую сторону этих языков. Вероятно, поэта поразили отдельные их звуки, необычные для его уха и потому «странные».

Липранди пишет, что Пушкин употребил эпитеты «дикие» и «смешные» (звуки). Пушкин же говорит только об их «странности». В чем же состоит эта «странность»?

И. П. Липранди привел несколько слов, произнесенных якобы самим Пушкиным во время диспута о гармонии молдавского языка. Напомним, что ни одно из этих слов не встречается ни в творчестве поэта, ни у кого-либо другого из современников. Повторим еще раз реплику, приписанную мемуаристом Пушкину: «Да вот как, ваше превосходительство, если бы вам пришлось отвечать кому-либо на письмо из России, в котором вас спрашивают о вашем адресе, как поживаете, дорого или дешево жить, какие деньги здесь ходят и пр., то вам пришлось бы отвечать, что живете вы в Читате-ди-жос, возле Бессерики Бонавестины; в касе исправника Еманди; что кила пшеницы стоит здесь 1 махмудье» и т. п., то есть в Нижнем городе, возле церкви Благовещения, в доме исправника Еманди; кила (весовая мера) продается за махмудье (золотая монета в общем обращении — тогда 25 левов) и т. п. «Хорошо примут эту гармонию у нас в России!..»

Обратим внимание на то, что все эти искусно подобранные слова, «дикие» или «смешные», представлялись лишенными гармонии самому мемуаристу. «Дикое» и «смешное» в этих молдавских словах сравнительно с их русскими эквивалентами следует объяснять в каждом случае по-разному. Сочетание «Читате-ди-жос», например, напоминая русское слово «читайте», обозначает нечто совершенно неожиданное — «Нижний город»! Не соответствует и ритм молдавского сочетания (— — — — —), то есть двухстопный амфибрахий, обрывающийся на ударном слоге, плавному русскому «Нижний город» (— — — — —). Сами слоги с сочетанием однотипных взрывных (т-т-д), обрамленные согласными ч и ж, даже без их сопоставления с русским соответствием, уже самой своей отрывистостью могут легко поразить

иноязычного. Этому содействует и восходящая интонация молдавского сочетания (— — — — —), интонация, отличающаяся от нисходящей русской (— — — — —).

Если ко всему этому добавить и то, что сочетание это произносится «чШетате-де-жьос», то есть со звуками, которых нет в фонетической системе русского языка (чШ и жь), или то, что согласные т и д йотированы далеко не в такой степени, как в русском языке (те, де, не тје, дје), то данное молдавское сочетание для некоторых иноязычных может и впрямь показаться и «диким», и «смешным», и лишенным всякой гармонии. Однако такое восприятие иноязычия свойственно далеко не всем.

Такими же или подобными средствами можно было бы при желании объяснить «странность» и даже «дикость» и других сочетаний звуков в словах, приведенных мемуаристом: «Бессерика Бонавестины» (?), «касса исправника Еманди», «кила», «махмудье». «Странности» и «дикости» приведенных слов способствует и то, что часть из них оттранскрибирована мемуаристом как бы умышленно неправильно и даже с нескрываемой небрежностью: «Читате-ди-жос» вместо «Четатя де жос», «Бессерика Бонавестины» вместо «Бисерика Бунавестире».

Самоуверенность мемуариста проявляется и в предложенном им обратном переводе русского слова «город», который на молдавском языке ни в каком случае не переводится через «четате», означающее только и только «крепость». Такой перевод мог предложить иностранец, не допускающий, что в другом языке нет единого слова, которым переводилось бы и понятие «город», и понятие «крепость». А молдавское «четате» передает только один смысл русского слова «город» — «крепость». Правильный молдавский эквивалент русского «город», от которого исходил мемуарист, передавая расположение города Кишинева, то есть Нижнего города, не «четате», а «ораш» или «тырг».

Как мы видели выше, о благозвучии трех молдавских антропонимов (Рали, Земфира, Мариула) Пушкин высказался более чем положительно, назвав их «именами нежными». Признался Пушкин и в своей любви к шуму или говору толпы на кишиневском базаре. Был он убежден и в музыкальной одаренности носителей

молдавского и цыганского языков. В свете этих данных о не только разумном, но и более чем благосклонном отношении поэта к «новым» для него языкам юга России можно ли допустить, что в его эпитете «странный» скрывался хотя бы намек на недоброжелательство? Мы считаем, что такого чувства не было, как не было его и позже у Пушкина, автора «Памятника», проявившего великое понимание особенностей всех языков и глубокое уважение ко всем народам.

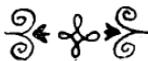
Пушкин жил в многонациональной России, когда уже выработалась некоторая объективность суждений о различных языках. Здесь уместно привести очень ценное высказывание выдающегося советского ученого об отношении к иноязычию, прослеженном на примерах европейских литератур. Опираясь на большое количество фактов, М. П. Алексеев счел возможным сделать вывод, согласно которому до XIX века господствовала «полная произвольность эстетических оценок всякой иностранной речи». В России же «все условия развития русской государственности способствовали выработке у нас особой восприимчивости ко всему «инонациональному» в области быта, обрядности, языка, искусства. Географическая протяженность русского государства, многоплеменность и разноязычность населения, самые причудливые сочетания казалось бы несовместимых ни на каком другом уголке земного шара контрастов в области быта, идеологий, различные типы языковых смещений и т. д., непонятные и даже невысказанные для более однородных культур Запада и Востока — все это постоянно повышало у нас не только ощущение «чужого», но и способность быстро примениться к нему, ассимилировать его, понять с удивительной полнотой. И это сказалось прежде всего в нашем отношении к иноязычию»³¹.

Такое отношение к другим народам и языкам, в частности к молдаванам и цыганам, было и у Пушкина: подметив лексическую ограниченность и необычность звуков, он сумел выйти за пределы привычной собственной языковой практики и не только не осудил или не высмеял, но и стал благосклонно на точку зрения иного речевого сознания и опыта.

---

³¹ Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия, с. 214 — 215.

Не таким был шовинист И. П. Липранди. Приведенные выше выдержки из его фабрикации являются ярким свидетельством его недоброжелательства, субъективно-отрицательных позиций, новым доказательством его сшитой белыми нитками инсинуации.

«МНЕ ЖАЛЬ ПОКИНУТЫХ ЦЕПЕЙ»

Другу и сослуживцу Н. С. Алексееву в конце 1826 года уже из Пскова Пушкин отвечал: «Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк, опрятный и чопорный, кишиневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном, или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке...» А еще через четыре года того же Алексеева он просил: «Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению, — о берегах Быка, о Кишиневе, о красавицах...» А в конце лета 1823 года, только что выехав из Молдавии навсегда, поэт писал брату: «...новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей».

В чем дело?

То мы читаем у Пушкина, что Бык — мутная «лу-

жица», что в городе ужасная распутица, а лавки грязны, дома запачканы; что повозки здесь малы, а лошади — не лошади, а клячонки; что восточное времяпрепровождение в салонах его смешит. От современников узнаем, что он, «афей», принужден посещать церковь, что в таком-то урочище он дважды стрелялся, что здесь еле отменились другие три дуэли. То вдруг ему «стало жаль <...> покинутых цепей».

Дело в том, что Пушкин в Кишиневе, вопреки расчетам правительства, попал в среду единомышленников. Здесь он встречался с Пестелем, виднейшим руководителем декабризма, был частым гостем М. Ф. Орлова, дружил с В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым и другими. Были у него приятели и из числа греков и молдаван, «конституционные друзья». Полюбил он своего доброго покровителя Инзова. Радовала его и местная природа — холмы, поля и рощи сонные — и щедрые ее дары — «отрада осени златой».

Он, искатель новых впечатлений, полюбил местную народную музыку — «песен радостные гулы». Заинтересованно наблюдал поэт в Бессарабии «пестрое стеснение нарядов». Нравились ему народные танцы. Многие его современники на Западе и в России отказывали молдавскому языку в гармонии, в способности обслуживать «изящную словесность». А Пушкин называл «нежными» некоторые молдавские женские имена и хвалил своего кишиневского собрата, молдавского поэта К. Стамати, за его деятельность на поприще художественной литературы на молдавском языке.

Он радовался совпадению обычаев у разных народов. В Молдавии он написал стихотворение «Приметы» об умении местных жителей по различным признакам предсказывать наступление ненастья или хорошей погоды. Стихотворение «Птичка» доносит до читателя радость при выпуске на свободу птичек и в России и в Молдавии. Радуюсь совпадениям, он не осуждал и различия.

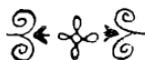
Та же объективность и тот же выход за пределы собственного опыта виден и в рисунке «Сцена в церкви», сохраняющем все достоинства этнографического документа. Он ненавидел спесивое боярство. Но как верно, с каким уважением к правде жизни запечатлел

он его на этом и на других своих рисунках и в своем поэтическом творчестве!

За время пребывания в южной ссылке он проявил особый интерес к духовным богатствам местного населения и, в частности, к поэтическому фольклору. Мы узнаем об этом не только из мемуарной литературы, но и по следам, которые это благородное внимание оставило в его творчестве. Можно даже назвать социальную среду, которая создала, сберегла и представители которой сообщили ему молдавский поэтический источник его будущих творений: песни «Режь меня...» и поэмы «Братья разбойники». То были, безусловно, представители «низших» слоев общества — горожане и крестьяне. От них узнал он и различные предания о курганах, рассыпанных по «пустынным бендерским раскатам».

Из среды местного боярства поступили к нему сведения о молдавских исторических преданиях XVII века, над изложением которых, по свидетельству современника, он упорно работал («Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года» и «Дука, молдавское предание XVII века»). Книжного происхождения, но исходило тоже от представителей боярства предание о пребывании римского поэта Овидия в Аккермане, а также легенда о воинственном кургане «Рабыня» (Рэбыя), заимствованная у французского мемуариста, который записал ее в Молдавии.

Величие Пушкина определяется не только гениальностью его творений, радикальностью политических убеждений, но и его величайшей терпимостью к инациональному. Он умел проявлять особую восприимчивость к «чужому» в быту, обрядности, языке и искусстве. Он обладал благороднейшей способностью быстро применяться к «чужому» и понимать его с огромным великодушием. Пройдут столетия, но творчество великого Пушкина, пробуждающее «чувства добрые», всегда будет служить лучезарной звездой на пути братства между народами и приумножения духовных ценностей всего человечества.

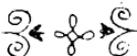

СОДЕРЖАНИЕ

«И тихий труд и жажда размышлений»	3
*Пловец и Арион	12
Глубинные основы дружбы	12
Утраченное тюремное послание	18
Отрицательная характеристика?	24
Интерес к истории края	33
«Бессарабия, известная в самой глубокой древности...»	33
«Древних станов рубежи»	42
«Воинственные могилы»	44
«Тебя, твой трон я ненавижу!»	48
Емкость этнографических характеристик	52
«Нарядов пестрое стеснение»	52

«На посох опершись дорожный...»	63
«Ужасные проклятия...»	65
«Тяжелый молдаван...»	67
Шалевая чалма	69
Обритые и бородатые куконьки	74
«Дамы прелеют и молчат»	76
Прохлады и кофейная гуца	77
Каруца, клячонки	80
*«Песен радостные гулы»	83
*«Как весело и приятно отплясывать джок!»	93
«Отрада осени золотой...»	101
*К истолкованию стихотворения «Мой друг, уже три дня...»	103
Что знали современники?	105
Кто такой Тодор Балш?	110
Вторая причина ареста	116
*Бессарабский источник поэмы Н. В. Гоголя	
«Мертвые души»	123
Невероятность сюжета	126
Не факты, а анекдоты	132
Торговля «мертвыми душами» в Бессарабии	141
Интерес Пушкина к скупщику «мертвых душ»	151
*Поправка к воспоминаниям И. П. Липранди	157
Этимологические увлечения мемуариста	160
Несуразности, противоречия, инсинуации	167
Истинное отношение Пушкина к молдавскому языку	179
«Мне жаль покинутых цепей»	187

*Главы, отмеченные звездочкой, в иной редакции печатались в различных сборниках и периодических изданиях.

Георгий Феодосьевич Богач

ДАЛЕЧЕ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Редактор Н. Г. Сеппинг
Художник Т. М. Громыко
Художественный редактор Е. Г. Касьянов

Технические редакторы
С. Н. Асламова, С. Г. Калмыкова
Корректор Г. Ф. Клешнина

ИБ № 390

Сдано в набор 27. 02. 79. Подписано в печать 06. 09. 79. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Журнальная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,57. Тираж 10 000 экз. Заказ 1621. НЕ 12315. Цена 55 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Иркутск, ул. Горького, 36а.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», г. Иркутск, ул. Советская, 109.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
8	2-я снизу	Relatir	Relatii
15	14-я сверху	Г. Б.,	Г. Б.),
20	13-я снизу	в 1851 года	в 1851 году
106	16-я снизу	с беременной	беременной
123	3-я снизу	тексты - произведений	тексты из произведений
181	5-я сверху	языков	языков,
183	6-я снизу	(-----)	(-----')
»	4-я снизу	(-----)	(-----')
184	2-я сверху	(-----)	(-----')
»	3-я сверху	(-----)	(-----)
»	7-я сверху	т и ѓ	т и ѓ

Богач Г. Далече северной столицы.

55 коп.

ИРКУТСК, 1979

Пушкинский кабинет ИРЛИ